

Г. К. ВЕНЕДИКТОВ

БОЛГАРСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Проблемы
нормализации и выбора
диалектной основы

«НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Институт славяноведения и балканистики

Г. К. ВЕНЕДИКТОВ

БОЛГАРСКИЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Проблемы
нормализации и выбора
диалектной основы

Ответственный редактор
доктор филологических наук
Л. Н. СМЕРНОВ

МОСКВА "НАУКА" 1990

ББК 81.2
В29

Рецензенты:
доктора филологических наук
Р.М. Цейтлин, В.К. Журавлев

Венедиктов Г.К.

В 29 Болгарский литературный язык эпохи Возрождения: (Проблемы нормализации и выбора диалектной основы). — М.: Наука, 1990. — 206 с.

В монографии рассматриваются широко обсуждавшиеся болгарской общественностью XIX в. проблемы создания современного литературного языка на стадии его формирования в эпоху национально-культурного возрождения Болгарии. На богатейшем материале автор прослеживает основные направления нормализации языка, место традиции и народной речи, отношение к некоторым особенностям грамматики, выбор диалектной основы как важнейшие предпосылки создания единого литературного языка возрождавшейся нации.

Для славистов, лексикологов, историков.

В 4602020100-030 699-90 I полугодие
042(02)-90

ББК 81.2

ISBN 5-02-011000-0

© Венедиктов Г.К., 1990

НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ НОРМАЛИЗАЦИИ БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

§ 1. ПРОБЛЕМА ЯЗЫКА В ОБЩЕМ ДВИЖЕНИИ БОЛГАР ЗА НАЦИОНАЛЬНОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ

Проблеме родного языка в эпоху национального возрождения образованные и патриотически настроенные представители зарождавшейся болгарской интеллигенции и других слоев общества уделяли исключительно большое внимание. Она занимала умы многих деятелей, начиная от Паисия Хилендарского, с именем которого связывается начало Возрождения, и кончая теми писателями, учеными, представителями других областей складывавшейся национальной культуры (Петко Славейков, Иван Богоров, Марин Дринов и многие другие), чья разносторонняя деятельность продолжалась и после освобождения Болгарии от османского владычества, завершившего эпоху Возрождения у болгар. В ее обсуждении приняли участие и менее известные и совсем неизвестные авторы собственных сочинений и переводов, учителя, издатели газет и журналов и др., излагая свое мнение о состоянии болгарского языка (в особенности письменного), об особенностях их собственного языка и, в частности, принятого ими правописания и т.д. О большом внимании деятелей той поры к проблеме языка свидетельствует и тот факт, что уже первые культурно-просветительные общества болгар в качестве одного из главных пунктов своей программной деятельности ставили содействие созданию и совершенствованию литературного языка. Об этом же говорит и участие многих периодических изданий 40—70-х годов в обсуждении языковых вопросов.

Подчеркнутое внимание к проблеме родного языка, которое уделяли деятели Возрождения, объясняется не только и, может быть, не столько интересом к языку как таковому (хотя в изданиях того времени имеется немало статей и разного рода заметок, где рассматриваются узко специальные и частные вопросы грамматики, орфографии и т.д.), сколько той большой ролью, которая отводилась ему в общем движении за национальное и культурное возрождение.

Уже Паисий Хилендарский, с чьим именем и деятельностью связано начало Возрождения у болгар, придавал родному языку исключительно большое значение в начертанной им в "Истории славеноболгарской" (1762) программе национально-освободительного движения. Борьба за освобождение от греческого духовного гнета и за национальное просвещение, борьба за утверждение национального самосознания и сохранение национальной самобытности болгар

теснейшим образом увязывается им с задачей сохранения и возвышения родного языка. Паисий хорошо понимал, что пренебрежительное отношение к родному языку наносит национальным интересам болгарского народа огромный ущерб. "О неразумне и юроде, поради что се срамишь да се наречешь болгаринъ и не четишь по свои языкъ и не думаешь", — восклицал Паисий¹. Чувство негодования вызывали у него те из соотечественников, кто "не любят за свои родъ болгарски знати, но се обращают на чужда политика и чужди языкъ и не радатъ за свой языкъ болгарски, но се учат четати и думати по грчки и сраматъ се да се наречатъ болгаре"², кто идут "пу чужди языкъ и обичаи, а на свои хулатъ"³. Пренебрежительное отношение к родному языку, обучение на чужом (греческом) языке, безразличие к славной истории и современным нуждам народа — вот зло, которое надо искоренить. И Паисий призывал и тех болгар, кто уже забыл о своем роде и языке, и тех, кто сохранил им верность: "Ти болгарине не прелащай се, знаи свои родъ и языкъ и учи се по своему языку"⁴. Эти слова можно смело поставить эпиграфом ко всей последующей борьбе болгар за права родного языка в рамках их общего движения за национальное возрождение.

После Паисия о необходимости обучения на родном языке выступил выдающийся деятель болгарского Возрождения Петр Берон — автор известного "Рыбного букваря" (1824) — первого учебного пособия, написанного на живом, народном языке. Берон указывает "прямой путь к учению" — обучение детей на понятном им живом языке. Он понял, как "плохо поступают у нас учителя и как напрасно страдают бедные дети", которые и после ряда лет учебы не умеют даже свое имя написать⁵. Причина этого "окаянного состояния" не только в негодной системе преподавания, но и в том, что книги (псалтырь и часослов), по которым учились в то время грамоте, были напечатаны не на болгарском, а на непонятном для детей церковнославянском языке. Берон указывает, что учителя давно уже отказались бы от псалтырей и часословов, в которых дети ничего не понимают, "если бы имели какую-нибудь книгу, напечатанную для них на нашем языке"⁶, что "очень полезно" первоначально изучать "наш язык с его грамматическими правилами", а затем уже следует изучать и другие языки⁷. Он призывает к печатанию как можно больше книг "на нашем языке". Это необходимо для просвещения народа, который так долго пребывал "во мраке без науки"⁸. Берон призывает соотечественников проявить усердие в распространении образования в своем отечестве.

Впоследствии тема родного языка — его защиты и обучения на нем не сходит со страниц болгарских изданий. Главный, если почти не исключительный, упор болгарские деятели той эпохи делали на чисто практическую, но жизненно важную для них сторону проблемы языка: чтобы сохранить и укрепить свое единство как народа, болгары должны беречь и совершенствовать, т.е. литературно обработать, родной язык и укрепить его позиции в общественной жизни, прежде всего в школе, а затем в литературе и других областях духовной культуры.

С течением времени, к середине 50-х годов, знание родного языка стало вопросом национальной чести для образованного круга болгар, а незнание его квалифицировалось как сознательное отречение от своей национальной принадлежности.

Можно привести немало ярких высказываний многих представителей формировавшейся болгарской интеллигенции (В. Априлов, Н. Геров, П. Славейков и др.), которые свидетельствуют о глубоком понимании ими важности родного языка в решении задач национального возрождения и необходимости активного отношения к нему как важному средству, или орудию этого движения. Приведем несколько примеров.

В середине 40-х годов, когда движение болгар за национальное возрождение приняло уже широкий размах, особенно в области просвещения (организация учебного дела) и книгопечатания, И. Богоров в передовой статье к первому номеру первой болгарской газеты "Български орел" (20.IV.1846), излагавшей насущные задачи этого движения, подчеркнул большое значение и проблемы родного языка — его защиты и необходимости совершенствования. Отметив, что соседние народы (румыны, сербы, греки), обретя свободу, стремятся сравниться с "европейскими народами в науке, просвещении, торговле и ремесле", И. Богоров писал: "А что должны делать мы, болгары, в условиях такой жизни и такого оживления кругом? Должны ли мы остаться живыми трупам, какими были до сих пор? Не должны ли мы, народ, насчитывающий пять миллионов человек, — промолвить хотя бы одно слово в царствах народов? Должны ли мы еще долгое время оставаться без имени, неизвестными для других народов земли? Должны ли мы, чьи предки защищали своей кровью и ценой жизни христианский закон и веру, еще долгое время испытывать срам от того, что в нас не признают христиан, т.е. просвещенных, культурных людей, братьев других христиан? Должны ли мы еще долгое время оставлять мертвым наш язык, который мы унаследовали от наших предков, и особенно теперь, когда мы видим вокруг себя христианские и славянские народы, совершенствующие свой язык и возвышающие свою народность, должны ли мы стать чужаком, что противоречит нашему разуму? — Нет! Так не может продолжаться дальше! И мы, болгары, должны начать сознавать себя как народ, который имеет равные с другими европейскими народами права! *Мы должны твердо стоять за свой язык и свою веру!* Впредь своим усердием и тонкостью ума мы должны показать, что мы — христиане, что мы — славяне, братья москвовцев, сербов и других славянских народов" (курсив наш. — Г.В.).

В брошюре "Несколько мыслей о болгарском языке и образовании у болгар" (1852) вопрос о болгарском языке Н. Геров прямо связывает с необходимостью отказаться от обучения на греческом языке и с защитой национальной самобытности болгар⁹.

На огромное значение родного языка, обработанного и общепринятого в качестве единого литературного языка, неоднократно указывал М. Дринов. "Нет сомнения, — писал он в знаменитой статье "О новоболгарской азбуке", — что от выработки единого литера-

турно-письменного языка для всех болгарских областей во многом зависит укрепление нашей народности и хороший успех нашего национального развития. Пока разные болгарские области лишены единого общего органа, с помощью которого они могли бы одинаково проявить свою высшую духовную деятельность, до тех пор болгарская литература будет оставаться разобщенной, ее успехи будут слабыми, до тех пор и болгарский мир будет слабо осознавать свое национальное единство, свою духовную силу и могущество"¹⁰.

С дальнейшей судьбой народа, с проблемой национального самосохранения непосредственно увязывались иногда даже графика и орфография. Это хорошо видно на примере отношения Н. Палаузова к опыту фонетического правописания, предложенному Й. Добровским в его "Мирозрении" (1850), и к болгарской грамматике Цанковых, написанной на немецком языке (1852)¹¹. В письме от 14 марта 1852 г. В.И. Григоровичу он подвергает острой критике графическую систему и правописание Й. Добровского (Й. Добровский ввел фонетический принцип правописания, выбросил буквы *я, ъ, ю, ы, ъ, ъ*, вместо *й* писал *і*), которые, по мнению Н. Палаузова, суть "непростительное подражание западным народам" и свидетельствуют о том, что такого рода "вольнодумцы хотят лишить язык свойственных ему преимуществ" и "отличительной физиономии"¹². По поводу упомянутой грамматики Д. и К. Цанковых, в которой весь иллюстративный материал болгарского языка передается не кириллицей, а латиницей с добавлением дополнительных знаков для передачи некоторых болгарских звуков (например, *ъ*), Н. Палаузов писал В.И. Григоровичу: "Теперь уже появилась в печати болгарская грамматика латинскими буквами. Не сумасбродство ли это? И что из этого выйдет, если неопытные болгаре последуют этому кривописанию? *Они или олатынятся, или онемечатся*, и странно, западные славяне стараются ввести у себя кирилловский алфавит и посредством этого сблизиться с своими родичами, а сии последние (т.е. болгары. — Г.В.) дурачатся, *вводят латынщину и сами себя губят*. Надобно образумить этих Лютеров славянских, а то, пожалуй, *наделают много зла, которое трудно после исправить*. И придет же в голову такая дурь! Видно эти книжники хотят заслужить славу реформаторов, хороша слава! Точно так, как некогда какой-то субасброд, чтобы оставить свое имя незабвенным в истории, сожег знаменитый храм Дианы, подобных реформаторов я бы сожигал на кострах, составленных из книг и алфавитов" (курсив всюду наш. — Г.В.)¹³. Таким образом, отступничество отдельных болгар от традиционного письма, грозящее трудно поправимыми последствиями, равносильно, по мнению Н. Палаузова, предательству по отношению к своему народу.

Существенной особенностью движения за формирование национальной культуры у болгар было, как известно, то, что своим острием оно было направлено на освобождение прежде всего от духовного (в широком смысле слова) гнета греков, а не турок — господствующего этнического элемента Османской империи. Поэтому и борьба против грекомании, против приверженности к греческой образованности и непосредственно связанной с этим приверженности

к греческому языку как языку школы, литературы, богослужения, столь характерной для части болгарского общества того времени, представляла собой важную, а в отдельные периоды — и главную часть общей борьбы за права болгарского языка в разных сферах сформировавшейся национальной культуры. Турецкий язык — язык господствующей нации — в силу существовавших в Османской империи в XIX в. социально-исторических условий не был серьезным препятствием для болгар на пути создания ими своей культуры, и борьба против него шла в основном с более или менее ярко выраженных пуристических позиций. Характерной чертой борьбы болгар за права родного языка было, таким образом, то, что она была направлена против использования генетически далекого для них греческого языка. С этим связано, в частности, весьма доброжелательное отношение болгар к отдельным славянским языкам, видевших в них не барьер на пути развития собственной школы, литературы и т.д., а в известной мере образец и источник совершенствования, обогащения родного языка и шире — одно из вспомогательных средств к ускоренному развитию всех областей своей культуры. В этом отношении особенно большое значение придавалось, как известно, русскому языку. Тот факт, что другие славяне — русские, чехи, поляки, сербы — пользовались родным языком в школе, на своем языке издавали литературу, журналы, газеты и т.д., служил для болгар как бы дополнительным стимулом к энергичной борьбе за права родного языка, за создание своего богатого литературного языка, ибо униженное положение языка народа, давшего славянству письменность и первые переводы книг священного писания на славянский, т.е. древнеболгарский, язык, рассматривалось как историческая несправедливость, с которой необходимо покончить.

Наиболее остро проблема родного языка с самого начала была связана с задачами просвещения, создания национальной школы — с "великим вопросом о наших школах", как называл его впоследствии Петко Славейков¹⁴. В движении за развитие народного образования у болгар было много общепросветительских идей, но вместе с тем они самым тесным образом переплетались с задачами формирования национальной культуры и национального самоутверждения, с задачами освобождения от инонационального духовного гнета. В области образования это сводилось прежде всего к освобождению от греческого засилия в школе, к отказу от греческой образованности и к созданию собственной, национальной школы с преподаванием на родном языке как необходимой предпосылки развития литературы и других областей национальной культуры. Трудная борьба за такую школу, за широкое развитие сети болгарских школ, способствовавшая росту и национального самосознания и национально-освободительному движению, представляет собой одну из замечательных страниц всей истории болгарского Возрождения.

В борьбе за создание национальной школы язык занимал ведущее место. Пожалуй, никакой другой вопрос организации школьного дела деятели Возрождения не отстаивали в течение длительного времени с таким горячим участием и настойчивостью, как вопрос о том,

что болгары должны получать образование в своих школах и на своем родном языке и что источники знаний они должны черпать из книг, написанных на этом языке. Здесь нет необходимости подробно освещать аргументацию, которая приводилась в защиту этого важного положения. Отметим только, что учение на родном языке рассматривалось как весьма существенная предпосылка укрепления национального самосознания и сохранения здоровых сил нации и что отказ от учения на родном языке квалифицировался как предательство национальных интересов.

Не менее важное значение придавалось родному языку как важнейшему средству ускоренного приобщения болгарского народа к достижениям духовной (и не только духовной) культуры. "Итак, чтобы легче стать образованными людьми и скорее достичь подлинного просвещения, — писал Н. Геров, — мы должны обучаться на своем языке и писать книги на таком языке, какой мы употребляем в речи"¹⁵. Необходимость такого подхода к народно-разговорному языку как средству обучения и получения знаний для Н. Герова, как и для многих его единомышленников, очевидна. "Написанные на этом языке книги, — указывал он, — поймет каждый болгарин, даже и тот, кто не имел счастья много учиться, лишь от одного чтения изо дня в день приобретет он новые знания. Ребенок, стоит ему только научиться читать, сможет начать изучать землеписание, бытописание, арифметику и другие науки, слушая и читая на том языке, которому с малолетства его научили отец и мать"¹⁶.

Первостепенное значение для дальнейшего национального развития придавал обучению на родном языке и Петко Славейков. Он подчеркивал (1867), что учение на родном языке — это самый прямой путь к просвещению, к образованию народа, это "первое и возможное средство", которое "скорее откроет нам глаза на то, что нужно для нашего прогресса, для нашего благосостояния и благоденствия"¹⁷.

В движении болгар за права родного языка в эпоху Возрождения можно выделить два периода.

Первоначально, примерно до середины 30-х годов речь шла о приложении болгарского языка вообще как антитезы греческому языку, засилие которого в школе, церкви, в других общественных сферах и даже в быту части наиболее состоятельных ремесленников, торговцев и зарождавшейся интеллигенции становилось все более широким и угрожающим. Вопрос о родном языке ставился сначала не столько в плане необходимости литературной обработки, нормализации, направленной на создание единого, общеполитического литературного языка, сколько в том плане, чтобы убедить или, может быть, на первых порах приучить болгар к мысли о пригодности их языка для выполнения тех функций, какие выполняют уже развитые языки просвещенных народов. Речь шла о пригодности болгарского языка как учебного языка в школах и вообще как языка, на котором можно и нужно учиться читать и писать.

Существенно, что на этой стадии борьбы за права родного языка в русле общего движения за национальное возрождение еще не

проводилось разграничение между живым, народно-разговорным болгарским языком и языком книжным, который был представлен разными типами или вариантами, различавшимися прежде всего разным соотношением в них элементов церковнославянской письменной традиции, восходящей в конечном счете к древнеболгарскому языку, и элементов живой речи, отражающих особенности местных диалектов. Конечно, значительная разница между народно-разговорным и функционировавшим тогда церковнославянским языком ощущалась болгарами довольно явственно, но в плане противопоставления "родной язык — неродной (в данном случае — греческий) язык" как народно-разговорный, так и церковнославянский рассматривались болгарами как язык родной.

Впоследствии, начиная со второй половины 30-х годов, проблема родного языка приобретает иной аспект. Появление светских школ с преподаванием на болгарском языке (Габровское училище было открыто в 1835 г.), расширение книгопечатания, зарождение новой литературы остро поставили перед болгарами задачу преодоления господствовавшего в школе и книгопечатании языкового разнообразия (в грамматике и особенно в орфографии и графике), т.е. задачу нормализации, создания единого, общеполитического литературного языка. Теперь акцент ставился уже не просто на родной язык, а на единый, в определенной степени нормализованный литературный язык (на первых порах преимущественно в его письменной разновидности), хотя проблема "родной язык — неродной язык" продолжала оставаться актуальной до середины XIX в.

Создание единого болгарского литературного языка, необходимость которого по существу никто из образованных и патриотически настроенных болгар не оспаривал, стало рассматриваться болгарской интеллигенцией как одна из важнейших и первоочередных задач общенационального значения. С успешным решением этой задачи непосредственно связывался дальнейший прогресс в образовании, литературе и других областях складывавшейся национальной культуры.

Уже Неофит Рильский, первым поставивший вопрос о необходимости создания единого, нормализованного литературного языка, писал в 1835 г., что пробуждающиеся от долгого сна и невежества болгары должны срочно усовершенствовать и нормализовать свой язык ("да вообразят безобразието на болгарския язык"), чтобы со временем и они могли "пить и наслаждаться вкусной и прозрачной водой своих, а не чужих источников"¹⁸.

Именно с нуждами просвещения народа связывал В. Априлов (1836 г.) необходимость "устройства языка" таким образом, чтобы совместными усилиями образованных людей была выработана "единая система" или "общая система", т.е. единый литературный язык, которому впредь должны следовать школы и все образованные болгары. То, что необходимость в "общей системе" диктовалась, по мнению В. Априлова, прежде всего насущными задачами просвещения, видно уже из названия письма, с которым он обратился к своим ученым соотечественникам. Это знаменитое письмо, полный текст которого лишь недавно был обнаружен и издан И. Снегаровым, называется

"Мнение В. Априлова *относительно просвещения народа*" (курсив наш. — Г.В.), но в нем речь идет преимущественно и главным образом о том, каким должен быть литературный язык и каким путем следует установить его единство. "Мнение" начинается словами о том, что нормализация болгарского языка вызывается прежде всего задачами просвещения: "По примеру новых европейских языков непременно необходимо, особенно в начале просвещения народа, чтобы и наши соотечественники в настоящее время сделали разговорный язык более легким и более гладким"¹⁹. Мыслью о просвещении, с которым связано будущее Болгарии, и заканчивает В. Априлов свое "Мнение", призывая "образованных людей" рассмотреть его соображения и "осветить путь к просвещению нашего народа, и наше прекрасное отечество станет еще краше"²⁰.

Несколько позднее (1850) Й. Добровский подчеркивал, что создание "письменного славяноболгарского языка" — это "исключительно важный и очень нужный предмет"²¹. В конце 60-х годов Т. Икономов, редактор издававшегося в Болграде журнала "Общий труд" писал: "Обработка ("разработването") языка, особенно языка нового, еще не установившегося, каким является наш болгарский, должна составить самую важную и существенную сторону развития и просвещения народа"²². На первостепенное значение создания единого литературного языка неоднократно указывала и газета "Цариградски вестник", подчеркивая, что это — "животрепещущее, важное и чрезвычайно необходимое для умственного и нравственного развития болгарского народа дело"²³. В статье говорилось, что с созданием единого литературного языка болгарская литература обретет крылья, с помощью которых она достигнет "достойных и похвальных успехов". Даже устранение орфографических различий и выработка единых норм правописания рассматривались как одна из самых важных и необходимых предпосылок развития новой болгарской литературы. Что бы ни было сделано другое, писал В. Стоянов (1865), один из будущих основателей и активных деятелей "Болгарского научно-литературного общества" в Браиле, — "наш язык и наша литература никогда не увидят успехов и прогресса", если не будет создано "хорошо устроенное правописание"²⁴.

Следует особо подчеркнуть, что необходимость единого литературного языка нередко прямым образом связывалась с самим существованием болгар как самостоятельного народа. "Раз мы называемся болгарами, — говорилось в упомянутой выше статье из газеты "Цариградски вестник", — то мы должны иметь и единый язык болгарский". Именно в единстве литературного языка видели многие деятели Возрождения и признак единства, и средство единения, сплочения болгарского народа. Известный книгоиздатель прошлого века Х. Данов писал (1869), что создание "общей болгарской грамматики" (т.е. единого литературного языка) позволит болгарам "сохраниться навсегда и быть всем, как были и до этого, единым народом"²⁵. Учитель П. Иванов указывал (1871), что "общая грамматика — это самая прочная связь ("връска") народа, сколь бы далеки ни были

друг от друга его элементы и какой бы совершенно непонятный провинциализм не господствовал между ними"²⁶. "Если мы один народ, — подчеркивал он в другом месте, — то мы должны иметь один литературный язык и одну грамматику"²⁷.

Задачу создания такого языка нетрудно было провозглашать, но ее сложно было выполнить. Целый ряд факторов (в частности, значительная диалектная дробность болгарского языка, влияние разных филологических школ в самой Болгарии и за ее пределами, в частности в Греции, и др.) явился причиной того, что с самого зарождения идеи о необходимости создания единого для болгар литературного языка возникли и острые споры о характере этого языка (его церковнославянской или народно-разговорной основе), выборе диалектной базы, путях нормализации и совершенствования грамматики, лексики, правописания и др. Ввиду возникших разногласий сама дискуссия, широкий обмен мнениями по вопросам литературного языка рассматривался многими как важная предпосылка выработки его единых норм. Поэтому и участие в обсуждении таких вопросов, направленное на скорейшее создание литературного языка, постепенно стало осознаться как долг и даже священный долг всех образованных болгар, а нежелание изложить собственный взгляд по тем или иным вопросам совершенствования и нормализации языка квалифицировалось иногда как непатриотическое и даже преступное отношение к нуждам народа.

Одним из главных, если не главным, в собственно языковой проблеме был вопрос о том, каким должен быть единый, общеполгарский язык и каким путем он должен сформироваться и утвердиться. По этому вопросу существовали разные точки зрения, которые можно свести к двум основным, представляющим два принципиально разных направления в нормализации литературного языка.

Согласно одной точке зрения, которую развивали так называемые архаисты (К. Фотинов, Хр. Павлович и др.), болгарский литературный язык должен ориентироваться не на народно-разговорный, а на церковнославянский язык и должен представлять собой несколько приближенный к народному языку, но церковнославянский в своей основе язык. Это направление не имело в Болгарии достаточно большого числа приверженцев и сравнительно быстро, уже к середине 40-х годов, сошло со сцены, хотя отдельные отголоски его давали о себе знать и позднее. Думается, что одной из причин непопулярности и недолговечности этого направления был сам характер прокламируемого им литературного языка. Лишенный целого ряда характерных особенностей живого болгарского языка, содержащий многие особенности церковнославянского языка, давно утраченные живым языком болгар, он казался искусственным, был довольно далек от народно-разговорного языка и потому был недостаточно понятным тем из болгар, кто не изучал его специально (видимо, в этом и причина непопулярности журнала К. Фотинова "Любословие"). В атмосфере широкого стремления к развитию образования, литературы, журналистики и т.д., порожденного наступившими глубокими со-

циально-экономическими сдвигами, такой язык, как полагали многие деятели Возрождения, не мог быть эффективным средством развития разных областей национальной культуры.

Преобладающим было другое направление, представители которого (В. Априлов, И. Богоров и многие другие) были убеждены в том, что единый литературный язык следует строить на основе народно-разговорного языка, должным образом обработанного и обогащенного из разных источников. Считалось, что именно такой язык, понятный всем болгарам, наиболее пригоден для скорейшего приобщения широких кругов населения к знаниям и достижениям культуры, для развития новой литературы и т.д. На эту сторону литературного языка на народно-разговорной основе, в котором остро нуждалась формировавшаяся нация, и акцентировали внимание многие из его приверженцев.

Так, И. Богоров писал, что потребности в быстром образовании народа диктуют, чтобы в основу литературного языка была положена народная речь и с учетом последней было составлено единое правописание. Именно народный язык, подчеркивал он, — это "самый прямой путь, идя по которому, человек может легче постичь науку, ибо то правописание наиболее совершенно и тот язык наиболее сладок, который хорошо понимает наш народ, когда слушает его или читает на нем"²⁸. На этом И. Богоров настаивал и впоследствии. Четверть века спустя он подчеркивал, что литературный язык, основанный на живом народном языке, — важнейшее условие быстрого развития образования. "К просвещению народа, — писал он, — нет другого более короткого пути, кроме его родного языка"²⁹.

Таким же было мнение и подавляющего большинства других деятелей болгарского Возрождения, борющихся за создание национальной культуры.

Как известно, современный болгарский литературный язык сформировался на основе народно-разговорной речи, благодаря чему он с самого начала был понятен и доступен народным массам. Это обстоятельство в значительной мере способствовало достаточно быстрому развитию (всего за несколько десятилетий) широкой сети светских школ, литературы, которая ускоренным темпом прошла путь от синкретизма к разнообразным жанрам современной литературы; оно способствовало развитию периодики и других областей складывавшейся национальной культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Цит. по: История славеноболгарская собрана и нареждена Паисием иеромонахом в лето 1762. Стъмки за печат Й. Иванов. С., 1914. С. 5—6.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 7.

⁴ Там же. С. 6.

⁵ *Берович П.* Букварь с различни поучения. Брашов, 1824. С. 2.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Там же. С. 143.

⁸ Там же.

⁹ *Герв Н.* Няколко мисли за българский язык и за образованието у българити. Цариград; Галата, 1852. С. 10.

- ¹⁰ Дринов М. За новобългарското азбуке // Периодическо списание. 1870. Кн. 2. С. 9.
- ¹¹ Sankof A. und D. Kyriak. Grammatik der bulgarischen Sprache. Wien, 1852.
- ¹² Никулина М.В., Великов С. Писма на Николай Христофоров Палаузов и Спиридон Николаев Палаузов до Михаил П. Погодин и Виктор И. Григорович // Изв. на държавните архивн. 1974. Кн. 27. С. 109.
- ¹³ Там же.
- ¹⁴ Славејков П. Новата фаза на нашето обществово развитие // Македонија. Г. III, N 30. 26.VI.1869.
- ¹⁵ Геров Н. Няколко мисли... С. 35.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Славејков П. Всинца наши за нас си // Македонија. Г. I. N 33. 15.VIII.1867.
- ¹⁸ Рилски Н. Болгарска граматика сега перво сочинена. Крагуевац, 1835. С. 1—2.
- ¹⁹ Мнение на Василий Априлов относно просветата на народа // Изв. на Архивнија ии-т. 1957. Кн. I. С. 219.
- ²⁰ Там же. С. 224.
- ²¹ Мирозрение. 1850. I. С. 44.
- ²² Икономов Т. Програма за събиране образци по народната устна словесност и местни наречия // Обшт труд. Г. I. 1868. Кн. 1. С. 1.
- ²³ Предмет за болгарский език // Цариградски вестник (дале — ЦВ), Г. 9. N 456. 19.XI.1859.
- ²⁴ См. письмо В. Стоянова от 9/19.VIII.1865, опубликованное в газете "Въсток". Г. I. N 15, 31.VIII.1865.
- ²⁵ Летоструй. Г. I, 1869, оборот л. 1. См. также: Мнение за българското правописание // Македонија. Г. III Т 10. 1.II.1869.
- ²⁶ Иванов П. Язикословни размисления // Македонија. Г. V, N 38. 20.IX.1871.
- ²⁷ Иванов П. Българска граматика по македонско наречие от г-на Мачуковски // Право. Г. VII. N 35. 30.X.1872.
- ²⁸ Българский народен известник, N 2, 20.IX.1846.
- ²⁹ Богоров И. Третьо упътване за българский език // Читалище. 1871. Кн. 21. С. 644.

§ 2. О НЕКОТОРЫХ ПРЕДПОСЫЛКАХ СОЗДАНИЯ ЕДИНОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Создание единого литературного языка — сложная и трудная проблема, в которой тесно переплетаются объективные и субъективные факторы, определяющие пути развития литературного языка с начала его возникновения и повороты на том или ином отрезке его развития.

Выше уже было кратко отмечено своеобразие некоторых общественно- и культурно-исторических условий Болгарии, в которых формировался болгарский литературный язык в эпоху Возрождения и которые диктовали книжникам той поры определенный подход к решению как общих, так и частных задач устройства языка. Важнейшим из этих условий следует признать разрыв с книжно-письменной традицией, которым в значительной степени объясняется постановка вопроса о двух основных путях создания литературного языка, на которых настаивали книжники 30—40-х годов прошлого столетия. Другое важное объективное условие — диалектное разнообразие живой болгарской речи, которое сильно затрудняло выбор определенной диалектной основы литературного языка с самого начала его формирования.

Кроме этих и других объективных условий, существовал целый ряд важных условий, или предпосылок, формирования литературного языка, связанных непосредственно с целенаправленной или "стихийной" деятельностью самих книжников данной эпохи, усилиями которых в конечном счете и создавался этот язык. Речь идет о тех условиях (предпосылках), которые должны были создать сами книжники и от которых в большей или меньшей степени зависело устройство собственно структурных особенностей, орфографии и других элементов литературного языка. Это были, таким образом, условия субъективного свойства. Мы ограничиваемся здесь рассмотрением только таких предпосылок, которые в наибольшей мере свидетельствуют о том, сколь важное значение деятели Возрождения придавали созданию литературного языка в рамках всего культурно-национального движения той эпохи.

СОЗДАНИЕ ГРАММАТИКИ И СЛОВАРЯ — ВАЖНЕЙШАЯ ПРЕДПОСЫЛКА НОРМАЛИЗАЦИИ БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Из сказанного выше видно, что в общем движении за национально-культурное возрождение проблема родного языка вообще и литературного, в частности, была одной из главных. Важность ее определялась первостепенной значимостью языка как признака национальной самобытности народа, как орудия сохранения и укрепления его единства, как решающего средства развития национальной культуры.

В соответствии с общей направленностью задач национального Возрождения у болгар преобладающее число деятелей этой эпохи полагало, что формировавшийся литературный язык должен быть народным в своей основе (т.е. базироваться на живой, народно-разговорной речи), быть единым (более или менее строго нормированным) и общebolгарским (обязательным в определенных сферах общественного приращения на всей болгароязычной территории). Создание такого языка было сопряжено с рядом трудностей, главным образом внелингвистического свойства, с которыми связаны — прямо или косвенно — значительные различия в языке (правописании, морфологии и др.) издававшихся болгарских книг.

В связи с открытием светских болгарских школ, зарождением журналистики, развитием переводной и разных жанров оригинальной национальной литературы (30—40-е годы XIX в.) потребность в едином общebolгарском литературном языке осознается все сильнее, а необходимость устранения царившего в письменности языкового разнобоя становится все настоятельнее. И важнейшей из первоочередных мер, призванных покончить с таким состоянием языка, как раз и признавалось создание единой и общей грамматики, т.е. свода правил орфографии, морфологии, синтаксиса, которым следовали бы все образованные болгары (ср. и обычную формулу: "Грамматика учит, как правильно писать и говорить по-болгарски"), а также составление словаря, в котором было бы собрано словесное богатство родного языка. Признавалось, таким образом, что грамматика и словарь наряду со своим прямым, чисто учебным назначе-

нием должны были стать и основным кодифицирующим началом в формировании литературного языка.

Важность составления грамматики и словаря понимали многие деятели Возрождения. Как и любое другое содействие формированию литературного языка, оно считалось первостепенным делом общенационального значения. Необходимость их сознавали уже авторы первых печатных новоболгарских книг. Так, А. Кипиловский писал (1825), что, приступая к переводу "Священного цветообрания", он испытывал и "те трудности, которые пристокают из отсутствия грамматики и лексикона нашего языка"¹. Не случайно поэтому, что уже в середине 20-х годов XIX в. Филологическое общество — первое у болгар культурно-просветительное общество — в число первых шести книг, которые оно намеревалось подготовить и издать, включило четырехязычный словарь и болгарскую грамматику. Начиная с середины 30-х годов, когда проблема создания единого литературного языка в Болгарии была поставлена на повестку дня (В. Априлов, Неофит Рильский), на протяжении десятилетий в болгарских изданиях постоянно поднимается вопрос о грамматике и словаре как необходимых предпосылках решения этой задачи.

Уже Неофит Рильский, один из образованнейших болгар середины XIX в., видный деятель национального Возрождения, хорошо понимавший огромное значение просвещения для судеб своего народа, подчеркивал в 1835 г., что "прежде должно устраивать школы, а потом уже церкви и монастыри" (заметим, что это говорит не светское лицо, а монах), что "прежде должно напечатать на нашем болгарском языке нужные для учения книги, а после уже Ветхий и Новый завет"². Но поскольку для успешного распространения просвещения необходим единый для всех болгарских земель язык и поскольку "никакой язык не может принять своего благообразия и исправления иначе, если он не примет грамматических правил", то, указывал Неофит Рильский, "самая нужная вещь, потребная прежде всего прочего, есть грамматика нашего родного и природного языка, дабы каждый писал то, на что он способен, на своем языке по правилам общей, а не местной грамматики, от коей не происходит ничего, кроме бесполезного порицания"³.

Подобные суждения о составлении грамматики как о необходимой предпосылке "устройства" единого общebolгарского литературного языка высказывались впоследствии многими и неоднократно. Одни из них сумели написать и издать сравнительно полные или краткие грамматики болгарского языка, другие лишь начали составлять грамматику, но не довели эту работу до конца или издали в виде статей и заметок отдельные ее фрагменты, третьи только собирались или обещали написать грамматику. В периодических и других изданиях эпохи Возрождения содержатся множество высказываний и призывов к составлению грамматики. Именно в грамматике видели необходимую отправную точку на пути к созданию единого общebolгарского литературного языка.

Не случайно, что вокруг отдельных грамматик иногда создавались даже легенды, примером чему могут служить бытовавшие

среди болгар рассказы о "Грамматике нынешнего болгарского наречия" Ю.И. Венелина. Отметив выдающееся значение Венелина в возрождении болгар, Л. Каравелов писал в 1862 г.: "Об его личности заводились между учениками споры: один говорил, что Венелин болгарин; другой, читавший его жизнеописание, нехотя утверждал, что отец Венелина карпатский славянин, но мать, уже без всякого сомнения, болгарка, потому что в жизнеописании его ничего не говорится об его матери. Третий рассказывал, что Венелин, умирая, плакал, не потому, что умирает, а потому, что не мог окончить Болгарскую грамматику. Говорили, что с Венелиным жил доктор, который его лечил, и он, увидя, что лекарства не помогают, стал лечить его так же, как лечили Александра Македонского, а именно: распорол у мула живот, положил туда Венелина, который там прожил целую неделю, занимаясь грамматикой; говорили, что Венелин, умирая, молился св. Кириллу и Мефодию выучить всех болгар славянской или, как выражались тогда, болгаро-словенской грамоте"⁴.

Приведенные легендарные подробности показательны здесь в том отношении, что в представлениях отдельных болгар если даже Венелин, не болгарин по происхождению, в столь необычных условиях на пороге своей смерти якобы занимался составлением болгарской грамматики, то для самих болгар написание грамматики родного языка должно быть совсем очевидным, само собой разумеющимся делом. Внимание болгар к "Грамматике" Венелина в данном случае объясняется не только глубоким почитанием ими русского слависта, открывшего миру забытый славянский народ — болгар, но и тем, что некоторые из деятелей Возрождения придавали "Грамматике" Венелина немало-важное значение в нормализации болгарского литературного языка. В начале 50-х годов XIX в. Н. Палаузов, известный сподвижник В. Априлова, не зная об участии одобренной, как он считал, Российской академией "Грамматики" Венелина и фактически даже не будучи с нею знаком, писал: "Она, должно быть, весьма любопытна и содержит много умных, правильных грамматических замечаний, очень полезных для нашего языка, который испытывает такую большую нужду в критической грамматике, в правильной его оценке. Весьма полезно было напечатать эту Грамматику, которая, как мне кажется, принесет несомненную пользу. Я употреблю неусыпные старания, чтобы издать ее, и когда это предположение осуществится, я извещу об этом специально"⁵. После смерти Венелина предпринимались шаги по изданию его "Грамматики" в России. В 1855 г., например, П.А. Бессонов просил у И.И. Срезневского содействия; чтобы Второе Отделение Академии наук "удостоило его участием при издании Венелинской грамматики"⁶. Как известно, "Грамматика нынешнего болгарского наречия" осталась неизданной.

Много говорилось и о необходимости создания словаря болгарского языка. Мысль о словаре настолько владела умами интеллигенции, что, как писал И. Шишманов, "можно с полным правом сказать, что в нем (словаре. — Г.В.) выражен высший идеал" образованных болгар эпохи Возрождения⁷. В подтверждение исключительно большого желания иметь болгарский словарь приведем восторженные

отзывы о первом выпуске "Болгарского словаря" Найдена Герова (СПб., 1865). В газете "Цариградски вестник" С. Филаретов писал о "многожеланном словаре" Н. Герова: "Мы так обрадовались, когда увидели это хорошее и утешительное начало, что не могли утерпеть и не сообщить теперь же другим нашим братьям известие, которое, как мы уверены, все встретят с открытым сердцем и благодарностью"⁸. Значение же самого словаря С. Филаретов характеризовал так: "Каждый из нас, кто понимает, что такое народная письменность, литература, народное образование, и кто болеет душой за общую пользу для отечества, почувствует, какое большое значение имеет для нас эта книга. Словарь и грамматика — это самая первая основа литературы на любом языке: пока их нет, никакая литература не может двинуться вперед". Автор другой заметки, некто Н.К., писал, что этот словарь — "важнейшее предприятие Н. Герова", "подвиг героический... который принесет пользу неисчерпаемую" и удовлетворит насущные нужды отечества в просвещении"⁹. Журнал же "Български книжици" сообщил о выходе этого словаря как о "величайшей, самой радостной новости", называя его "бессмертным трудом" Н. Герова, который удовлетворит одну из "первейших потребностей наших"¹⁰.

Создание грамматики и словаря, таким образом, не было самоцелью или чисто филологической целью, призванной удовлетворить интересы узкого круга образованных болгар. Как необходимая предпосылка "устройства" единого общеполгарского литературного языка — средства просвещения, развития литературы и других областей национальной культуры — оно непосредственно связывалось с задачами национального развития. В разных изданиях той поры рассеяны многочисленные высказывания о том, что без грамматики и словаря болгары не смогут быстро и успешно развивать свою школу и литературу, не смогут широко и плодотворно использовать достижения других народов и передавать свое духовное богатство будущим поколениям. Еще в 1836 г. Хр. Павлович указывал, что грамматика — это "самое необходимое средство и основа" просвещения в Болгарии, ибо без нее "никакого сочинения на нашем языке не может быть и, следовательно, не может быть и просвещения"¹¹. А в 1868 г. Н. Пырванов писал о создании "хотя бы более или менее совершенной грамматики" как о важнейшем условии успешного развития просвещения и литературы¹².

Со времени выхода в свет в 1835 г. первой болгарской грамматики (упомянутая выше грамматика Неофита Рильского) и до освобождения Болгарии было издано более десяти грамматик разных авторов, не считая многих букварей. Скромнее были успехи и лексикографии. Некоторые из грамматик выдержали по несколько изданий и долгие годы служили основным грамматическим пособием в школах. Таковы, в частности, "Основа болгарской грамматики" И. Груева и "Грамматика новоболгарского языка" И. Момчилова.

Целый ряд грамматик и словарей остался незаконченным или неизданным, в том числе грамматика Н. Герова и словарь Неофита Рильского — плод его многолетних трудов, с нетерпением ожидавшийся

современниками. Известно, что многие деятели Возрождения намеревались заняться составлением грамматики и словаря, собирали для них материалы. С целью ускорить их подготовку и издание предлагались различные меры и проекты. Так, в 1844 г. Г. Крыстевич выступил с предложением учредить академию, состоящую из небольшого числа лингвистически подготовленных "ученых мужей", представляющих разные школы и области Болгарии, с целью составить авторитетную грамматику и словарь болгарского языка, которые бы стали "единым общим правилом" для всех болгар¹³. В 1856 г. газета "Цариградски вестник" сообщила о намерении группы состоятельных болгар объявить своего рода конкурс на лучшую грамматику и словарь, победителей которого ожидала денежная премия.

Изданные в эпоху Возрождения грамматики и словари сыграли разную по своей значимости роль в формировании болгарского литературного языка. Бесспорно большая роль в этом принадлежала грамматикам, которые создавались как общebolгарские.

Правда, в них в той или иной мере проступает определенная диалектная основа в предписываемых ими правилах морфологии и орфоэпии, а также в синтаксисе и лексике (ср. хотя бы грамматики представителей тырновской и пловдивской литературно-языковых школ¹⁴). Существенны были различия в правописании. Несоответствие претензий грамматистов на общebolгарское функционирование предлагавшихся ими сводов правил локальной диалектной основе этих правил (по крайней мере, некоторых из них), различное отношение к литературно-письменной традиции при выработке грамматических и орфографических правил явились причиной многих критических выступлений, острых нападок и упреков, отражавших приверженность оппонентов к другим местным говорам и другим литературно-языковым школам (см., например, оценку в печати грамматик И. Богорова, И. Груева и др.). Следует отметить, что игнорирование особенностей отдельных диалектов при формировании единых норм общebolгарского литературного языка со временем, когда последние в основном уже определились, привело к попыткам создания учебных пособий регионального назначения (конец 60-х — начало 70-х годов). Составителям грамматик не удалось до конца преодолеть существовавшие разногласия по многим вопросам "устройства" литературного языка и добиться полной кодификации его норм. Несмотря на это, основные нормы, базирующиеся на народно-разговорной речи и определяющие современный грамматический облик литературного языка, были закреплены в грамматиках и в значительной степени благодаря им уже к началу 70-х годов утвердились в отдельных сферах его приложения.

Что касается словарей, то, кроме чисто практических (учебных и других) задач, их издание связывалось прежде всего с фиксацией словарного богатства как источника совершенствования языка, а вместе с этим и с известной нормализацией его лексического состава (ср., в частности, ограничение турцизмов и грецизмов и др.).

ШИРОКОЕ ОБСУЖДЕНИЕ ВОПРОСОВ ГРАММАТИКИ КАК ОДНА ИЗ ПРЕДПОСЫЛОК НОРМАЛИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В качестве одной из важнейших предпосылок создания единого литературного языка рассматривалась необходимость широкого и свободного обмена мнениями по самым разным вопросам — общим и частным, грамматическим и орфографическим и т.д., касающимся быстрее решения назревшей общенародной задачи. Именно в обмене мнениями многие деятели Возрождения видели залог того, что будут выработаны общеприемлемые и наиболее соответствующие нуждам народа и эпохе нормы литературного языка, что таким образом будут устранены возможности навязать всем болгарам субъективные взгляды отдельных лиц на устройство языка, будут наиболее успешно преодолены острые разногласия по многим спорным вопросам и т.д.

Такое или близкое к этому понимание важности обмена мнениями находим уже у первых грамматистов и других книжников, открывших начальные страницы истории нормализации современного литературного языка.

Так, Неофит Рильский (1835) считал, что лучшим способом разрешения спорных и неясных вопросов в "исправлении" языка является изложение каждым своего мнения по этим вопросам. Он, в частности, находил целесообразным обсудить вопрос о том, в какой части Болгарии говорят на болгарском языке наиболее чисто ("най-чисто и приискренно"), и лишь после этого, учтя "многие и различные мнения", составить грамматику болгарского языка и ввести ее на деле в употребление¹⁵. Сам Неофит показал этому пример, изложив в знаменитом "Филологическом предуведомлении" к "Болгарской грамматике" свое мнение "ошибочное или правильное" ("крито или право")¹⁶, как он писал, о том, каким должен быть болгарский литературный язык и каким образом он может и должен быть создан. Так же и В. Априлов изложил свою точку зрения на устройство единого литературного языка в не менее знаменитом циркулярном письме, озаглавленном "Мнение Василия Априлова относительно просвещения народа" (1836), которое было написано на греческом языке и разослано им "всем (болгарским) ученым"¹⁷. В. Априлов призывал своих образованных соотечественников рассмотреть его письмо и высказать свои соображения по затронутым в нем вопросам. Это, указывал он, осветит путь к просвещению народа, и "наше прекрасное отечество станет еще лучше"¹⁸. А зачинатель болгарской журналистики К. Фотинов писал, что, если каждый книжник изложит свое мнение и даст свой совет, то это будет "большой пользой для исправления языка и его улучшения"¹⁹.

Нужно сказать, что сначала призывы первых приверженцев нормализации языка к современникам обмениваться мнениями по языковым вопросам не находили достаточно широкого и ожидавшегося отклика. Не без горечи и некоторого удивления это констатировал в 1845 г. К. Фотинов²⁰. Ответом на его обращение к соотечественникам принять участие в устранении "языкового несогласия", иными сло-

вами — в устройстве единого литературного языка, было молчание. "Но ни глас, ни слышание!" — восклицал он²¹.

Причин такого отношения, вероятно, много. Одна из них заключалась в том, что в 30-е и в начале 40-х годов еще вообще было мало достаточно образованных болгар, которые бы могли последовать примеру В. Априлова и Неофита Рильского и выступить с какой-либо собственной программой устройства литературного языка.

Однако постепенно, особенно в 50—60-е годы, обмен мнениями стал весьма оживленным; по существу, он превратился в широкую и порой острую дискуссию по разнообразным вопросам формировавшегося литературного языка, в которую оказались вовлеченными многие люди с разной общеобразовательной и филологической подготовкой, с разными представлениями о характере литературного языка, путях его нормализации и т.д. Всех их объединяло убеждение и уверенность в том, что именно взаимный обмен мнениями по этим вопросам сыграет важную или даже решающую роль в установлении единых правил литературного языка.

Весьма характерно в этом смысле мнение Г. Мирковича. Он полагал, что изложение каждым образованным болгаринном своих взглядов по общим и частным вопросам языка, критика взглядов других грамматистов, уточнение уже предложенных правил (т.е. то, что и составляет содержание обмена мнениями) — единственное средство исправления языка болгарской письменности. Изложив свой взгляд на формы и типы спряжения глаголов, он подчеркнул (1859): "Мы сказали то, что считали более правильным и лучшим, и считаем, что так должен поступить каждый, кто думает о пользе нашей "письменности"²². Если каждый образованный болгарин не выскажет своего мнения по вопросам языка, подчеркивал В. Стоянов (1865) — один из будущих основателей "Болгарского научно-литературного общества" в Браиле, то "что бы ни было сделано другое, наш язык и наша литература никогда не увидят успеха и прогресса"²³.

Изложение собственных взглядов, какими бы они ни были, по вопросам нормализации языка с самого начала многими рассматривалось как долг каждого образованного болгарина и патриота перед своим народом, его благополучием и будущей судьбой. В. Априлов указывал, что "долг и любовь к соотечественникам" — это те чувства, которые побудили его выступить с упоминавшимся уже "Мнением"²⁴, представляющим собой настоящий филологический трактат об устройстве болгарского литературного языка. Со временем, когда споры о характере и путях нормализации литературного языка углублялись и расширялись и когда в связи с этим обмен мнениями приобретал, как полагали многие, первостепенное значение, изложение каждым своих взглядов по вопросам языка стало рассматриваться уже не просто как долг, а как священный долг подлинного патриота. В. Стоянов-Берон (1859), например, считал "священным долгом изложить всенародно свое мнение" о том, как следует сделать болгарский язык "правильным"²⁵. Неизвестный "доброжелатель литературы" (1859) указывал, что изложить мнение, которое бы способствовало устранению языкового произвола и воспрепятствовало ут-

верждению продиктованных личными мотивами взглядов отдельных писателей, — это священный долг каждого «добросовестного патриота»²⁶. Несколько позднее В. Стоянов (1865) писал о «священном долге каждого ученого болгарина изложить свое мнение о том, как составить «хорошо устроенное правописание» — одну из самых важных и необходимых предпосылок создания болгарского литературного языка и развития новой болгарской литературы. При этом он призывал своих соотечественников изложить свои мнения по этому предмету «как можно скорее в болгарских газетах, чтобы и это дело скорее было завершено»²⁷.

Некоторые книжники указывали даже, что никто не должен стесняться излагать свое мнение из боязни, что оно может оказаться спорным или ошибочным, поскольку при выработке общеобязательных правил единого литературного языка надо учитывать совокупность разных точек зрения по соответствующим вопросам языка. С этим непосредственно связаны и призывы отдельных книжников писать так, кто как может, не боясь «неправильностей» своего языка. Так, Й. Константинов, горько сожалевший по поводу царившего разнообразия в грамматике и орфографии²⁸, писал в начале 50-х годов, что создание единого литературного языка окажется невозможным, если все книжники не изложат своего мнения, в том числе и неправильного. «Если мы не будем писать неправильно, — отмечал он, — то мы никогда не будем писать правильно; если мы не будем ошибаться, то мы никогда не исправимся»²⁹. Поэтому каждый книжник, считающий «неправильными» изданные книги, должен указать путь к правильному болгарскому языку, сочинить его правила и обосновать их, и тогда все дружно последуют за ним. Прежде чем кого-либо осуждать, каждый должен представить свои правила. Но и после этого он должен не осуждать других, а призвать их ознакомиться с его правилами. В противном случае такой книжник будет подобен старому раку, который говорит молодому, чтобы тот шел вперед, а не назад. «Но если он не видел, как нужно идти вперед, то как он может идти?» — спрашивает Й. Константинов³⁰.

Не удивительно, что в такой атмосфере всеобщей в кругах интеллигенции заинтересованности в скорейшем создании единого литературного языка нежелание обменяться мнениями, изложить собственный взгляд по тем или иным вопросам нормализации языка квалифицировалось некоторыми как непатриотическое и даже преступное отношение к нуждам народа. Партений Зографский (1857), например, называл «врагом и недоброжелателем своего народа» всякого болгарина, имеющего какое-либо суждение по вопросам устройства языка, но держащего это суждение при себе³¹.

Сознавая необходимость изложения собственных взглядов на устройство литературного языка, некоторые деятели Возрождения в силу одних или других обстоятельств были не в состоянии своевременно выполнить свой священный долг и испытывали от этого большие угрызения совести. Г. Крыстевич, например, еще в 1844 г. по просьбе Р. Поповича составил свои известные «Письма о некоторых трудностях болгарского правописания», которыми он хотел по-

мочь "вести какую-либо правильность и упорядоченность в наше новоболгарское правописание"³². Он обещал их опубликовать и в 1850 г., но по разным причинам они увидели свет только в 1858 г. И все эти годы, признавался Г. Крыстевич, издание "Писем" было для него "болью сердца, ибо обещал народу, а обещание свое не выполнил"³³.

Выступление в печати с собственной системой правил было сопряжено у некоторых книжников с глубокими внутренними переживаниями и сомнениями в том, что предлагаемые ими правила будут не поняты и отвергнуты и что их труд, таким образом, окажется бесполезным. Ярким примером подобного рода драматических волнений может служить И. Стоянов, который писал (1844), что долго и много размышлял над правописанием, казавшимся ему наиболее подходящим, удобным ("много угодно"). Но пример других сочинителей, признавался он, говорил ему, что никто не станет разделять его мнение об этом правописании, ибо оно будет воспринято как частное и пристрастное или как местное, т.е. непригодное для всех болгар. И. Стоянов допускал, что даже если его мнение о нормализации правописания и правильно, оно все равно будет лишено значения и всякой важности в глазах его читателей, ибо оно изложено им — их современником³⁴.

Предполагалось, что обмен мнениями должен носить свободный характер, т.е. что каждый, желающий принять участие в обсуждении стоявшей перед обществом проблемы, имеет право свободно высказать собственное мнение по тем иным вопросам, как и собственное отношение к позиции других участников дискуссии. Только свободный, не ограниченный какими-либо предварительными условиями обмен мнениями, как отмечалось неоднократно в работах по вопросам языка, будет действительно полезным, ибо он позволит уяснить спорные вопросы, учесть разные точки зрения и на этой основе избрать наиболее правильное решение. "Каждый может, — писали Натанаил Зографский и Захарий Княжеский, — всегда изложить свое мнение о языке, чтобы со временем эти мнения были приведены в порядок"³⁵. О значении свободного обсуждения языковых вопросов хорошо сказал Партений Зографский. Разъяснив свою точку зрения на место разных наречий в создании единого литературного языка и на ряд конкретных вопросов грамматики, он призывал (1857) современников ответить ему "так или иначе", "свободно изложить свои мнения, поправить и дополнить" его точку зрения, если она покажется неприемлемой или неполной. Если же ответных суждений не последует, то нет смысла продолжать дальнейшее рассмотрение назревших вопросов. "Тогда и мы замолчим, — пишет П. Зографский, — чтобы не сотрясать напрасно воздух" ("да не бием воздухом понапрасно")³⁶. На решающее значение свободного обмена мнениями как базы нормализации языка указывал и В. Стоянов-Берон. Он писал (1859), что болгарский язык можно нормализовать ("да се управи и нареди") только в случае, если каждый свободно изложит свое мнение и на основе изучения и сравнения разных мнений сре-

ди них будет установлено "наиболее правильное" ("най-право"), которое и должно быть принято всеми ("да се общо приемне")³⁷.

Важным условием успеха обмена мнениями признавалось также беспристрастное, объективное отношение к собственным положениям и тем фактам, на которых они базируются. Только такой подход позволит по-деловому разобраться в достоинствах и недостатках предлагаемых путей и средств совершенствования языка. Одним из вопросов, на решении которого особенно сильно и легко сказывались чисто субъективные и потому небеспристрастные факторы, был вопрос о выборе конкретного наречия в качестве базы общего литературного языка. Предпочсть "чужое", неродное наречие в качестве такой базы, отказаться от своего наречия, которое многим казалось наиболее чистым болгарским наречием и потому единственно заслуживающим такой почетной роли, казалось невозможным, немыслимым, почти непатриотическим поступком, так как создание литературного языка на "чужом" наречии якобы лишало его необходимых качеств и особенностей. Поэтому именно в выборе диалектной базы языка необходимо было проявить максимум спокойствия, беспристрастия и осмотрительности. Партений Зографский (1857) подчеркивал, что при создании "общего письменного наречия" из "всех частных" разных наречий необходимо отложить в сторону "всякое пристрастие и самолюбие"³⁸. Эту же мысль позднее подчеркивал и К. Шапкарев. Он говорил (1870), что в таком важном деле, как выработка норм единого литературного языка, "нельзя вдохновляться никаким самолюбием", что надо "действовать совершенно беспристрастно"³⁹. Почти одновременно с К. Шапкаревым П. Иванов (1872), считая обмен мнениями необходимым условием создания "общей грамматики", писал: "Мнения об этом должны оцениваться беспристрастно, не фанатически, а с пониманием ("разборно") и по-человечески"⁴⁰.

Свои суждения относительно общих путей нормализации языка и его конкретных правил авторы грамматик, статей и заметок, посвященных этим вопросам, обычно характеризовали скромно — как посильный вклад в общее дело, который отнюдь не может рассматриваться как решающий и который должен быть непременно признан остальными.

Уже Неофит Рильский дал пример критического отношения к собственным суждениям и готовности отказаться от них в пользу других, более обоснованных и приемлемых. Изложив свою точку зрения на ряд вопросов грамматики (членные формы, падежи и др.), Неофит подчеркнул, что сказанное им — это "только мнение, а не непреложное определение (потому что другой может рассуждать об этих вещах лучше и может изложить лучшее мнение), а когда и другие изложат свои мнения и когда другое мнение окажется лучшим и более основательным, тогда я готов буду сам склонить свою голову перед правдой ("да подклоним шията под правдата"), но не пред самомнением, и последовать за более хорошим и более правильным"⁴¹.

Аналогичное отношение к собственным взглядам и предложениям демонстрируют позднее и другие грамматисты. Так, В. Стоянов-Берон (1859) свое мнение о некоторых вопросах правописания и грамматики болгарского языка, изложенные им в обширном предисловии к учебнику французского языка, заключает выражением готовности согласиться с любым "справедливым поправлением"⁴².

Изложение собственных взглядов некоторые авторы мотивировали при этом желанием показать пример другим: их собственное "недостаточное" мнение может побудить других изложить свою точку зрения по обсуждаемым вопросам, и в результате такого обмена можно было бы найти наилучшее решение. И. Стоянов (1844), например, указывал, что предложенные им некоторые правила правописания недостаточны для "исправления болгарского языка", и скромно замечал, что, излагая их, он "хотел только побудить любознательных писателей" последовать его примеру и выступить с собственными предложениями по упорядочению языка⁴³. Так же и И. Богоров (1848) изложение своей позиции по ряду вопросов грамматики и правописания и критические замечания о языке некоторых его современников (И. Стоянова, И. Момчилова) объясняет не намерением вызвать раскол среди образованных болгар, а желанием побудить каждого из них к поискам лучшего, наиболее правильного решения спорных вопросов⁴⁴. Подчеркивалось особое значение обсуждения некоторых частей грамматики формировавшегося литературного языка. Г. Миркович (1859), например, призывал всех, кого занимает проблема языка, и прежде всего учителей, отнестись с особым вниманием и усердием к описанию глагола, поскольку это — "самая трудная часть" болгарской грамматики⁴⁵. Он указывал, что непременная обязанность каждого, кто хоть сколько-нибудь разбирается в глаголе, — изложить о нем свои суждения⁴⁶. Исходя из этого, и сам Миркович излагает свою точку зрения на спряжение глаголов — для того времени, пожалуй, наиболее интересную⁴⁷. При этом он скромно отмечает, что его описание, возможно, "недостаточно в некоторых отношениях", "оно не может еще быть совершенным" и "может быть противно в чем-либо мнению кого-либо"⁴⁸, но он надеется, что если его соображения относительно форм глагола в существующих грамматиках и его собственное мнение об этих формах и не принесут непосредственной пользы в нормализации глаголов, все же они могут по крайней мере пробудить у других интерес и желание заняться описанием глаголов и иных разделов грамматики⁴⁹.

Из сказанного видно, что важное место в обмене мнениями по вопросам литературного языка отводилось критике высказываемых другими суждений, предложений и т.д. Пользу критики понимали, вероятно, все, кто был так или иначе причастен к литературной обработке языка. Было ясно, что критика, указывающая на недостатки языка писателей, переводчиков, газет и журналов, как и на недостатки и неточности положений грамматистов и других книжников, способствует в конечном счете установлению единых норм литературного языка. Критические замечания о языке писателей, переводчиков и других авторов, указывал Т. Стоянов-Бурмов (1860),

это способ исправления языка и правописания⁵⁰, а некто Н.К. (1857) подчеркивал, что установление единых правил литературного языка — "этот важнейший в нашей литературе вопрос" — невозможно без "критического обозрения и всестороннего рассмотрения"⁵¹.

Выступления с критикой грамматических положений отдельных авторов рассматривались как своего рода долг перед общественностью и объяснялись желанием принести пользу устройству литературного языка. Н. Пырванов (1868), например, отмечал, что свои замечания на грамматику И. Момчиллова он публикует с целью "принести какую-нибудь пользу в обработке самого драгоценного наследия наших отцов — языка"⁵².

Признание важности критического разбора мнений современников, однако, не означало, что критикуемые всегда относились к нему с должным вниманием и пониманием. Это с одной стороны. С другой стороны, и сама критика отнюдь не всегда была беспристрастной, содержательной и справедливой. Острая и предвзятая, она создавала порой нервную обстановку вокруг отдельных авторов и языка их сочинений. В связи с этим в болгарских изданиях эпохи Возрождения неоднократно раздавались призывы к серьезному отношению к критическим замечаниям и к спокойной, деловой критике — к критике без личных нападков и оскорблений. Отмечалось, что к обоснованным замечаниям надо относиться без обиды и даже с благодарностью. Партений Зографский (1857), например, просил всех дополнить его суждения о состоянии и путях совершенствования болгарского языка, специально отмечая, что он не только не будет обижаться на замечания, а наоборот, будет за них благодарен⁵³. Примерно в это же время Г. Стоянов-Бурмов также писал, что авторам, переводчикам и другим книжникам не следует обижаться на высказанную в адрес их языка критику, если последняя не переступает дозволенных границ⁵⁴.

Критика, однако, нередко переходила рамки объективной оценки языка и позиции отдельных авторов по языковым вопросам. Конкретные ошибки и недостатки языка, слабости теоретических положений некоторых авторов оказывались мишенью, в которую их современники направляли свои критические стрелы. Не всем, естественно, "уколы" таких стрел казались безобидными и заслуженными; часто они воспринимались как личное оскорбление. Со своей стороны, критика языка и взглядов отдельных авторов далеко не всегда была объективной, сдержанной, уважающей их авторское достоинство и мнение. Критики порой не столько обосновывали свой отрицательный приговор языку и предложениям об устройстве языка критикуемых, сколько "одаривали" их насмешками и обвинениями, сплошь и рядом беспочвенными. Естественно, что возможная перспектива быть публично обвиненным в несуществующих грехах сдерживала некоторых от желания изложить свои взгляды по обсуждавшимся языковым вопросам или заставляла их выступать не под своей фамилией или вообще анонимно.

Несмотря на громкие голоса, призывавшие каждого образованного болгарина к выполнению его "священного долга" — изложить

свое мнение по языковым вопросам, несмотря на призывы к беспристрастности и терпимости в оценке чужих мнений, атмосфера, которая установилась в середине XIX в. среди части авторов разного рода сочинений и их критиков, характеризовалась духом непримиримости, некоторой взаимной враждебности и отчужденности. Показателем этого являются, собственно говоря, и сами упомянутые призывы: будь все критические выступления сдержанными, обоснованными, а отношение к ним со стороны критикуемых доброжелательным, не было бы, вероятно, и нужды говорить о том, какой характер должна носить критика. Указанную атмосферу хорошо передает редакционная заметка журнала "Български книжици", опубликованная в 1859 г. Ее автором был, вероятно, Г. Крыстевич, редактировавший в то время этот журнал. В заметке подчеркивалась полезность критики, указывающей на ошибки авторов и излагающей мнение самих критиков. Редакция сообщала, что страницы журнала "Български книжици" открыты не только для любой критики, но и для любого ответа на критику, но призывала и критиков и критикуемых ограничиваться в своих рассуждениях существом предмета и не затрагивать чести и достоинства сочинителей. В противном случае критика не служила бы "на пользу своего народа", а представляла бы собой "какое-то личное пристрастие или отмщение"⁵⁵. В случае несоблюдения этого требования авторами критических статей редакция журнала отказывалась их печатать. "Так поступают просвещенные люди Европы, этого требует здравый смысл, так должны поступать и мы", — заключал автор редакционной заметки⁵⁶. Вместе с тем в заметке указывалось, что для пользы дела необходима гласность авторства. В редакционном примечании говорилось, что образованный болгарин, пишущий о чем-либо и "особенно о нашей письменности и словесности, должен обладать похвальной смелостью ("дерзост") сообщить свое имя, чтобы читатели знали и критикуемого и критикующего и, следовательно, могли его заслуженно похвалить и приумножить к нему свое уважение, если они найдут, что то, что он написал, он написал хорошо"⁵⁷.

Примером того, какого рода критике мог подвергнуться автор грамматики, могут служить заметки Т. Стоянова-Бурмова о "Грамматике или буквеннице словенской" Х. Сичан-Николова (Цариград, 1858). В первой заметке, опубликованной за подписью "П...ва", Т. Стоянов-Бурмов (1859) говорит, что "Грамматика" Х. Сичан-Николова представляет собой плохой перевод французской грамматики, что она дает правила не древнеболгарского, а церковнославянского языка, что особенности принятого в ней правописания не разъяснены и т.д.⁵⁸ По мнению рецензента, эта "Грамматика" свидетельствует о том, что ее автор "не только не знает надлежащим образом французского и славянского языка, но не изучил также главнейших и основных правил болгарского языка, и что он взялся за дело, несообразное с его способностями и знаниями"⁵⁹. В этой же заметке Т. Стоянов-Бурмов писал, что похвальный отзыв на "Грамматику", опубликованный в "Цариградском вестнике"⁶⁰, был инспирирован самим Х. Сичан-Николовым и что это "возбуждает негодование в отношении тех, кто так безрассудно играет делом народного образования"⁶¹.

Свою рецензию Т. Стоянов-Бурмов сопроводил следующим письмом в редакцию журнала "Български книжици": «Покорнейше прошу вас поместить в ближайшем номере "Книжици" прилагаемую мною статью, но благоволите держать в тайне имя и местожительство ее сочинителя, дабы она вместо уяснения и исправления не возбудила ненависть и злобу у того, сочинение которого в ней рассматривается»⁶².

Х. Сичан-Николов, естественно, был оскорблен таким отзывом о его книге и не замедлил с ответом, в котором обвинял рецензента в том, что тот не рассмотрел существа книги, но задел его честь, допустив личные выпады в его адрес⁶³.

После этого Т. Стоянов-Бурмов выступил с новой заметкой (на этот раз уже подписанной его подлинной фамилией), где писал, что в своем ответе Х. Сичан-Николов задел его лично и потому он вынужден вновь говорить о "Грамматике". Здесь Т. Стоянов-Бурмов вновь указывает, что книга Сичан-Николова не полезна для школ, и добавляет, что она достойна только сожжения. Он писал: "Она ("Грамматика". — Г.В.) предназначена для того, чтобы показать всем, что тот, кто много о себе думает и принимается за дело, для которого у него нет сил и способностей, вместо выполнения предпринятого дела оказывается посрамленным ("приема посрамление"), и что книги, имеющие горькие и дикие плоды, годятся только для костра ("огън"), как и деревья того же рода. Например, бук, не дающий хороших плодов, сжигают и используют в качестве (строительного) материала для зданий; "Буквеница", имеющая родство с ним (т.е. с буком.⁶⁴ — Г.В.)... вся, очевидно, останется только для сжигания и других подобных нужд, за исключением нескольких экземпляров, которые будут храниться в библиотеках как вечный поучительный урок"⁶⁵. В новой заметке Т. Стоянов-Бурмов объясняет, что свой первый отзыв о "Грамматике" он не подписал своей фамилией не из боязни, что будет задета его честь (как полагает Х. Сичан-Николов), а потому, чтобы Х. Сичан-Николов "был более свободен от злобы и ненависти" и мог, таким образом, глубже вникнуть в свои ошибки и осознать их⁶⁶.

Приведенный эпизод из истории критики грамматических трудов в Болгарии показателен не столько спором по существу отдельных вопросов, касавшихся нормализации современного литературного языка (объектом критики было пособие по грамматике церковнославянского, а не современного болгарского языка); сколько характером критики, направленной к полной дискредитации автора и его труда посредством обвинений в некомпетентности и неспособности автора разобраться в предмете своего труда. Хотя резко отрицательная оценка Т. Стояновым-Бурмовым "Грамматики" Х. Сичан-Николова имела серьезные основания, однако тон и характер ее были чрезмерно суровы⁶⁷. Нельзя сказать, что эта книга и в то время при всех ее недостатках была не только совершенно бесполезной, но и вредной, достойной лишь осмеяния и сожжения.

Подобного рода критика адресовалась и другим грамматикам и писателям, сыгравшим в сравнении с Х. Сичан-Николовым несомненно гораздо более важную роль и в становлении литературного языка,

и в общем культурном развитии Болгарии в эпоху Возрождения. Особенно резкой критике и насмешкам подвергались язык и произведения И. Богорова, Й. Груева, Г. Раковского и др., которым не раз приходилось в этой связи слышать обвинения в непатриотичности, в забвении общественного долга и в преследовании чисто личных интересов и других неблагоприятных делах. Чтобы не быть голословным и для более полного представления о характере некоторых критических выступлений, имеющих отношение к теме настоящей работы, приведем еще несколько примеров.

Особенно острой и односторонней критике подвергались грамматика и язык произведений И. Богорова, главным образом со стороны тех, кто был против утверждения народного языка области Старой Планины в правах литературного, и тех, кто выступал против пуристических тенденций Богорова и связанного с ними широкого словотворчества. Уже в самом начале 50-х годов Н. Геров писал, что И. Богоров возомнил себя "грамматическим Наполеоном", хотя он совершенно не понимает грамматики и не знает болгарского языка⁶⁸. По его мнению, грамматики И. Богорова представляют собой неполный и неточный перевод "Русской грамматики" Н. Греча и в эту-то рвань ("дрипел") "грамматический Наполеон" хочет одеть болгарский язык⁶⁹.

В таком же духе выступил и некто Драгойский (1851), который характеризовал язык И. Богорова как "гнусавый и смешной" ("гнуснав и смехлив"), который И. Богоров слышал от "некоторых совсем старых и несчастных беззубых балканских старух и греков", говорящих на том же "просто-старо-бабо-влахо-въртиноро-циганоболгаро-никаквий" языке, на каком и издает И. Богоров свои книги⁷⁰. Чтобы дети смогли читать его книги, у них нужно клещами вырвать зубы или они вообще должны рождаться без зубов. Драгойский советует И. Богорову оставить в покое бумагу, не марать ее своими языковыми упражнениями, чтобы впредь ее не постигла такая же участь, какая постигла уже изданные Богоровым книги, — служить оберточной бумагой для продажи черного перца⁷¹.

Критика языка произведений И. Богорова и особенно его пуристических проявлений, с годами все более усиливавшихся, продолжалась и позже. В конце пятидесятых годов суровую характеристику сочинений И. Богорова, в частности двух его статей, опубликованных в журнале "Български книжици" (1858), дал уже упоминавшийся выше "доброжелатель литературы". По его мнению, "богоровский язык" представляет собой "совершенное удаление от свойств нашего народного языка в расположении слов и непростительные нововведения", в нем торжествуют "старые и заржавелые слова" и составленные кое-как ("криво-ляво") новые имена. Этот язык якобы показывает, что И. Богоров "не хочет или не умеет — что одно и то же — употреблять каждое слово в соответствии с его значением" или — и это, по мнению критика, скорее — что Богоров стремится продемонстрировать свое словарное богатство и блеснуть новообразованиями ("с новини"), не задумываясь над тем, как и где их лучше употребить. Одним словом, переправляя и переделывая язык, И. Богоров достиг того, что он стал писать на непонятном болгарам языке. "Доброже-

латель литературы" счел нужным даже связать "преобразование языка" И. Богорова с изменением им фамилии, которой он подписывал свои сочинения, — сначала Богоев, позже Андреев и, наконец, Богоров, в связи с чем критик устанавливает и три типа его языка — богоевский, андреевский и богоровский⁷². "Доброжелатель литературы" указывал, что редактор журнала "Български книжици" (которым был в то время И. Богоров) должен иметь основательные знания, особенно в филологии, должен иметь вкус, чтобы стоять на страже изящного, он должен "исполнять священный долг — защищать родной ("отечественный") язык от разрушительного направления, а не ломать ("кълчеви") его, как ему вздумается, и разрушать его свойства"⁷³. Из этого следовало, что И. Богоров не обладает нужными знаниями и качествами. "Тяжело говорить, — заключал "доброжелатель", — что редактор (журнала "Български книжици") больше заботится о своих прерасудках в области языка, а не об общественной пользе"⁷⁴.

"Доброжелатель литературы", правда, просил не обижаться И. Богорова за подшучивание, высмеивание его языка и фамилии ("що му подметнахме и името и езика"). "Мы сделали это, — пишет он, — не для того, чтобы унижить его перед читателями", а руководствуясь тем, что речь идет об "очень важном предмете". Ввиду большой важности этого предмета критик и решился публично высказать свои "несколько слов против его (т.е. Богорова. — Г.В.) убеждений"⁷⁵. У него, однако, как видим, не хватило смелости и решимости выступить со столь серьезными претензиями к языку И. Богорова открыто, под собственным именем.

Очень резко о брошюрах И. Богорова "Упътване за българский язык" (1869) и "Второ упътване за българский език" (1870) отзывался Д. Енчев (1870)⁷⁶.

Не меньше обвинений и упреков услышал в свой адрес и другой грамматист середины прошлого века — Й. Груев. Сошлемся здесь лишь на мнение некоего В. Колибарского, который в заметке, написанной в связи с выходом в свет книги Й. Груева "Основа за българска граматика" (Белград, 1858), не сказал ни одного доброго слова о грамматике и языке других книг заслуженного деятеля болгарского Возрождения. Для В. Колибарского Й. Груев — это "наш на всю Болгарию феномен и самохвал" ("самохвалник"), мнящий о себе, что он — "первый болгарский автор, основатель грамматики, нормализатор ("наредител"), переводчик"⁷⁷. О самой "Грамматике" Й. Груева он говорил, что это грамматика "клинковско-болгарского языка" с совершенно произвольным правописанием. Все переводы и другие издания Й. Груева якобы полны непонятных выражений и перегружены, как телеги, ошибками. Причину этого критик видит в самомнении Й. Груева, который спешит скорее издавать свои переводы и руководства⁷⁸. Однако вершиной этой безосновательной, лишенной к тому же и элементарного приличия критики является полное отрицание В. Колибарским какого бы то ни было общественного значения деятельности Й. Груева, преследовавшего якобы только цели личного обогащения⁷⁹.

Мы не касались здесь собственно лингвистического содержания

приведенных и других критических выступлений и показали лишь чисто внешнюю сторону части критики, отличавшейся грубостью тона, необоснованностью суждений и неуважением к авторам и их труду. Из приведенных примеров (а их число можно легко умножить) видно, как встречались в болгарской печати опыты грамматической обработки литературного языка и язык отдельных произведений, в какой обстановке возможного публичного осмеяния и всевозможных обвинений приходилось выступать тем, кто в меру своих сил и знаний, желания и возможностей способствовал созданию и совершенствованию единого литературного языка. Призыву к сдержанности и беспристрастности в оценке чужих мнений внимали далеко не все авторы критических выступлений.

В такой обстановке не всем хотелось вновь выступать в защиту собственного мнения или с критикой оппонентов, чтобы не навлечь на себя новые нападки и насмешки. Авторы грамматик и других сочинений, естественно, не были в восторге от грубой критики в их адрес. Некоторые из них обижались на своих критиков и не всегда вступали с ними в открытый спор, особенно в тех случаях, когда вместо серьезного и объективного разбора их трудов они подвергались незаслуженным нападкам, насмешкам и т.д. Их молчание, в свою очередь, вызывало недовольство у части читателей, расценивавших его как неуважение к заинтересованной в соответствующем решении языковых вопросов части общества. П. Иванов, например, писал (1872), что болгарские грамматисты до сих пор нервозно встречали упоминание их ошибок, что они, сохраняя молчание или проявляя "напыщенное презрение" ("с един вид надудо презрение"), хотят остаться при "своем мнимом грамматическом авторитете"⁸⁰. Огульное обвинение П. Ивановым всех грамматистов в неуважительном отношении их к читателям и в чрезмерном самомнении было далеко от истины. Его мнение, однако, очень показательное в том, что хорошо отражает отношение части тогдашней болгарской интеллигенции, выступавшей в роли критика трудов по вопросам языка, к авторам грамматик — одним из основных кодификаторов норм литературного языка.

Боязнь несправедливых обвинений и упреков, однако, останавливала не всех. Она не смущала тех, кто честно стремился внести свой вклад в общенациональное дело — создание единого литературного языка. В этом отношении показательное мнение Н. Пырванова, который писал (1868), что публикует свои критические замечания на "Граматику новоболгарского языка" И. Момчилова, заранее зная, что они вызовут много крика и возможные "бессмысленные нападки" ("несмислените нападения")⁸¹.

Разумеется, кроме отрицательной критики и критики, граничащей с бранью, в печати публиковалось и немало доброжелательных откликов, по достоинству оценивавших большое значение грамматик, одобрявших язык отдельных произведений писателей и т.д. Для иллюстрации приведем несколько примеров.

О "Първичка българска граматика" И. Богорова, значение которой полностью отвергали Н. Геров, Драгойский и др., В. Априлов (1847) писал, что она предпочтительнее других и была бы еще лучше,

если бы автор ее не заменил некоторые грамматические термины. Последнее, однако, не имеет "никакого существенного неудобства"⁸². Большое значение "Основы болгарской грамматики" Й. Груева в школьном преподавании и в литературе признавал Н. Пырванов (1870). Несмотря на несогласие по ряду вопросов грамматики и с принятой Й. Груевым орфографией, он признавал, что эта грамматика "играет важную роль", а вышедшие к 1870 г. 4 ее издания свидетельствуют о ее авторитете в школе⁸³.

Столь же высокое признание и оценку получили грамматика и статьи по вопросам языка других авторов, игравших видную роль в нормализации литературного языка. Чувство благодарности и глубокой признательности автору первой болгарской грамматики — Неофиту Рильскому — выражал, например, Г. Миркович (1859). Он писал, что грамматика Неофита Рильского — это "первый труд, хотя и недостаточный, но достойный большой похвалы как начало, которое всегда трудно и за которое мы всегда должны быть ему признательны"⁸⁴. О "Грамматике новоболгарского языка" И. Момчилова (1868) Н. Пырванов писал, что, несмотря на отмеченные им недостатки, это "предшественница ("предходница") нашей совершенной грамматики", что в ней изложены теоретические основы ("основност") грамматики болгарского языка⁸⁵. Он указывал также, что И. Момчилову "впервые выпала честь показать нам грамматику, написанную по системе, столь нужной для любого, особенно учебного дела"⁸⁶.

Перечень подобных отзывов о многих грамматических трудах и языке других изданий можно было бы легко продолжить. Эти отзывы показывают, что в полемических схватках на страницах печатных изданий звучали и голоса тех, кто давал дельную, некрикливую и справедливую оценку роли и места отдельных грамматистов, писателей и др. книжников и их трудов. В целом, однако, складывается впечатление, что последние гораздо чаще были объектом отрицательной — часто голословной и совершенно незаслуженной — критики, нежели предметом серьезного анализа, одобряющей похвалы и признательности. Видимо, прав был Д. Войников (1860), сетовавший на постоянную и, главным образом, только отрицательную критику языка болгарских книг. Он писал, что "нет ни одного переводчика или сочинителя книг на болгарском языке, который бы заслужил от наших ученых столько же похвалы, сколько (он заслужил) укоров"⁸⁷.

Критике чужих взглядов на литературный язык, его грамматику и пр., а также критике практической языковой деятельности писателей отводилось, как видно из сказанного, существенное место в нормализации литературного языка.

Несмотря на серьезные недостатки, присущие ей, точнее некоторой ее части (необъективность оценки, грубый характер, голословность суждений и др.), критика в целом и на деле сыграла важную роль. Значение ее в том, что она подчеркивала первостепенную важность нормализации языка как общенациональной задачи, решению которой обязан способствовать каждый образованный и патриотически настроенный болгарин; оказывала положительную роль в уяснении целого ряда вопросов нормализации литературного языка,

в утверждении ее принципов; критика формировала определенное отношение у широкого круга читателей к языку отдельных писателей, к грамматикам и др., пробуждала в них интерес к вопросам языка и побуждала их к воздействию на процесс складывания норм литературного языка, к посильному участию в его совершенствовании.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Священное цветообрание или сто и четыре священи истории. Будим, 1825. С. XI. Предисловие.
- ² Рилски Н. Болгарска граматика сега перво сочинена. В Крагуевце. 1835. С. II. Там же. С. 2—3.
- ⁴ Каравелов Л. Болгарская журналистика // Московские ведомости. 1862. N 153—154.
- ⁵ Палаузов Н.Хр. Няколко мисли за българското правописание // ЦВ. Г. В. N 81, 12.IV.1852.
- ⁶ Письмо П.А. Бессонова И.И. Срезневскому от 3.VI.1855 г. // Архив АН СССР (ЛО), ф. 216, оп. 5, ед. хр. 41.
- ⁷ Шишманов И. Константин К. Фотинов // Сборник за народни умотворения. 1894. Кн. XI. С. 694.
- ⁸ ЦВ. Г. 7. 18.V.1857.
- ⁹ ЦВ. Г. 7. 12.I.1857.
- ¹⁰ Български книжици. Г. I, 1858, ч. 1. С. 10.
- ¹¹ Павлович Хр. Грамматика славено-болгарска. В Будиме граде, 1836. С. 3.
- ¹² Първанов Н. Бележки врѣх граматика на новобългарския език от Ив.Н. Момчилова. Русчук, 1868. С. 7.
- ¹³ Кръстевич Г. Кое е средството на просвещението // Любословие. Г. I, 1844. Ч. 8. С. 108.
- ¹⁴ Общую характеристику литературно-языковых школ, сложившихся к концу Возрождения, см.: Андрейчин Л. Унификационни процеси в българския книжовен език през първите десетилетия след Освобождението // Български език. 1973. Кн. 5. С. 371—373. Русинов Р. История на новобългарския книжовен език. 2-ро изд. С., 1984. С. 113—132.
- ¹⁵ Рилски Н. Болгарска граматика. С. 4.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ См. письмо В. Априлова Ю.И. Венелину от 10.XII.1837 в кн.: Венелин Ю. О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838. С. 44.
- ¹⁸ См. "Мнение на Василий Априлов относительно просветата на народа" // Известия на Архивния институт, 1957. Кн. I. С. 224.
- ¹⁹ Фотинов К. Понятие (познание) за древност (старост) славянска // Любословие. 1845. С. 192.
- ²⁰ Любословие. 1844. С. 16.
- ²¹ Любословие. 1845. С. 192.
- ²² Миркович Г. Кратко изложение за наредбата на глаголити в ново-българският език // Български книжици. 1859. Ч. 3. С. 827.
- ²³ См. письмо В. Стоянова от 9(19).VIII.1865 г. из Праги, опубликованное в газете "Восток" (год. I, N 15, от 31.VIII.1865).
- ²⁴ Известия на Архивния институт. Кн. I, 1957. С. 220.
- ²⁵ Стоянов-Берон В. Първа българско-френска граматика с едно изложение за българското правописание. Букурещ, 1859. С. V.
- ²⁶ См. статью "Литературни бележки" // ЦВ. Г. 10. N 416, 31.I.1859.
- ²⁷ См. письмо В. Стоянова от 9(19).VIII.1865 г., опубликованное в "Восток", г. I, N 15, 31.VIII.1865.
- ²⁸ "Мне одинаково жалко и себя и мою Болгарию, — писал Й. Константинов, — и когда я читаю болгарские книги, у меня краснеют уши и щеки от наших неправильных изданий" (Константинов Й. Не е право хладнокровие да показуваме верху наше славеноболгарство // ЦВ. Г. 2, N 92. 19.VIII.1852).
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.

- ³¹ См. его статью без заглавия: ЦВ. Г. 7, N 315, 9.II.1857.
- ³² *Кръстевич Г.* Писма за някои си мъчности на българското правописание // Български книжици. Г. I, 1858. Ч. I. С. 311. Значение "Писем" Г. Кръстевича в действительности гораздо шире, так как в них рассматриваются не только вопросы правописания, но и некоторые общие вопросы нормализации литературного языка.
- ³³ Там же.
- ³⁴ См. его послесловие "За употребеното правописание в преводат" в кн.: Православное учение или сокращенно христианско богословие. Цариград. 1844. С. 221.
- ³⁵ *Натанаил [Зографский], Княжеский З.* Зерцало или огледало христианское. М., 1847. С. VII.
- ³⁶ См. его статью без заглавия: ЦВ. Г. 7, N 316. 16.II.1857.
- ³⁷ *Стоянов-Берон В.* Първа българско-френска граматика с едно изложение за българското правописание. Букурещ, 1859. С. V.
- ³⁸ См. его статью без заглавия: ЦВ. Г. 7, N 315, 9.II.1857.
- ³⁹ *Шапкарев К.* Язикословиѣ // Македония. Г. IV, N 63, 3.VII.1870.
- ⁴⁰ *Иванов П.* Българска граматика по македонско наречие от г-на Мачуковски // Право. Г. VII, N 34, 30.X.1872.
- ⁴¹ *Рилски Н.* Болгарска граматика. С. 66.
- ⁴² *Стоянов-Берон В.* Първа българско-френска граматика с едно изложение за българското правописание. Букурещ, 1859. С. V.
- ⁴³ См. его послесловие "За употребеното правописание в преводат" // Православное учение или сокращенно христианско богословие. Цариград, 1844. С. 229.
- ⁴⁴ *Андреев [Богоров] И.* Първичка българска словница. Стамбол, 1848. С. 22.
- ⁴⁵ *Миркович Г.* Кратко изложение за наредбата на глаголите в новобългарският язык // Български книжици. Г. II. Ч. 3. 1859. С. 584.
- ⁴⁶ Там же.
- ⁴⁷ Г. Миркович, в частности, впервые разделил глаголы на два спряжения (I спряжение — глаголы на -ж, -и -ж; II спряжение — глаголы на -ем, -им) и попытался выделить формы пересказывательного наклонения. Там же. С. 586—588.
- ⁴⁸ Там же. С. 585.
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ См. его примечание к письму Д. Попова (Д. Войникова), опубликованное в: Български книжици, 1860. Ч. 2. С. 31, сноска 1.
- ⁵¹ См. заметку за подписью "Н.К." в: ЦВ. Г. 7, N 311. 12.I.1857.
- ⁵² *Първанов Н.* Бележки връх Грамматиката за новобългарския език от Ив. Момчилова. Русчук, 1868. С. 5.
- ⁵³ См. его статью без заглавия в: ЦВ. Г. 7. N 315, 9.II.1857.
- ⁵⁴ См. его примечание к письму Д. Попова (Д. Войникова), опубликованное в: Български книжици, 1860. Ч. 2. С. 31, сноска 1.
- ⁵⁵ Български книжици. Г. II. 1859. Ч. 1. С. 228.
- ⁵⁶ Там же. Об этом же писала редакция и несколько позже (Български книжици, Г. II. 1859. Ч. 2. С. 314, сноска).
- ⁵⁷ Български книжици. Г. II. 1859. Ч. 1. С. 227.
- ⁵⁸ *П...ва.* Струва ли за употребление в училищата, като учебна книга, Буквенищата Сичан-Николова? // Български книжици. Г. II. 1859. Ч. 1. С. 229—230.
- ⁵⁹ Там же. С. 229.
- ⁶⁰ Здесь, по-видимому, имеется в виду объявление о готовившемся издании этой "Грамматики", опубликованное в газете "Цариградски вестник" (г. 7, N 343, 24.VIII.1857). См.: *Стоянов М.* Българска възрожденска книжнина. Т. I. С., 1957. С. 320.
- ⁶¹ *П...ва.* Струва ли... С. 228.
- ⁶² Български книжици. Г. II. 1859. Ч. 1. С. 227.
- ⁶³ См. его "Краткое извинение на безименният сочинител на критиката против Буквенищата // Български книжици. Г. II. 1859. Ч. 2. С. 314—318. Это обвинение редакция журнала "Български книжици" нашла неосновательным (Там же. С. 314).

- ⁶⁴ Здесь Т. Стоянов-Бурмов обыгрывает звуковое совпадение названия дерева бук и начало второго названия грамматики Х. Сичан-Николова — "Буквенница".
- ⁶⁵ *Стоянов-Бурмов Т.* Отговор на извинението г-н Хр. Сичан-Николов за критика // Български книжици. Г. II. 1859. Ч. 2. С. 393—394.
- ⁶⁶ Там же. С. 401.
- ⁶⁷ Ср. с этим гораздо более сдержанный и деликатный отзыв Г. Крыстевича на эту же книгу в: Български книжици. Г. II. 1859. Ч. 1. С. 41—44 (в разделе "Книжвиний дневник").
- ⁶⁸ См. его заметку без заглавия, подписанную "Мльчан"; ЦВ. Г. В. N 53. 22.IX.1851.
- ⁶⁹ См. его заметку "За г. Андреевата География"; ЦВ. Г. В. N 59. 3.XI.1851.
- ⁷⁰ См. его заметку без заглавия; ЦВ. Г. В. N 58. 27.X.1851.
- ⁷¹ Там же.
- ⁷² См. заметку "Литературни бележки" // ЦВ. Г. 9. N 413, 10.I.1859.
- ⁷³ ЦВ. Г. 9, N 416, 31.I.1859.
- ⁷⁴ Там же.
- ⁷⁵ ЦВ. Г. 9, N 413, 10.I.1859.
- ⁷⁶ *Енчев Д.* Една небутана стърна // Право. Г. IV, N 15. 8.VI.1870.
- ⁷⁷ См. заметку без заглавия В. Колибарского в: ЦВ. Г. 9. N 422, 14.III.1859.
- ⁷⁸ Там же.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ *Иванов П.* Българска граматика по македонско наречие от г-на Мачуковски // Право, N 34, 30.V.1872.
- ⁸¹ *Пръванов Н.* Бележки врѣх Грамматиката на новобългарския език от Ив. Н. Момчилова. Русчук, 1868. С. 5—6.
- ⁸² *Априлов В.* Мисли... С. 35.
- ⁸³ *Пръванов Н.* [Рец. на кн.] Основа за българска граматика от г. Груева, четвърто издание, 1869 // Македония. Г. IV. N 61. 25.VI.1870.
- ⁸⁴ *Миркович Г.* Кратко изложение за наредбата на глаголити... С. 583.
- ⁸⁵ *Пръванов Н.* Бележки врѣх Грамматиката за новобългарския език... С. 18.
- ⁸⁶ *Пръванов Н.* [Рец. на кн.] Грамматика за новобългарския език от Ив. Н. Момчилов // Македония. Г. II. N 24. 11.V.1868.
- ⁸⁷ См. письмо Д. Попова (Д. Войникова) в редакцию журнала "Български книжци". Г. III. 1860. Ч. 2. С. 31.

§ 3. ОБ ОСНОВНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ НОРМАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НА СТАДИИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

Современный болгарский литературный язык — это функционирующий ныне в Болгарии литературный язык на всем протяжении его развития, т.е. со времени его зарождения и до наших дней. В болгарской лингвистической (и не только лингвистической) литературе в этом значении употребляются как полные синонимы термины "съвременен български книжовен (реже — литературен) език" и, кажется, чаще "новобългарски книжовен език". Термин "новобългарский литературный язык" ("новобългарски книжовен език") в таком значении, на наш взгляд, менее удачен, поскольку с ним неизбежно связывается и более широкое понятие о новобългарском литературном языке, одним из типов которого является современный литературный язык.

Всестороннее изучение истории современного болгарского литературного языка — одна из актуальных задач науки о болгарском языке, требующая решения целого ряда важных вопросов, которые в существующей литературе еще недостаточно полно освещены или по-

разному освещаются в трудах ученых. К числу таких вопросов относится и вопрос об основных путях или направлениях нормализации литературного языка, определившихся на начальной стадии его формирования. Под начальной стадией истории современного болгарского литературного языка здесь понимается тот ее отрезок, когда болгарскими книжниками сознательно ставился и обсуждался вопрос о характере структуры (прежде всего грамматической и в меньшей мере — лексической) нового литературного языка с точки зрения соотношения в нем элементов живой речи и книжного (церковнославянского, понимаемого первоначально как собственно древнеболгарского) языка. Это период борьбы так называемых нормализаторских школ, течений или направлений, который приходится на вторую четверть XIX в. и рассматривается как "период начального строительства болгарского литературного языка"². Эта же четверть в истории современного болгарского литературного языка характеризуется и как период, когда окончательно утверждается "народная основа языка новой болгарской литературы"³. Считается также, что "до конца первой половины XIX в. (т.е. до конца второй четверти этого века. — Г.В.)... закладываются основы современного болгарского литературного языка"⁴.

В литературе уже давно утвердилось мнение, что в этот период истории современного болгарского литературного языка сложились и остро конкурировали три так называемые школы или направления, течения, партии — новоболгарская, славноболгарская и церковнославянская⁵. Изредка указываются две школы — новоболгарская и славянская⁶. Само разнообразие обозначений одного из важнейших явлений историко-культурной жизни болгар во второй четверти XIX в. — школа, направление, течение, партия — свидетельствует об известной нечеткости представлений о самой сущности данного явления. Не вдаваясь здесь в подробности доказательств, отметим только, что в наибольшей мере сущности рассматриваемого явления отвечает, по нашему мнению, термин "направление". Поскольку, однако, в болгарской литературе обычно говорится о школах, то ниже при обзоре соответствующих точек зрения речь пойдет о школах.

О названных выше трех школах писалось много. Вместе с тем нельзя не согласиться с высказанным недавно Ст. Жеревым мнением о том, что при оценке и изложении теоретических концепций этих школ, их борьбы между собой и других вопросов, с этим связанных, нередко допускается схематизм и упрощенчество⁷.

К числу вопросов, прямо или косвенно связанных с деятельностью нормализаторских школ во второй четверти XIX в. и нуждающихся в более глубоком и строгом изучении, относится и важный вопрос о критериях самого выделения этих школ.

Анализ существующих в новейшей литературе точек зрения показывает, что названные выше школы выделяются учеными на основе разных критериев, существенно различающихся друг от друга или недостаточно ясно формулируемых.

Один из этих критериев — какой язык, церковнославянский или живой, народный, кладется в основу создаваемого нового литературного языка теми или иными книжниками того времени. При таком

критерии противопоставляются церковнославянская школа (иногда называемая и славянской), с одной стороны, и славяноболгарская и новоболгарская школы, с другой: первая в качестве основы формируемого литературного языка принимает церковнославянский, а вторая и третья — народный язык. В этом отношении типично мнение Ст. Стоява⁸.

Другой критерий — соотношение народно-разговорных и церковнославянских элементов в создаваемом литературном языке. Выдвигая такой критерий, ученые исходят из того, что книжники второй четверти минувшего столетия признавали основой литературного языка народную речь, но придавали разное значение или отводили разное место в его нормализации церковнославянскому языку⁹. По существу к этому критерию близок и критерий выделения школ "в зависимости от соотношения между живым народным языком и церковнославянским"¹⁰.

Разные критерии выделения названных трех школ выдвигал Л. Андрейчин. В одном случае он выделял их на основе совокупности двух критериев — "отношения между народной и книжной традицией" и "территориальной основы литературного языка"¹¹. В другом случае критерием выделения этих же школ служит для него "отношение языка новоболгарской письменности к церковнославянскому языку"¹².

Иногда сам критерий выделения школ не ясен, формулируется слишком общо (иногда, впрочем, возможно из-за вынужденной краткости изложения). Так, новоболгарская, славяноболгарская и церковнославянская школы иногда выделяются в зависимости от ответа на вопрос "о характере языка"¹³ или "об основе литературного языка"¹⁴.

При различии исходных критериев выделения школ дается, естественно, и разная характеристика концепций нормализации нового литературного языка, предлагавшихся их сторонниками.

Даже концепция так называемой новоболгарской школы, всеми оцениваемая теперь как наиболее прогрессивная и демократическая, характеризуется по-разному. По мнению большинства современных исследователей, многочисленные представители этой школы, в том числе такие видные деятели Возрождения, как П. Берон, В. Априлов, Ив. Богоров и др., настаивали на том, что новый литературный язык должен создаваться на основе народно-разговорного языка, подразумевая при этом или во всяком случае не исключая и определенную роль церковнославянского в его обогащении и совершенствовании.

Существует, однако, и другое мнение, а именно, что представители новоболгарской школы якобы полностью исключали какое-либо участие книжной традиции в создании нового литературного языка, полагая, что "болгарский литературный язык должен формироваться исключительно на основе живой народной речи"¹⁵. С таким утверждением нельзя согласиться. Как собственные высказывания представителей данной школы об устройстве литературного языка, так и язык их сочинений не подтверждают этого положения. Вся эта школа в целом и отдельные ее представители, как это показано в трудах многих современных ученых, отнюдь не отвергали и не исключали полностью роли церковнославянского языка, а рассматривали его как

один из необходимых источников совершенствования и обогащения нового литературного языка¹⁶.

Существенны расхождения также и в характеристике концепции так называемой церковнославянской школы, оцениваемой в настоящее время как концепция консервативной. Одни современные исследователи считают, что представители данной школы и прежде всего Хр. Павлович и К. Фотинов предлагали якобы "положить церковнославянский язык в основу болгарского языка"¹⁷ или что для них "церковнославянские элементы являются не дополнительным пластом, а основой, на которой идет формирование литературного языка"¹⁸. Иногда даже указывается, что, согласно мнению представителей этой школы, новый литературный язык "должен целиком ("изцяло") опереться на церковнославянский"¹⁹. Иными словами, утверждается, что эти представители рассматривали церковнославянский едва ли не как единственную базу создания нового литературного языка. Иногда концепция церковнославянской школы формулируется недостаточно ясно, например, как "полное подчинение литературного языка церковнославянскому"²⁰.

Существует также мнение, что суть концепции церковнославянской школы заключается в приближении литературного языка к церковнославянскому²¹. Такое понимание, очевидно, предполагает, что в основу литературного языка кладется не церковнославянский, а народная речь, в результате литературной обработки которой (отказ от ряда особенностей народной речи, включение некоторых особенностей церковнославянского языка) и должно быть достигнуто известное приближение его к церковнославянскому.

Разная характеристика дается также и концепции славяноболгарской школы, расцениваемой обычно как компромиссной. Современные ученые согласны в том, что Н. Рильский и другие относимые к этой школе деятели Возрождения настаивали на народно-разговорной основе создаваемого литературного языка, но они по-разному определяли роль, которую эти деятели отводили в его нормализации церковнославянскому языку.

Согласно распространенной точке зрения, представители славяноболгарской школы рассматривали церковнославянский как своего рода арбитра в разрешении спорных случаев нормализации литературного языка при выборе диалектных вариантов: в литературном языке должен быть закреплен тот диалектный вариант, который представлен и в церковнославянском, а в случае отсутствия данного явления в церковнославянском, в литературном болгарском закрепляются все диалектные варианты, а не один из них, при этом они наделяются разными функциями²². Некоторые ученые роль церковнославянского языка, которую отводили в создании болгарского литературного языка представители данной школы, суживают, характеризуя ее как "фактор преодоления диалектного разнообразия болгарской народной речи"²³, как "корректив диалектных различий" в тех случаях, когда "нет единства форм и лексем"²⁴, или как "компенсатор... тех элементов греческого и турецкого языков, которые причиняли ущерб национальной чистоте" болгарского литературного языка"²⁵, как источник "по-

полнения литературного языка тем, что отсутствует в народных говорах²⁶.

Из сказанного видно, что вопрос о критериях выделения так называемых школ или направлений (течений, партий) нельзя считать удовлетворительно решенным. Между тем это очень важный вопрос, от правильного решения которого в значительной степени зависит успех дальнейшего изучения начальной стадии формирования современного болгарского литературного языка. Ограничиваемся здесь кратким обзором мнений, изложенных в новейших работах, чтобы яснее показать состояние разработки вопроса о нормализаторских школах в современной литературе и лишней раз привлечь к нему внимание историков современного болгарского литературного языка.

Различие мнений по рассматриваемому вопросу, как и разная характеристика концепций создания нового литературного языка, которых придерживались сторонники указанных школ, объясняется, во-первых, в значительной мере недостаточной изученностью языка сочинений книжников (особенно представителей славяноболгарской и церковнославянской школ) и их высказываний о путях создания этого языка. Показателен, например, тот факт, что реальное соотношение народно-разговорных и книжных элементов в изданном Хр. Павловичем в 1844 г. "Царственнике" (в котором, как считается, нашли конкретное воплощение взгляды главы церковнославянской школы²⁷) на основе тщательного анализа обширного материала впервые было охарактеризовано в одной из статей К. Гутшмидта только в 1979 г.²⁸ Во-вторых, при освещении вопроса о так называемых нормализаторских школах, на наш взгляд, не всегда четко разграничиваются, с одной стороны, современный болгарский литературный язык и его формирование и, с другой стороны, новоболгарский литературный язык или вообще литературный язык в Болгарии.

Важнейшая особенность истории современного болгарского литературного языка состоит в том, что он сформировался на основе народно-разговорного языка или, что применительно к истории этого языка одно и то же, на основе народных говоров. Не останавливаясь здесь специально на содержании самого термина "основа современного болгарского литературного языка", который в литературе обычно употребляется без дальнейшей дефиниции его значения, отметим только, что данным термином имплицитно выражается некая совокупность важнейших особенностей народного языка прошлого столетия, определяющая специфику звуковой, грамматической и лексической структуры функционирующего ныне литературного языка и отличающая его от других типов болгарского литературного языка, выступавших в прошлом. Обобщая существующие точки зрения об основе современного литературного языка, Е. Георгиева совершенно правильно констатирует: "В настоящее время в целом принята точка зрения, согласно которой новоболгарский (современный) болгарский литературный язык возник на основе народных говоров, народной речи, — положение, которое может считаться решенным и установленным"²⁹. Если это верно (а сомневаться в этом нет серьезных оснований), то следует признать верным и положение о том, что предметом исто-

ри современного болгарского литературного языка должен быть весь процесс формирования литературного языка, все опыты его нормализации именно на данной, т.е. народно-разговорной, основе начиная с ранней стадии этого процесса. Всякие опыты устройства литературного языка на иной, не народно-разговорной основе, в частности церковнославянской, представляют или представляли бы собой предмет истории не современного литературного языка, а новоболгарского литературного языка другого типа. Попутно отметим, что, когда говорят о церковнославянской основе языка того или иного книжника первой половины XIX в. или об идее создания литературного языка на такой основе, то под термином "церковнославянская основа" или "основа церковнославянского языка" имеют в виду, очевидно, некую совокупность характерных элементов структуры церковнославянского языка как ту исходную базу, на которой должен был складываться формировавшийся болгарский литературный язык и которая определяла бы общий облик или характер всей его структуры. Иногда, когда говорят о церковнославянской основе болгарского литературного языка, имеют в виду, однако, не определенную совокупность важнейших элементов церковнославянского языка, а лишь какие-то отдельные, в том числе и весьма важные, элементы его структуры. При таком подходе (даже если имеются в виду и такие существенные элементы как система падежей или отсутствие членных форм) само понятие "церковнославянская основа языка" лишается своего смысла, поскольку церковнославянский при этом на деле вовсе и не рассматривается как база формирования нового литературного языка.

В рамках истории современного литературного языка, на наш взгляд, во второй четверти XIX в., когда развернулась острая борьба о литературном языке, следует выделять два основных направления его нормализации. Одно из них можно условно назвать новаторским, другое — архаизаторским³⁰. Общим для них было признание того, что литературный язык должен строиться на основе народной речи и что одним из источников средств нормализации создаваемого литературного языка является церковнославянский, отождествлявшийся книжниками первой половины XIX в. с древнеболгарским.

Коренное различие между названными двумя направлениями в нормализации нового литературного языка лежит, таким образом, не в принципиально разном подходе к самой основе этого языка — народной или книжной (церковнославянской), а в принципиально разном подходе к церковнославянскому как одному из источников средств нормализации литературного языка (прежде всего его грамматической структуры, в меньшей мере лексики и звукового строя). Суть этого различия в следующем. Представители первого направления — "новаторы" — исходили из того, что все имеющееся в народном языке, должно войти и в язык литературный, а то, что необходимо литературному языку и чего нет в народном, должно или может быть почерпнуто прежде всего из церковнославянского. Представители другого направления — "архаизаторы" — исходили из иных принципов:

то, что есть в народном языке, но отсутствует в церковнославянском, не должно быть закреплено в новом литературном языке, во-первых, и для совершенствования структуры последнего вместо отдельных элементов народного языка должны быть введены функционально им тождественные или близкие, а также не достающие элементы церковнославянского языка, во-вторых.

В рамках названных двух основных направлений, естественно, могут быть выделены более частные концепции нормализации нового литературного языка, особенно нормализации отдельных фрагментов или ярусов его структуры, в том числе и правописания.

Учитывая сказанное, ниже и будет охарактеризовано отношение представителей данных основных направлений к нормализации тех грамматических форм, по которым велись между ними особенно острые споры. Речь пойдет, в частности, о членных формах и падежах.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., например, предисловие Е. Георгиевой в кн.: Изследования из историята на новобългарския книжовен език от миналия век. С., 1979. С. 5.
- ² *Андрейчин Л.* Из историята на нашето езиково строителство. С., 1977. С. 52; см. также: *Русинов Р.* Учебник по история на новобългарския книжовен език. С., 1980. С. 37.
- ³ *Първев Хр.* Ускореното изграждане на новобългарския книжовен език // В чест на академик В. Георгиев. Езиковедски проучвания по случай седемдесет години от рождението му. С., 1980. С. 483.
- ⁴ *Русинов Р.* Указ. соч. С. 94.
- ⁵ См., например: *Андрейчин Л.* Указ. соч. С. 33—34, 52—58; *Русинов Р.* Указ. соч. С. 75—94; *Жерев Ст.* Езикът на Райко Жинзифов. С. 1979. С. 22; *Павлова Р.* Болгарско-руските и руско-болгарските языковые связи. С., 1979. С. 185—189 и др. О славянской (вместо церковнославянской), славяноболгарской и новоболгарской школах пише также Ст. Стоянов в кн.: *Андрейчин Л., Попов К., Стоянов Ст.* Грамматика на българския език. С., 1977. С. 12—13; это же см.: *Стоянов Ст.* Грамматика на българския език. С., 1964. С. 22.
- ⁶ См., например: *История на българската литература. 2. Литература на Възраждането.* С., 1966. С. 112—114 (автор соответствующего раздела — Цв. Минков).
- ⁷ *Жерев Ст.* Указ. соч. С. 22; *Жерев Ст.* Теоретическите възгледи на Райко Жинзифов за българския книжовен език // В кн.: Изследования из историята на българския книжовен език от миналия век. С., 1979. С. 140—141.
- ⁸ Типично в этом отношении мнение Ст. Стоянова (см. соответствующие страницы его трудов, указанных в сн. 5).
- ⁹ *Първев Хр.* Единство, неделимост и приемственост в историята на българския книжовен език // Български език и литература. 1980. N 1. С. 30; *Станков В.* Българското Възраждане и формирането на новобългарския книжовен език // Български език. 1980. N 1. С. 14.
- ¹⁰ *Ненкова П.* Към спецификата на черковнославянското влияние у *Неофит Рилски* (с оглед на лексиката) // Изследования из историята на българския книжовен език от миналия век. С., 1979. с. 117.
- ¹¹ *Андрейчин Л.* Указ. соч. С. 53.
- ¹² Там же. С. 32.
- ¹³ *Русинов Р.* Указ. соч. С. 75—76.
- ¹⁴ *Жерев Ст.* Теоретическите възгледи на Райко Жинзифов... С. 140. В книге "Езикът на Райко Жинзифов" критерий выделения школ дан более развернуто (с. 22).
- ¹⁵ *Стоянов Ст.* Указ. соч. С. 22; это же см. и в кн.: *Андрейчин Л., Попов К., Стоянов Ст.* Указ. соч. С. 13.
- ¹⁶ См., например: *Андрейчин Л.* Указ. соч. С. 33 и др.; *Жерев Ст.* За традицията в историята на българския книжовен език // Български език, 1979, N 4. С. 280; *Павлова Р.* Указ. соч. С. 187—189; *Русинов Р.* Указ. соч. С. 67, 77 и др.

- ¹⁷ *Андрейчин Л.* Указ. соч. С. 33; см. также: *Стоянов Ст.* Указ. соч. С. 22.
- ¹⁸ *Русинов Р.* Указ. соч. С. 82; см. также: *Кочев И.* Българската диалектология през възраждането и въпросът за книжовно и диалектно при изграждането на книжовния език // *Български език*, 1980, N 1. С. 28—29.
- ¹⁹ *Жерев Ст.* Езикът на Райко Жинзифов. С. 22.
- ²⁰ *Въгленов М.* Език и графическа практика у Г.С. Раковски // *Изследвания из историята на българския книжовен език от миналия век.* С., 1979. С. 125—126.
- ²¹ *Андрейчин Л.* Указ. соч. С. 56.
- ²² Там же; *Русинов Р.* Указ. соч. С. 85—89; *Павлова Р.* Указ. соч. С. 186.
- ²³ *Станков В.* Указ. соч. С. 13.
- ²⁴ *Жерев Ст.* Езикът на Райко Жинзифов. С. 22. — Ср. и совсем краткое определение роли церковнославянского как корректива в создании литературного языка на основе народной речи (*Ненкова П.* Указ. соч. С. 117).
- ²⁵ *Георгиева Е.* Опыт за интерпретация на книжовните прояви при изграждане на новобългарския книжовен език през периода на Българското Възраждане // *Български език*, 1980, N 1. С. 23.
- ²⁶ *Въгленов М.* Указ. соч. С. 125.
- ²⁷ *Русинов Р.* Указ. соч. С. 82.
- ²⁸ *Гутшмит К.* Езикът на Паисиевата история и езикът на Царственика от Христати Павлович Дупничанин // *Изследвания из историята на българския книжовен език от миналия век.* С., 1979. С. 96—105. — О результатах сравнения языка "Истории славяноболгарской" Паисия и изданного Хр. Павловичем "Царственика" ранее кратко писал Н.И. Толстой (*Толстой Н.И.* Роль древнеславянского литературного языка в истории русского, сербского и болгарского литературных языков в XVII—XVIII вв. // *Вопросы образования восточнославянских национальных языков.* М., 1962. С. 14; см. также: *Толстой Н.И.* История и структура славянских литературных языков. М., 1988. С. 97).
- ²⁹ *Георгиева Е.* Опыт за интерпретация на книжовните прояви... С. 18.
- ³⁰ О двух направлениях или «двух антагонистических линиях в развитии болгарского литературного языка — линии "архаистов" и линии "новаторов"» см. и в указанных в сноске 28 статье Н.И. Толстого (с. 17) и монографии (с. 101)
- ³¹ В сущности подобный критерий определения нормализаторских школ во второй четверти XIX в. уже формулировался в научной литературе. Так, например, В. Станков считает, что эти школы "оформляются именно на основе различного отношения отдельных книжников к вопросу о том, в какой степени и в какой форме церковнославянский язык должен быть принят во внимание при формировании вновь возникающего литературного языка" (*Станков В.* Българското Възраждане и формирането на новобългарския книжовен език. С. 14). Ср. и мнение Хр. Първева, который полагает, что при характеристике этих школ "надо иметь в виду основное и существенное взаимоотношение между народным и традиционным началом в формировании новоболгарского литературного языка, в котором решающей была и остается основа народного языка" (*Първев Хр.* Единство, неделимость и приемственность в историята на българския книжовен език. С. 30). Однако и В. Станков и Хр. Първев на основе сформулированного ими критерия выделяют не две, а три школы — церковнославянскую, славяноболгарскую и новоболгарскую.

§ 4. О ЯЗЫКЕ Г. РАКОВСКОГО КАК ОПЫТЕ СОЗДАНИЯ АРХАИЗИРОВАННОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Особое место в истории болгарского литературного языка прошлого века занимает язык Г. Раковского. Этот видный деятель Возрождения Болгарии выступал за создание своеобразного архаизированного языка, отличавшегося не только от принятого в большинстве книг болгарских писателей той поры, но и от того языка, к утверждению которого стремились приверженцы архаизации как пути формирования литературного языка.

Г. Раковский вступил на писательскую арену в середине 50-х годов (его первое печатное произведение — "Предвестник Горского пѣтника" — вышло в свет в 1856 г.), когда споры по наиболее злободневному вопросу о характере литературного языка — новоболгарской или ориентированной на церковнославянский (также и древнеболгарский) его основы — были в основном уже позади, когда победа новоболгарской основы уже вряд ли у кого вызвала серьезные сомнения, и оставалось решить окончательно вопрос о самой диалектной базе формировавшегося литературного языка. Перед Г. Раковским, таким образом, лежал уже расчищенный путь к творению произведений на воспринятом почти всеми литературном языке, представлявшем собой в той или иной мере обработанный народный язык. Однако Г. Раковский пошел "против течения", создав свой своеобразный язык, представляющий собой, по словам М. Арнаудова, "самое искусственное и грамматически невозможное, что мог выдумать в эпоху нашего возрождения отдельный писатель"¹.

В произведениях Г. Раковского нет систематического изложения его взглядов по вопросам литературного языка. Несмотря на это, об общих его принципах создания этого языка, как и о взглядах этого деятеля по некоторым частным вопросам его устройства можно составить довольно ясное представление из замечаний в опубликованных книгах, некоторых статей и неопубликованных при жизни автора других материалов.

Г. Раковский, как и многие другие книжники эпохи Возрождения, хорошо сознавал важность создания единого литературного языка. Значительные различия в языке болгарских писателей середины XIX в. свидетельствовали, по его мнению, о несовершенстве их языка и неспособности последнего служить делу образования, развития литературы и т.д. "Какую литературу, — спрашивал Г. Раковский, — можем мы развить, если у шестимиллионного народа пишут на двух или трех видах языка, и один преследует другого, говоря, что верно то или иное?"². Главная задача образованных болгар поэтому должна состоять в том, чтобы создать единый и общий для всего болгарского населения литературный язык. Г. Раковский говорил при этом о необходимости не просто единого, но и понятного всем болгарам литературного языка. Один из вопросов, на который следует ответить прежде, чем приступить к созданию такого языка, заключается, по Раковскому, в следующем: "Какой ход и направление должен принять

наш современный литературный ("книженен") язык, чтобы он стал общим единым литературным языком, понятным всем болгарам"³. Он особо отмечал то, чтобы этот язык был понятен и жителям Македонии: "Главная цель состоит в том, чтобы был единый общий литературный язык, понятный всем болгарам и особенно ("най паче") македонцам"⁴.

Как же можно создать такой язык?

Г. Раковский считал, что попытки многих болгарских книжников утвердить в качестве литературного языка живой, народный язык вообще и местные наречия в частности не могут разрешить задачи создания единого языка, ибо разногласия между писателями сохраняются⁵. Эти разногласия можно устранить лишь при условии, если с самого начала будет признано положение о том, что литературный язык должен отличаться от языка простонародного. Это не новый в истории болгарского литературного языка тезис, который у Г. Раковского, однако, получает несколько иное обоснование.

Для Г. Раковского чрезвычайно важным было то обстоятельство, что литературные языки немцев, итальянцев, французов, греков и других народов не представляют собой отдельное местное наречие и что нет ни одного литературного языка, который бы полностью совпадал с языком простого народа. "Ни на одном языке не писали и не пишут точно так же, как говорит простой народ", — подчеркивает он в статье "Общие вопросы о древнеболгарском литературном языке"⁶. Эту же мысль он неоднократно высказывает в ряде неопубликованных при его жизни трудов. Так, в статье "Несколько слов о правописании болгарского языка" (1854) он пишет, что как Цицерон не писал на языке, на котором говорил простой римский горожанин, так и простой француз не говорит на языке Вольтера и Руссо, а простой англичанин — на языке Мильтона, русский — на языке Карамзина и Пушкина⁷. В другом месте он отмечает, что все письменные языки, старые и новые, имели и имеют стиль ("щиль") более высокий и более обработанный, чем разговорный язык простого народа⁸. В рукописной книге "Опыт болгарского языка" (1858) Г. Раковский констатирует, что "разговорный ("говорим") язык вообще никогда не может быть равен письменному"⁹. Тот факт, что литературные языки просвещенных народов отличаются от простонародных, имеет важное значение и для устройства болгарского литературного языка, и "не обратить нам, болгарам, на это внимание, было бы совсем неуместно"¹⁰. Исходя из этого, он и рассматривает критически распространенное мнение о необходимости полного соответствия литературного языка языку простонародному как лишенное здравого смысла и "естественного основания" ("не е основано на правий разум, ни то на самаа естествена причина")¹¹.

Невозможность полного соответствия литературного языка простонародному объясняется, по Раковскому, тем, что задача литературного языка сводится к тому, чтобы человек понял не только слова сами по себе ("голи речи"), но и то, о чем писал автор произведения, его "мысли и понятия". Последнее же не только не всегда понятно простому народу, но и не может быть изложено одними средств-

вами простонародного языка. Другая "естественная причина" невозможности полного тождества литературного и простонародного языков заключается в том, что литературный язык более упорядочен и красив, нежели простонародный. "Человек, когда пишет, — отмечает Г. Раковский, — имеет больше времени подумать, организовать и украсить те слова ("да наряди, украси и укичи ония речи"), с помощью которых он хочет выразить свои понятия другому, нежели тогда, когда он говорит"¹².

Не видя путей создания единого литературного языка на основе только живой народной речи, Г. Раковский обращается, как и некоторые другие нормализаторы до него, к древнеболгарскому, на основе которого, по его мнению, и должен быть установлен новый литературный язык с едиными правилами. Каким образом? Путем приближения современного народного языка к языку древнеболгарскому.

К этой мысли Г. Раковский приходит уже в самом начале своей литературной деятельности. В уже упоминавшейся выше статье "Несколько слов о правописании болгарского языка" он говорит, что болгарский язык "легче можно обработать, приближая его к древнеболгарскому, нежели основная его на новых правилах"¹³. Поэтому он пишет о "потребности необходимой и нужде великой", заключающейся в том, чтобы ученые болгары "не отделяли подлинное чадо, разговорный наш язык настоящего времени, от его истинной матери (древнеболгарского языка) и путем неправильного расчленения ("разглобление"), по примеру грубого разговорного греческого языка, ослабляли и обессиливали его первообразную деятельность"¹⁴.

Позднее (1860 г.) он публикует начало цитируемой выше статьи "Общие вопросы о древнеболгарском литературном языке, на основании которых, если будет решено, должен быть исправлен современный литературный болгарский язык", само заглавие которой уже говорит об общем направлении "исправления" болгарского языка. В статье этой Г. Раковский намеревался подробно осветить вопросы, решение которых позволило бы установить единые нормы: 1) какова была первооснова ("първа основа") болгарского языка и к какому времени относится этот язык; 2) имели ли болгары письменность до крещения Преславского двора (т.е. до 864 г.) и что это была за письменность; 3) был ли "общим и разговорным языком болгар" язык древнейших болгарских книг, созданных после крещения Преславского двора и какова основа языка этих книг; 4) какие изменения претерпел болгарский язык после крещения и до падения Болгарии под власть турок; 5) какие изменения претерпел болгарский язык с тех пор; 6) имеются ли различные наречия современного разговорного болгарского языка и сколько их можно установить; 7) в чем главное отличие современного разговорного языка от старого письменного; 8) какое направление нужно придать современному письменному языку, чтобы он стал "общим единым литературным языком, понятным всем болгарам и всем другим славянам". Без освещения этих вопросов, по мнению Г. Раковского, болгарский язык никогда не будет нормализован и "установлен в общие и твердые ("стални") правила"¹⁵.

Статья эта полностью не была им опубликована, поэтому мнение ее автора по поднятым в ней важным вопросам осталось здесь не раскрытым. Однако и опубликованная ее часть как и другие материалы, ясно показывают, что основу литературного языка, который, по мнению Г. Раковского, должен непременно отличаться от языка простого народа, он видит в древнеболгарском или, может быть, точнее сказать, в его установлении ориентироваться на древнеболгарский язык. Г. Раковский указывал здесь в частности на то преимущество в создании болгарскими своего литературного языка, что они формируют его тогда, когда его источник — древний язык — уже известен. Иначе было у европейских народов — немцев, итальянцев, французов, литературные языки которых приводились "в общие и твердые правила" в то время, когда их первоисточник еще известен не был. Теперь же, когда их "корень и источник" установлен, языки образованных европейцев "уже не могут приблизиться к этому источнику, потому что они уже обработаны по совсем другому образцу ("крои") и сохраняют лишь некоторые корневые слова своей "матери"¹⁶. Знание этого обстоятельства в истории европейских литературных языков, полагает Г. Раковский, является большим преимуществом ("задатка") болгар, которые только теперь начинают развивать свою письменность и могут поэтому избежать трудностей, выпавших на долю европейцев, при создании и обработке ими своих литературных языков. "Мы, — писал Г. Раковский, — живем сейчас в более счастливый для данного предмета (создания литературного языка. — Г.В.) век, чем европейцы. И у нашего языка, как и у нашей народной литературы ("книжнина") более блистательное и ровное поле, чем то, какое было у европейцев, когда они начали писать. Давайте же воспользуемся такими важными для нас примерами и преимуществами"¹⁷.

Г. Раковский полагал, что в "письменный язык" может быть внесено то, что "не сохранилось в народе", что "было прежде, но из-за падения народа в невежество было утрачено" и о чем свидетельствуют еще "живые остатки" в народном языке¹⁸. На основании этого он считал необходимым, в частности, закрепление в литературном языке падежей¹⁹. В соответствии с принимаемым принципом Г. Раковский не допускал употребления в нем членных форм, поскольку их не было в древнем болгарском языке, а появление их в современном народном обязано иноязычному (по его мнению — греческому) влиянию²⁰. Влиянием других языков он объясняет и некоторые иные особенности живого болгарского языка, считая, что "древнеболгарский наш язык от чужих наречий" сильно пострадал, а "через письменный испорченный ("изкривенного") язык пострадал и наш разговорный язык, поэтому в настоящее время в Болгарии слышится различное произношение"²¹. Например, разное произношение юсов Г. Раковский объясняет влиянием сербского языка²². Болгарский же язык, по его мнению, настолько богат, что не нуждается в каком-либо подражании другим языкам, и болгарскому литературному нет нужды заимствовать слова из других языков²³. Чтобы создать такой язык, надо лишь сопоставить современный народный язык с языком древнеболгарских памятников, устранить позднейшие инновации, явившиеся под иноязычным влиянием, и,

опираясь на древнеболгарский, "исправить и украсить" его. "Болгарский язык, — писал Г. Раковский, — путем сравнения со старым языком, сохранившимся в рукописях, можно легко и в короткое время поправить и украсить"²⁴. Он, правда, как будто считал, что время для этого еще не наступило, потому что древнеболгарский язык еще изучен плохо²⁵. В 1860 г. он писал, что древнеболгарский изучен не настолько, чтобы "мы его взяли за правило и основу для исправления современного"²⁶.

Ориентация на древнеболгарский при создании нового болгарского литературного языка, на которой настаивал Г. Раковский в 50—60-е годы, не было чем-то новым в истории формирования норм этого языка. И до него некоторые деятели национально-культурного возрождения, рассматривая этот вопрос, призывали опираться на древнеболгарский или церковнославянский, воспринимавшийся многими как древнеболгарский, как на основу создания нового литературного языка болгар. Его предшественники Хр. Павлович, К. Фотинов и др. рассматривали древнеболгарский или церковнославянский как "общий корень" всех славянских языков, который болгары больше чем остальные славянские народы обязаны хранить и оберегать как зеницу ока. Г. Раковский на этом не останавливается и идет дальше в глубь истории, доказывая ближайшее родство болгарского с древнейшими из известных языков — санскритом и зендским (авестийским). Он отмечает, что его особенно занимает "древняя санскритская письменность и более всего большое родство, чтобы не сказать — почти единство, с нашим болгарским языком" санскрита²⁷. Именно эта фантастическая и романтическая идея об исключительной древности болгарского языка явилась решающей причиной создания им столь пестрого и в своей основе сильно архаизированного собственного языка.

К выводу о ближайшем родстве болгарского языка и санскрита привели Г. Раковского его историко-филологические занятия вопросами древнейшей истории болгар, происхождения болгарского народа и его языка²⁸. Он писал, что мысли об этих вопросах "меня занимали долгое время и в моей душе зародилась постоянная забота, которая не давала мне никакого покоя"²⁹. Важное преимущество народного болгарского языка по сравнению с другими, в частности с греческим, Г. Раковский видел в том, что он почти полностью сохранил свой древний звуковой состав ("первобытного си гласопрройзношение"), соответствующий санскриту и зендскому³⁰. Более того, Г. Раковский утверждает, что в Болгарии "в настоящее время говорят смешанно на санскрите и зендском языке"³¹. Древним своим обликом ("старый си крои") и особенно обликом исходных ("корневых") слов болгарский не уступает ни одному из европейских языков в богатстве, выразительности ("удобойзречие") и словообразовательных возможностях³². Болгарский язык богаче многих языков, в том числе и греческого, который, по Г. Раковскому, сам произошел от болгарского³³. В известной книге "Показалец..." (1859 г.) говорится, что "эллинский мнимый первобытный язык есть ветвь" ("отцепка") болгарского и что так называемые исконные греческие слова оказываются "производными и имеющими естественное значение в нашем болгарском языке"³⁴.

В другом месте указывается, что эти слова на самом деле суть древнеболгарские³⁵.

Однако богатство и близость современного болгарского языка к санскриту, по мнению Г. Раковского, не столь очевидны, так как в ходе своего развития болгарский приобрел новые особенности, главным образом под влиянием других языков. Поскольку и древний, и современный болгарский язык испытал сильное иноязычное влияние ("под чюздо було покрит"), "трудно установить его первоначальный облик и основу с помощью самих памятников, если не поступить иначе"³⁶. Чтобы восстановить первоначальный вид болгарского языка и показать тем самым исходную близость его к санскриту, необходимо "очищение от различного произношения ("разновидного гласопроизношение"), введенных и накопившихся позднее окончаний и привнесенных значений"³⁷. В сравнении с санскритом эти нововведения болгарского языка казались Г. Раковскому ненужными, ибо и без них писатель может изложить свои мысли ясно и доходчиво. Поэтому новые явления, усвоенные в свое время болгарским под воздействием других языков, как полагал Г. Раковский, и не должны быть допущены в "единый общий литературный язык".

Проникнутый идеей о глубокой древности и богатстве болгарского языка, Г. Раковский подчеркивает также, что болгарский — это не отдельное славянское наречие, а подлинный древний славянский язык. В неопубликованной "Бележник разних Г.С. Раковского", например, сказано, что "болгарский язык — не наречие славянского языка, а подлинный ("сьщи") славянский старый язык, впавший из-за невежества в расчленение (как и престонародный греческий), однако он сохранил старое чистое ("искренно") произношение"³⁸. Ратуя за исправление современного языка с опорой на древний, Г. Раковский мечтал и о том, чтобы создаваемый литературный язык вновь стал "классическим, каким он был в свое цветущее время"³⁹. Идея о восстановлении "классического" болгарского языка перекликается у Г. Раковского с мыслью о том, что болгарский литературный язык должен быть понятен не только всем болгарам, но и "всем другим славянам, каким в старину был древнеболгарский"⁴⁰. Г. Раковскому, как и некоторым его предшественникам, опиравшимся в вопросах нормализации литературного языка на древнеболгарский или церковнославянский, таким образом, тоже не была чужда идея о "всепонятности" создаваемого болгарского литературного языка для всего славянства. Этой стороне данного языка Г. Раковский, видимо, придавал большое значение. Вряд ли можно сомневаться в том, что одна из причин наличия в языке его произведений не только древнеболгарских и церковнославянских элементов, но также и элементов хорошо известных ему сербского и русского языков, заключается именно в его стремлении создать такой болгарский литературный язык, который был бы понятен и доступен и другим славянам.

В отказе Г. Раковского от некоторых характерных особенностей живого болгарского языка следует видеть также и влияние тех его предшественников, кто, выступая против членных форм, за введение старых падежей и др., стремился к созданию архаизированного типа

литературного языка. Так, едва ли могут быть сомнения о том, что на отрицательном отношении Г. Раковского к членным формам не сказало влияние Ю.И. Венелина, К. Фофинова, Хр. Павловича, видевших в этих формах препятствие к сочинению стихотворных произведений на болгарском языке. Г. Раковский, по всей вероятности, учел их предостережения и, работая в 50-е годы над поэмой "Горски пътник", чтобы "писать рифмами", отказывается от членных форм.

Другой из причин, по которым Г. Раковский обратился к несвойственным современному народному языку особенностям, был, надо полагать, пример греков. Он хорошо знал греческий язык, был знаком с борьбой греков за создание их литературного языка, с острыми спорами в начале XIX в. среди греческих филологов за создание этого языка⁴¹. Идеи более консервативных в вопросах создания литературного языка греческих писателей, боровшихся за сохранение древнегреческого языка в качестве литературного, были близки Г. Раковскому, пытавшемуся возродить былую славу древнеболгарского языка, "очистить" его от наносного, неболгарского.

Если место древнеболгарского языка, которое Г. Раковский отводил в создании нового литературного языка в общих чертах ясно, то положение живого народного языка в его концепции данного процесса менее определено.

Г. Раковский, разумеется, знал, что народный язык в разных областях Болгарии отличается своими особенностями, и считал, что общего, так сказать, всеболгарского народного языка не существует: "Мы в той мере, в какой занимались этим вопросом, знаем, что на современном разговорном болгарском языке говорят по-разному ("се говори разновидно") в Болгарии, но отдельного целого болгарского наречия нигде в Болгарии нет"⁴². Это убеждение, вероятно, было также одной из причин того, что литературный язык, по его мнению, не может базироваться целиком на народном языке (поскольку его как единого целого нет), а принимать таковым наречие какой-либо ограниченной области Болгарии нет оснований. Характерен в этом отношении упрек, адресуемый Г. Раковским Г. Крыстевичу за то, что тот, говоря о современном болгарском языке в целом, в действительности имеет в виду якобы только язык Котела, Карлова, Калофера и Копривштицы⁴³. Вместе с этим Г. Раковский находит, что различающийся по областям Болгарии народный язык имеет сходство ("има съобразност") с языком известных в то время древнеболгарских рукописей⁴⁴. По его мнению, сравнение современных наречий с древнеболгарским показывает, что "между разговорным и древним письменным языками имеется очень мало различий"⁴⁵. Правда, понимание им степени или глубины различий между современным народным и древнеболгарским не было достаточно определенным. В письме к А. Экзарху от 26 августа 1859 г., например, он указывал, что болгарский народ в своем языке "теперь не употребляет причастия, падежей, неопределенного склонения, но говорит расчлененно ("разглобено")", и потому кажется, что этот язык "довольно" удался от нашего древнецерковного языка"⁴⁶. Существенно, однако, и то, что Г. Раковский, как и некоторые его современники, как будто признавал (во всяком случае в

начале свой деятельности) существование более правильных и менее правильных болгарских наречий в зависимости от того, в котором из них лучше или хуже сохранилось старое "произношение". Так, в уже упоминавшемся выше "Бележнике" он отмечает, что в главных городах (столицах) и их окрестностях "всегда говорят правильно" (например, в Париже в отличие от Лиона, Марселя). В старину на правильном болгарском языке говорили в Преславе — древней столице Болгарии, а в настоящее время правильное всего говорят в Котеле и соседнем селе Тиче. Сравнение языка древних рукописей с современным говором данных населенных пунктов подтверждает, что в нем "сохранилось то же произношение и настоящий ("истинный") язык, потому что Котел, также и Тича, издавна заселенные болгарами, не претерпели "никакого разорения" в отличие от соседних с ними сел⁴⁷.

То, что Г. Раковский не изгонял из литературного языка всех особенностей живого народного языка, очевидно. Об этом говорят как язык его собственных произведений, так и некоторые его высказывания. Лишая членные формы права на существование в литературном языке на том основании, что они якобы появились в болгарском под влиянием греческого, Г. Раковский употребляет, например, такие грамматические формы, как сокращенный инфинитив (без *-ти*), типа *ни, да* вместо старых форм *пити, дати*, формы будущего времени, образованные сочетанием сокращенного инфинитива и *ща*, типа *да-щж, пи-щж*, падежные окончания *-а, -о, -у* существительных мужского рода — *человѣка, человекѣ, человекѣу, коньѣ, воло, Диму, Петку* и др. Приведенные формы он рассматривает как действительно отличительные черты болгарского языка, отсутствующие во всех европейских языках, в отличие от Г. Крыстевича и других деятелей Возрождения, считавших наиболее характерной особенностью народного болгарского языка членные формы⁴⁹. Любопытно, однако, следующее: основанием для допуска названных форм в литературный язык было не то, что они представляют отличительную особенность болгарского языка, а то, что подобные же формы, по мнению Г. Раковского, выступают и в санскрите.

Создается, таким образом, впечатление, что право закрепления в литературном языке Г. Раковский давал только таким особенностям народного языка, которые, по его мнению, находили прямое соответствие в санскрите. При таком характере сопоставления и сближения болгарского с санскритом, который демонстрирует Г. Раковский, однако, невозможно установить, какие из особенностей народного языка проходят через его "очистительное языковое решето" и закрепляются им в его же языке и должны бы закрепиться в общеполгарском литературном языке.

И действительно, язык Г. Раковского представляет собой довольно странную смесь элементов разговорного народного языка с элементами древнеболгарского и церковнославянского, осложненную отдельными элементами русского и сербского языков и целым рядом авторских новообразований. Г. Раковский, например, широко употребляет формы старых падежей, но в их употреблении не следует тем правилам, по которым они употреблялись в древнеболгарском или церковно-

славянском; его же собственные правила употребления падежей не ясны, как будто произвольны и не поддаются "расшифровке". В языке своих произведений 50-х годов он изгоняет членные формы, в изобилии употребляет причастия и деепричастия, реже — инфинитив на *-ти*. В лексике этих произведений 50-х годов он изгоняет членные формы, в изобилии употребляет причастия и деепричастия, реже — инфинитив на *-ти*. В лексике этих произведений представлено большое число чуждых народному языку древнеболгарских слов, в меньшей мере — сербских и русских, а также значительное число слов, созданных самим Г. Раковским или калькированных им по образцу греческих. Наряду с этим язык произведений Г. Раковского содержит и много особенностей живого (народного) языка. Последних особенно много в лексике, морфологии и синтаксисе глагола и др.⁵⁰

Не следуя строго ни нормам живого, ни нормам древнеболгарского (и церковнославянского) языка, Г. Раковский создает язык, который производит впечатление бессистемного нагромождения особенностей разных языковых систем с явным предпочтением древних особенностей, дополненных лексемами авторского словотворчества. "Это, — писал М. Арнаудов, имея в виду язык поэмы "Горски пътник", — собственно не язык, который живет исторически или который добился жизни по крайней мере в сознании, а какой-то искусственно сколоченный и непоследовательно применяемый инструмент, готовый распасться в любой момент"⁵¹.

Современники не приняли языка Г. Раковского. Критике были подвергнуты не столько отдельные особенности, сколько весь его язык в целом. Замечания сводились к тому, что его язык — не болгарский, а невообразимая разноязыкая смесь, не существующая в действительности и непонятная болгарам.

Уже первые издания сочинений Г. Раковского вызвали отрицательную реакцию читателей. Н. Тыпчилештов, говоря о "Болгарской дневнице" Г. Раковского, советует (1857) язык этого издания "побольше болгаризировать", чтобы его "понимал и более простой народ"⁵². С. Филаретов "по-братски просит" (1857) Г. Раковского "не допускать в своем прекрасном сочинении (поэме "Горски пътник". — Г.В.) сербизмов и т.д., а писать чисто по-болгарски, по-котелски; тогда его произведение будет иметь еще большую цену"⁵³. Несколько позднее тот же С. Филаретов характеризовал язык газеты "Българска дневница" как "немного пестрый" и выражал уверенность, что Г. Раковский "делает это не случайно, не без важной причины, но в чем эта причина?"⁵⁴. Менее сдержанно о языке этой газеты отзывались бухарестские подписчики. "Мы хотим, — писали они издателю ее Д. Медаковичу, — видеть Вашу газету, издаваемую на более болгарском или, лучше сказать, на настоящем болгарском языке. И тогда, уверяем Вас, Вы проникнете в сердце болгар..."⁵⁵. Не одобряли читатели и язык газеты Г. Раковского "Дунавски лебед". Так, С. Филаретов в письме Г. Раковскому от 6.XI. 1860 г. писал: "Кроме Вашего языка, Ваша газета — очень хорошая и имеет большие достоинства"⁵⁶.

Суровая критика языка Г. Раковского была дана и в печати. В кратком отзыве о книге "Показалец" Г. Раковского редактор жур-

нала "Български книжици" Г. Крыстевич писал (1859), что хотя язык ее "довольно ясный и гладкий" и болгары понимают его, все же язык этот "не болгарский, т.е. такой, какой болгары употребляют в настоящее время в устной речи и письменно"⁵⁷. По мнению Г. Крыстевича, язык этот представляет собою "смесь болгарского и славянского, своего рода макаронический язык", в котором в изобилии ("до ситост") употребляются "славянские падежи" и "совершенно изгнаны" членные формы — характернейшая черта болгарского языка⁵⁸. Г. Крыстевич здесь правильно подметил и одну из причин, заставивших Г. Раковского писать на языковой "смеси", а именно, что, "исправляя" таким образом язык, Г. Раковский хотел, вероятно, "сделать его более похожим на другие славянские языки — сербский и русский"⁵⁹. Преследуя такую цель, Г. Раковский, однако, не заметил, что созданный таким образом язык — не болгарский, не сербский и не русский.⁶⁰ Г. Крыстевич, высоко оценив содержание книги "Показалец...", советовал Г. Раковскому в последующих изданиях "изменить свой язык". Г. Раковский, однако, не последовал совету редактора известного в то время журнала "Български книжици" и других современников. Вскоре он выступил с упоминавшейся выше статьей "Забележвание", в которой безуспешно пытался опровергнуть замечания Г. Крыстевича⁶¹.

Еще более резкую оценку языка Г. Раковского дал неизвестный автор заметки, подписавшийся "Тупоголовый учитель" ("Един тъпгълав даскалатня"). Назвав газету Г. Раковского "Дунавски лебед" "чудовищем", он пишет, что французский язык, на котором в этой газете также печатаются материалы, болгарам более понятен, чем "брахманский язык" Г. Раковского⁶². Тот же критик характеризует язык "Показалеца" как "брахманский", "безобразный и гнусный язык", который болгарским народом не употребляется. Как и Г. Крыстевич несколько ранее, он отмечает, что язык этого произведения не похож ни на русский, ни на сербский, ни на славянский (т.е. церковнославянский), не говоря уже о болгарском⁶³.

Г. Раковский и сам понимал, что критика его языка современниками имеет основания и в известной мере оправдана. Он неоднократно отмечает, что его язык может показаться читателям странным. Так, в письме Петковым и И. Мавриди от 16 апреля 1857 г. он указывает: "Не знаю, какое впечатление произведет на наш народ тот слог, которым я писал (газету "Българска дневница". — Г.В.)... Как первый опыт он действительно кажется немного странным, но со временем он станет яснее и изящнее ("да ся изясни и изтъщи")"⁶⁴. Эту же мысль почти дословно он повторяет и в письмах В. Манчеву⁶⁵, А. Живкову и Т. Папазоглу⁶⁶. В письме к К. Пишурке (май 1857 г.) он вновь отмечает, что "хорошо знает, что слог покажется немного странным, но со временем он станет яснее, глаже и очистится. Всякое начало на первых порах не совершенно и не достаточно"⁶⁷. В качестве известного оправдания своему языку он указывал (1859) и то, что болгарский литературный язык еще не имеет общепринятых и одобренных всеми правил, поэтому нельзя требовать, чтобы все писали одинаково. Г. Раковский намеревался подробно об основаниях своего языка говорить в "Опыте болгарского языка"⁶⁸, так и не увидевшем света при жизни автора.

Об этом же свидетельствует и более чем определенное заявление Г. Раковского в уже цитированной выше статье 1860 г., в которой он обещал "дать ответ многим, говорившим кое-что о языке, который мы употребляем, и особенно всему болгарскому народу, чтобы не думали, будто мы так, без какого бы то ни было основания и убеждения стали писать на этом языке"⁶⁹. В статье этой, однако, он излагает лишь причины, породившие "неудачи" всех болгарских ученых, писавших о болгарском языке, и соображения о том, что литературный язык должен быть един и понятен всем болгарам и отличаться от живого народного языка. Конкретных же суждений о том, почему им принимаются одни особенности древнеболгарского языка и не включаются другие, как и о том, почему не отвергаются многие характерные особенности современного народного языка, ни в этой статье, ни в других работах Г. Раковского не говорится. Г. Раковский не разъясняет, в частности, того, почему, вопреки собственному убеждению в необходимости "очищения" болгарского языка от всего иноязычного, он широко вводит в свой язык русские и сербские слова. И эта как бы хранящая им тайна оснований отбора отдельных элементов языка не могла благоприятствовать положительному отношению к его языку.

Лишь немногие современники Г. Раковского отнеслись к его языку с одобрением. Сам Г. Раковский отмечал, что сербские "славянисты его одобряют"⁷⁰. Среди немногих поддержавших его болгарских книжников был, по словам Г. Раковского, — архимандрит Партений, которому пришлось по душе то, как "очень ловко" он избежал членных форм, благодаря чему язык его стал более гладким и получил силу и благозвучие⁷¹. Одобрительно о языке Г. Раковского в его книге "Показалец..." отозвался и издатель газеты "Цариградски вестник" А. Экзарх, который призывал других книжников писать без членных форм, но согласно правилам церковного правописания, чтобы письменный язык был понятен всем болгарам⁷². Сам Г. Раковский отмечал, что язык данной книги одобряли и некоторые болгары в письмах из Москвы, Киева, Праги и Болгарии⁷³.

Г. Раковский не внял ни острой критике, ни благожелательным советам своих современников, призывавших его болгаризировать язык, сделать его доступным и понятным для широких читающих кругов соотечественников. В конце концов он уступил в одном существенном: с начала 60-х годов вновь стал употреблять членные формы. Руководствуясь ложной теорией о ближайшем родстве болгарского языка с санскритом и тем самым об исключительной древности болгарского языка, опираясь на свой собственный вкус, а не на реальное состояние и правила современного живого или древнего языка, Г. Раковский создал своего рода искусственный язык, который шел в разрез с уже установившейся среди болгарских книжников твердой ориентацией на живой, народный язык. Это обстоятельство, а также и то, что "основания" конкретных особенностей своего собственного языка Г. Раковский так и не раскрыл читателям, привели к тому, что этот видный деятель Возрождения Болгарии, несмотря на одобрительное отношение к его языку со стороны некоторых книжников, остался в вопро-

сах устройства нового литературного языка без последователей. Г. Крыстевич не ошибся, когда писал в 1859 г., что попытки Г. Раковского внедрить в качестве литературного языка болгар собственный невообразимый язык окажутся бесплодными, так как у него не будет последователей⁷⁴. У него их действительно не было, а его язык, как говорил Г. Крыстевич, остался "в стороне как уродливое исключение ("грозно изятие")"⁷⁵ болгарского языка на том пути, на котором уже твердо стоял болгарский литературный язык в середине прошлого века. Это утверждение сильно задело Г. Раковского, и в ответной статье он резко отметил, что сказанное Г. Крыстевичем действительно может произойти, если "все ученые болгары понимают в болгарском языке столько", сколько понимает в нем Г. Крыстевич⁷⁶.

Попытки Г. Раковского утвердить в Болгарии "странный", по его собственной оценке, и в своей основе сильно архаизированный тип литературного языка потерпели неудачу. Язык этого деятеля Возрождения был вместе с тем и последним практическим опытом создания болгарского литературного языка, в котором большое место отводилось не свойственным современному народному языку особенностям грамматики и лексики древнеболгарского языка.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Арnaudов М. Г. С. Раковски. Живот, дело, идеи. С., 1969. С. 273.
- ² Раковски Г. Общи въпроси за старобългарски книжевен език на основания коиш, ако ся решат, треба да ся поправи днешни книжевен български език // Дунавски лебед. Г. I, N 7, 12. X. 1860. Прибавка.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Раковски Г. Няколко речи за правописанието българского языка. — Цит. по кн.: Арnaudов М. Указ. соч. С. 263.
- ⁸ Там же. С. 264.
- ⁹ Раковски Г. Опыт българского языка. — Цит. по кн.: Арnaudов. Указ. соч. С. 307.
- ¹⁰ Раковски Г. Общи въпроси за старо-български книжевен язык.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же.
- ¹³ Раковски Г. Няколко речи за правописанието българского языка. — Цит. по кн.: Арnaudов М. Указ. соч. С. 264.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ Раковски Г. Общи въпроси за старо-български книжевен язык.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Раковски Г. Забележвание // ЦВ. Г. 10. N 472. 27. II. 1860.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же.
- ²¹ Раковски Г. Няколко речи о Асеню първому, великому царю българскому и сину му Асеню второму. У Белград, 1858. С. III.
- ²² Там же. — Во второй редакции пробного номера газеты "Дунавски лебед" (июль — август 1858 г.) Г. Раковский обещал в предполагаемом исследовании по истории болгарского народа и его письменности осветить в частности и такие вопросы: "Постепенное изменение болгарского первобытного языка по сербскому и русскому свойству" при переписке священниого писания; "изменение разговорного и письменного болгарского языка после падения Болгарии" в Валашском и Богданском княжествах "под влиянием польского, сербского и, наконец, русского языков" (см.: Архив на Г. С. Раковски. Т. I. С., 1952. С. 357—358).

- ²³ Раковски Г. Показалец или ръководство, как да ся изисквът и издирят най-стари чърти нашего битня, языка, народопоколения, старого ни правления, славного ни прошествия и проч. Одесса, 1859. С. XIX.
- ²⁴ См. его неизданный "Бележник разних Г.С. Раковского"; цит. по кн.: Арнаудов М. Указ. соч. С. 308.
- ²⁵ Раковски Г. Забележвание // ЦВ. Г. 10. N 471. 20. II. 1860.
- ²⁶ Там же.
- ²⁷ Раковски Г.С. Ключ българского языка. Одесса, 1880, с. IX.
- ²⁸ Там же; Раковски Г. Българска старина. Букурешт, 1865.
- ²⁹ Раковски Г.С. Ключ българского языка. С. VII.
- ³⁰ Раковски Г. Българска старина. С. 89.
- ³¹ Раковски Г. Забележвание // ЦВ. Г. 10, N 472. 27.II.1860.
- ³² Раковски Г. Българска старина. С. 89.
- ³³ Раковски Г. Показалец или ръководство... С. XXIII.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. XV.
- ³⁶ Раковски Г. Забележвание // ЦВ. Г. 10, N 471, 20.II.1860.
- ³⁷ Раковски Г. Ключ българского языка. С. X.
- ³⁸ См. "Бележник разних Г.С. Раковского" // Арнаудов М. Указ. соч. С. 308.
- ³⁹ Там же.
- ⁴⁰ Раковски Г. Общи въпроси за старо-български книжевен язык...
- ⁴¹ Об этом см., например: Раковски Г. Забележвание // ЦВ. Г. 10, N 473, 3.III.1860.
- ⁴² ЦВ. Г. 10, N 471, 20.II.1860.
- ⁴³ ЦВ. Г. 10, N 473, 3.III.1860.
- ⁴⁴ ЦВ. Г. 10, N 471, 20.II.1860.
- ⁴⁵ ЦВ. Г. 10, N 473, 3.III.1860.
- ⁴⁶ Архив на Г.С. Раковски. Т. I. С., 1952. С. 172—173.
- ⁴⁷ Цит. по кн.: Арнаудов М. Указ. соч. С. 307.
- ⁴⁸ Раковски Г. Забележвание // ЦВ. Г. 10, N 472, 27.II.1860. — В связи с этим о формах типа *пи, пи-цж* Г. Раковский здесь замечает, что Г. Крыстевич их "еще не знал, иначе он о них написал бы".
- ⁴⁹ Там же.
- ⁵⁰ Подробнее о языке Г. Раковского см.: Георгиев Ст. Езикът на Г.С. Раковски като обект на лингвистична наука // Български език. 1971, кн. 6. С. 515—522; Въгленов М. Език и графическа практика у Г.С. Раковски // Изследвания из историята на българския книжовен език от миналия век. С., 1979. С. 123—138; Русинов Р. История на новобългарския книжовен език. 2-ро изд. С., 1984. С. 128—130; Жерев Ст. Г.С. Раковски и българският книжовен език от средата на XIX век // Раковски Г.С. Съчинения. Т. IV. Езикознание. Етнография. Фолклор. С., 1988. С. 500—515.
- ⁵¹ Арнаудов М. Указ. соч. С. 269.
- ⁵² См. письмо Н. Тыпчилештова к Д. Медаковичу от 8.V.1857 г. в кн.: Архив на Г.С. Раковски. Т. II. С. 185.
- ⁵³ Архив на Г.С. Раковски. Т. II, с. 166. — "Писать по-котелски" значит писать так, как говорят жители городка в Балканах Котела.
- ⁵⁴ Там же. С. 252.
- ⁵⁵ Там же. С. 196.
- ⁵⁶ Там же. С. 646.
- ⁵⁷ Крыстевич Г. Книжевний дневник // Български книжици, 1859, ч. III. С. 407.
- ⁵⁸ Там же. С. 408.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Раковски Г. Забележвание // ЦВ. Г. 10. N 471. 20.II.1860; N 472. 27.II.1869; N 473. 3.III.1860.
- ⁶² См. заметку под рубрикой "Корреспонденци на България" в газ. "България", год III, N 112, 10.V.1861, с. 91.
- ⁶³ См. заметку "Забележки върху съчиненията на Г. Раковского" в газ. "България", год III, N 107, 5.IV.1861, с. 34.
- ⁶⁴ Архив на Г.С., Раковски. Т. I. С. 97.
- ⁶⁵ Там же. С. 99.

⁶⁶ Там же. С. 100, 102.

⁶⁷ Там же. С. 119.

⁶⁸ Раковски Г. Показалец или ръководство... с. 145. — Этот же "Опыт" Г. Раковский имеет в виду и во многих письмах, когда говорит, что в "одном сочинении" он доказывает правомерность своего письменного языка (Архив на Г.С. Раковски. Т. II. с. 97, 99, 115, 119 и др.). Еще ранее, составляя пробный номер газеты "Дунавски лебед" (июль — август 1858 г.), Г. Раковский указывал в качестве одной из своих задач "опыт исправления болгарского письменного и разговорного языка" (Архив на Г.С. Раковски. Т. I. С. 358).

⁶⁹ Раковски Г. Общи въпроси за старо-български книжевен язык... // Дунавски лебед. Г. I, N 5, 12.X.1860.

⁷⁰ См.: Арнаудов М. Указ. соч. С. 307.

⁷¹ См. письмо Г. Раковского А. Экзарху от 26.VIII.1859 г. (Архив на Г.С. Раковски. Т. I. С. 172).

⁷³ См. письмо Г. Раковского к А. Экзарху от 29 августа 1859 г. в кн.: Архив на Г.С. Раковски. Т. I. С. 176.

⁷³ Там же.

⁷⁴ Кръстевич Г. Книжевний дневник. С. 408.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Раковски Г. Забележвание // ЦВ. Год. I. N 473, 3.II.1860.

§ 5. ЛИТЕРАТУРНОЕ САМОНАЗВАНИЕ БОЛГАР В СВЕТЕ СПОРОВ ПО ВОПРОСАМ НОРМАЛИЗАЦИИ ЯЗЫКА

В 1858 г. в издававшемся в Константинополе журнале "Български книжици" была опубликована небольшая заметка под названием "Собственно о наименовании болгарин"¹. Автор ее не указан, но есть мнение, что она написана Иваном Богоровым² — известным деятелем национально-культурного возрождения Болгарии. То, что эта заметка может принадлежать его перу, может быть подкреплено как самим ее содержанием, о чем пойдет речь ниже, так и тем, что она вышла в свет в одном из тех выпусков журнала, которые редактировал Богоров. Заметка эта начинается словами: "Странно в самом деле, что столь многочисленный народ (имеется в виду болгарский. — Г.В.) еще не знает, как правильно писать свое имя"³. А заканчивается она так: "Нам кажется, что никто не имеет права коверкать по своей воле имя народа без общей договоренности и заставляет миллионы людей ломать свой язык по пришедшим кому-то в голову орфографическим правилам, или, наконец, потому, что так обстоит дело в их селе"⁴.

Заметка эта крайне любопытна и показательна как свидетельство высокого уровня развития национального самосознания, достигнутого болгарами к середине прошлого века, когда идея национального единства уже владела болгароязычным населением и когда образованным и патриотически настроенным представителям болгарского общества уже было не безразлично, каким должно быть общеполитическое, т.е. национальное, литературное самоназвание болгар.

Вопрос, остро поставленный в заметке, был порожден тем, что в написании этнонима "болгарин, болгары" в середине XIX в. царил сущий разнобой. В книгах, журналах, газетах того времени можно встретить написания *болгаринь, българинь, бжлгаринь, българинь,*

българинь, бльгаринь, бльгаринь, бугаринь и некоторые другие. Чаще других встречаются написания *болгаринь, българинь* и *бльгаринь*, о которых прежде всего и пойдет речь ниже. Эти различия в написании и произношении самоназвания болгар обусловлены, с одной стороны, книжной традицией церковнославянского письма, достаточно широко распространенного у болгар в XVIII — первой половине XIX вв. (*болгаринь*), а с другой — разным произношением сочетания согласного *л* и соседствующего с ним гласного, который в этом этнониме, как и в других словах, в части говоров предшествует согласному (*българин*), а в части — следует за ним (*бльгарин*); в говорах юго-западной части болгароязычной территории вместо *ъл* или *ль* произносится в этом отношении *у* (*бугарин*). Сам звук *ь* разными книжниками той поры обозначался разными буквами, что создавало картину еще большей пестроты в написании самоназвания болгар (ср.: *българинь, бжлгаринь, балгаринь, българинь, българинь, бльгаринь*; ниже эти и другие написания данного этнонима приводим без конечного *ь*).

Значительный разноречив в написании и произношении самоназвания болгар отражал общее состояние в середине XIX в. неустановленности орфографии и орфоэпии формировавшегося литературного языка, связанное с тем, что ввиду некодифицированности норм этого языка книжники того времени следовали разным принципам его нормализации и опирались при этом на разные местные говоры (диалекты), как правило, каждый на свой родной. История литературного самоназвания болгар, т.е. того названия, которое сами болгары употребляли и предлагали установить в качестве общеполгарского литературного названия своего народа, прямым образом связана с решением двух важнейших общих вопросов истории современного болгарского литературного языка: 1) об основе — чисто народной или архаизированной (церковнославянизированной) в большей или меньшей степени — и 2) о диалектной базе этого языка. С тем, как решались эти общие вопросы, было непосредственно связано и решение одного более частного, но в истории современного литературного языка (особенно в истории его орфографии и в меньшей мере орфоэпии) чрезвычайно важного и сложного вопроса, имеющего прямое отношение к установлению литературного самоназвания болгар. Мы имеем в виду вопрос о месте звука *ь* в формировавшемся литературном языке и о предлагавшемся разными книжниками его обозначении. Непосредственная связь истории литературного самоназвания болгар с названными вопросами в том, что предлагавшийся книжниками в качестве литературного один или другой вариант (фонетический) самоназвания определялся прежде всего их решением или подходом к решению именно этих вопросов. В зависимости от того, какой основе — архаизированной или чисто народной — следовали в своей литературно-языковой практике книжники, в качестве литературного самоназвания болгар ими предлагался или книжный (церковнославянский) вариант с гласным *о* — *болгарин*, отражающий произносительную и орфографическую норму церковнославянского языка, или один из вариантов этого этнонима с другим гласным — не *о*, отражающий особенности его произношения в местных говорах (*българин, бльгарин* и др.).

Рассмотрим сначала книжный вариант *болгарин*, который утверждался в качестве литературной нормы прежде всего сторонниками создания архаизированного типа литературного языка. За его признание выступали, однако, и некоторые из книжников, придерживавшихся в целом чисто народной основы литературного языка.

Вариант *болгарин* (на письме — *болгаринь*) в формировавшемся литературном языке прошлого столетия — слово, несомненно, книжного происхождения. Его источник — церковнославянский язык. Сторонники архаизаторского пути создания литературного языка избрали этот вариант этнонима не только потому, что он представлен в церковнославянском, но еще и потому, что другие его варианты, а именно те, которые содержат звук *ъ*, были для них совершенно не приемлемы в силу их отрицательного отношения к некоторым специфическим особенностям живого народного языка. Дело в том, что они полагали, что в создававшемся в XIX в. болгарском литературном языке не следует закреплять ряд характерных черт народного языка, в том числе членных форм и звука *ъ*, отсутствующих в церковнославянском языке, и что вместо них следует избрать церковнославянское написание слов (и произношение). Например, вместо *дѣбъ*, *сѣнъ*, *първо*, как произносятся эти слова в части народной речи, следует писать и произносить — в соответствии с церковнославянской нормой — *дубъ*, *сонъ*, *перво*. Ориентация на церковнославянский язык объясняется тем, в частности, что болгарские книжники первой половины XIX в. считали, будто церковнославянский — это собственно древнеболгарский язык, который должен быть использован в качестве мерила правильности при утверждении тех или иных норм нового литературного языка.

Отвергая некоторые особенности народной речи, сторонники известной архаизации литературного языка обычно расценивали их как грубые, неблагозвучные явления, которые свойственны речи только необразованных болгар. В этом отношении типично мнение одного из виднейших представителей архаизаторского направления в создании литературного языка Хр. Павловича, изложенное в предисловии ко второму изданию его "Славяноболгарской грамматики" (1845 г.). В нем сравнительно с первым изданием (1835 г.) новоболгарский в своей основе язык значительно архаизирован путем введения ряда черт церковнославянского языка и устранения некоторых характерных особенностей народной речи. Объясняя мотивы изменений в языке своей "Грамматики" и давая оценку некоторым языковым явлениям, Павлович пишет (передаем текст средствами, приближенными к современной болгарской графике, без перевода, чтобы дать представление о характере литературного языка, который отстаивал этот книжник в середине 40-х годов XIX в.): "...Издавамъ ю ("Грамматику". — Г. В.) уже второ много по совершенну от первия: защо многу недостатки въ ней дополнихъ, излишня (кои то са членове) изгнахъ, падежи умножихъ, и къ Старо-Болгарскому (Славенскому) языку ю приближихъ, щото да можешъ и ты, мила юносте, да списувашъ гладко и сладко, еще же и сось ритмы, какъ то и сроднии тебѣ Сербинъ, думамъ, и Руссь, а простый слогъ простымъ да оставяшь сось *о, ать, та та та, то то то* и

сось разны други гнусоты сиречь ж, ѝ, и други, кои то се въ тья времена, от небытия произведени, появиха, да го украшавать или, по добре, огнушавать: зашо сички тии са воистинну квась Фарисейский, кой то осквернява сичкое смѣшение, сирѣчь причинява языку безобразие, гнусота и прेमноего потемнѣние, а наипаче реченая ж и ѝ кои хъ силу и произношение само Бжлгари знаятъ, а Болгаринъ нити единъ не познава, нити нахожда нѣкое отъ нихъ въ Старо-Болгарскомъ языцѣ, или, по добре, въ сущей майцѣ, съ чиею цыцею е неговъ Ново-Болгарский отдоень. Она ги нема: и нема ги, зашо то и са непотребни, а непотребное майцѣ, непотребно быва и дщерѣ, зашо то дщера подобна е майцѣ; нити ражда жена обезяну (маймуна), или обезяна челоувѣка: понеже това е естеству противно, какъ то и сички реченнии языку Ново-Болгарскому”⁵.

В приведенной цитате, отражающей общий взгляд или подход Павловича к нормализации литературного языка, применительно к рассматриваемому здесь вопросу обращают на себя внимание два момента. Во-первых, юсы (ж, ѝ), которыми многие его современники в 40-е годы (И. Богоров, Н. Геров, Г. Бусилин, И. Стоянов и др.) исключительно или наряду с другими буквами (например, в, ъ) обозначали звук ъ, Павлович причисляет к ”гнусностям”, неизвестно откуда взявшимся и лишь уродующим язык. Среди них именно юсы вызывали у Павловича особенно отрицательную реакцию, поскольку они якобы более других особенностей обезображивают язык и лишают его необходимой ясности. Во-вторых, Павлович ясно разграничивает, с одной стороны, ”простой слог”, т.е. живой народный язык, и, с другой стороны, язык, приближенный к церковнославянскому (принимаемому им за собственно древнеболгарский), литературный, который, в противоположность ”простому слогу”, с позиций Павловича, можно было бы определить как ”высокий слог”. ”Простой слог” присущ ”простым”, т.е. не получившим образования, неграмотным болгарам, другой слог — достояние образованных, культурных болгар, а также для стихотворства.

Павлович достаточно ясно указывает на социальную принадлежность каждого из названных ”слов”, т.е. типов языка, и что каждому из них, по его мнению, должен быть присущ свой вариант наименования болгар: народному (”простому слогу”) — вариант *българин*, с гласным ъ (этот гласный Павлович, передавая написание этого звука его защитниками, обозначает буквой ж: бжлгаринъ), а литературному языку, в отличие от ”простого слога”, — вариант *болгарин*, с гласным о (в его написании — болгаринъ).

Другие приверженцы архаизированного типа литературного языка тоже отвергали звук ъ и необходимость его отображения на письме. Так, К. Фотинов считал, что этот звук, обозначаемый некоторыми из его современников буквами ж, ѝ, — не исконно болгарский, а привнесенный извне (как он полагал из татарского) звук, которого не было в языке Кирилла и Мефодия и которого нет в речи подавляющего большинства болгар. Этот гласный (”това юсово звучене”, определяемое им и как ”странно звучене”) встречается, по его мнению, ”совсем редко”: он присущ речи лишь немногих совершенно

необразованных обитателей лачуг в Старой Планине. Согласно принципу устройства литературного языка с ориентацией на безьюсовый церковнославянский язык ("церковное наречие"), Фотинов отвергает звук ъ и его различные обозначения и признает единственно правильным "гладкое и подлинное народное произношение" звуков на месте этого ъ и их обозначение с помощью букв *e, o, y*, т.е. именно так, как писались соответствующие слова в церковнославянском (например, слова *перво, создание, мужь*)⁶. В соответствии с этим и в написании самоназвания болгар Фотинов следовал церковнославянской традиции и писал его не с "чужезычным" ъ, а с *o* — *болгаринь, болгаре*.

Подобной практики придерживались и другие книжники, ориентировавшиеся при нормализации болгарского литературного языка в большей или меньшей мере на церковнославянский. Важно при этом подчеркнуть, что почти все они, подобно Павловичу, не просто выступали против закрепления звука ъ в литературном языке и того или иного его обозначения, но нередко и всячески поносили его. Поскольку вопрос этот, как видно из сказанного, имеет непосредственное отношение и к истории литературного самоназвания болгар, приведем еще два-три высказывания книжников середины XIX в. как иллюстрацию их острой, чрезвычайно отрицательной реакции на попытки их современников утвердить звук ъ и его графическую передачу в литературном языке.

О том, что выступления против звука ъ и после Павловича носили действительно очень острый характер, можно судить по небольшой заметке (без заглавия) некоего Драгойского, опубликованной в 1851 г. В ней подвергнут критике язык изданных к тому времени книг И. Богорова и прежде всего, хотя это прямо и не сказано, то, что Богоров последовательно отражает в них звук ъ, обозначая его буквой ж. Драгойский пишет, что Богоров полагает, будто только он один умеет писать по-болгарски, между тем как язык его книг в действительности "гнусный и смешной". По мнению Драгойского, "г-н Андреев (Богоров. — Г.В.) издает Грамматики, Географии, Истории и разные другие книги" на языке, на котором якобы говорят только неграмотные старухи, пастухи-валахи да цыгане-веретенщики. Далее Драгойский отмечает, что Богоров думает, будто его книги используются в школах в качестве учебных пособий, и потому он "старается и еще издавать, чтобы учились его *блжгарски-е* дети. — Хорошо! Каждому приятно такое новое предприятие. Однако *болгарски-е* дети, прежде чем взяться за чтение его книг, должны с помощью клещей вырвать свои зубы изо рта или должны родиться совсем беззубыми, чтобы могли их читать, и все, подобно г-ну Андрееву (Богорову — Г.В.), должны быть достойны осмеяния ("за смях") и гнусава как старопланинские неграмотные старухи"⁷. Драгойский советует Богорову — этому "блестящему филологу болгарскому" отказаться от писания своих книг.

Как видим, и Драгойский противопоставляет два варианта рассматриваемого здесь этнонима *блжгарин* и *болгарин*, относя первое к необразованным старухам и детям, живущим в области Старой Планины, в говорах которой широко представлен звук ъ (в обозначении Богорова — ж), а второе к образованной части болгарского на-

селения. То, что изложенное выше имеет прямое отношение к само-названию болгар, видно и из следующего. В конце заметки Драгойской указывает, что написание *Блжгаре*, посредством "таких смешных букв", неправильно и что следует писать *Болгаре*, как это делает в своей заметке и сам Драгойский (см. и производные имена в ней — *Болгарія, болгарски*). В доказательство этого он, в отличие от Павловича и Фотинова, опирающихся в этом на церковнославянский язык, исходит из этимологии данного этнонима: Драгойский считает, что наименование *болгаре* происходит от имени болгарского царя *Болга*, точнее от места их обитания на *Волге*, реке в России, а не от имени царя *Блжгъ* или реки *Бльга*.

Крайне неодобрительно к введению юса и обозначению им звука ъ отнеслись Е. Теодорович и Г. Владикин, которые считали, что болгарский литературный язык ("книжный нашъ языкъ") должен быть "нито много высоко стиль нито пакъ совѣмъ унижень и испорченъ, но колико е възможно да ся приближаваме къ славенскому". Использование юса для обозначения звука ъ, имеющего, как они писали, "настоящее цыганское произношение", Теодорович и Владикин расценивали как стремление некоторых книжников польстить чувствам необразованных людей. Иными словами, написания с юсом и произношение слов с ъ как не чисто болгарским, а якобы цыганским звуком вообще и само-названия болгар в частности, по мнению Теодоровича и Владикина, совершенно недопустимы. Сами они пишут этот этноним с *о*: *болгари*, производные *болгарски* и под. Любопытно, что введение юса для обозначения звука ъ грозило, по их мнению, непоправимыми последствиями для преодоления культурной отсталости и для совершенствования родного языка. "Того ради, — предупреждали они, — ако пишеме по мнѣнию вышереченныхъ (т.е. книжников, считающих необходимым употребление юса для обозначения звука ъ. — *Г.В.*) и употребляеме непристойны буквы, всегда ще быдеме на послѣдний степень простоты и невѣжества и никогда не ще ся сравнимъ съ други около насъ просвѣщенны народы, кои всегда обогатяватъ и украшаватъ языкъ свой. Послѣ, ако по злополучию надвие това худомнѣние тогда бы всяка Болгарска Баба могла да списува книги на велико посрамление Болгарскаго Рода"⁸.

Довольно образную картину борьбы с юсом рисует неизвестный автор небольшой заметки, подписавшийся "Гласовит". По его словам, некоторые учителя боролись с юсом столь энергично, что они готовы были даже заточить его в Крыму, где он якобы качался в колыбели и пребывал в пеленках (намек, очевидно, на то, что источником юса эти учителя считали язык крымских татар). Многими учителями, пишет далее автор заметки, юс "показался настолько гнусным, что они сражались с ним до тех пор, пока не выбились из сил"⁹.

Резкой критике подвергался не только юс, но и другие буквы (ѡ, ѡ), которыми книжники также обозначали звук ѡ. Ярким примером этого могут служить статьи И. Константинова (Джинота), посвященные буквам *ж, ѡ и ѡ* в болгарском языке. Константинов обрушивает на эти буквы целый поток более чем неодобрительных слов и выражений. Это и "каравлашские буквы", и "пугало"¹⁰, и буквы, "великое

зло творящие”, и ”пять ядовитых источников рождающие”¹¹. Он почти проклинаят их как нечистую силу, вводящую в соблазн и искушение: ”Пусть идут в тартары эти три буквы, которые бесчувственно существуют!!!”. И в другом месте: ”Хочется сказать этим трем буквам: Иди за мною сатана яко соблазнь ми еси!”. В отличие от тех книжников, кто в этих буквах видел древнюю и характерную особенность болгарского языка, Константинов считал, что именно введение этих букв лишит болгарский народ и его язык своеобразия и исторического значения. Обращаясь к ”юсопоследователям”, мнящим, что эти три буквы якобы создают славу всему болгарскому (”болгарството”) и украшают его ”большой ученностью”, он восклицал: ”Нет, нет, не в них состоит образованность (”учение”) и красота языка (”красноречие”)¹². Он считает, что эти буквы — свойство не болгарского, а ”каравлашского языка”, и книжники, ратующие за утверждение этих букв в болгарском языке, по его мнению, силой принуждают болгар быть бродягами (”чергаре”, буквально — кочевниками) и цыганами, т.е. людьми, не имеющими родины и лишенными чувства национальной гордости. В таком случае каждый ”болгарозавистник” будет иметь полное основание хулить болгар и смеяться над ними. В этой связи Константинов, имея в виду предложения о чисто народной основе литературного языка и обозначение названными буквами ”простонародного” звука ъ, подчеркивал, в частности, что эти буквы дадут повод народам утверждать, будто болгары ”заимствовали у них основу и образование болгарского языка”. Болгары, указывает Константинов, не могут продать свой приоритет за ”миску чечевицы, т.е. за ъ, ж, ѝж”¹³.

Из приведенных примеров (число их может быть легко умножено) видно, какую непримиримую позицию в отношении звука ъ и его обозначений, прежде всего посредством больших юсов, занимали те болгарские книжники, кто выступал за большую или меньшую архаизацию литературного языка и за недопущение в нем ряда характерных особенностей народной речи. Резко отрицательное отношение к звуку ъ определялось, как правило, тем, что он рассматривался ими как чуждый болгарскому языку звук, привнесенный из других языков, не пользующихся к тому же в их глазах никаким авторитетом и уважением. Естественно поэтому, что все эти книжники отвергали любое написание самоназвания болгар со звуком ъ и признавали единственно правильным его написание в церковнославянской форме с о в корне — *болгарин*.

Противоположную точку зрения в отношении звука ъ и его обозначения, а вместе с этим и написания самоназвания болгар, занимали сторонники создания литературного языка на чисто народной основе. Как и их оппоненты, уже в самом противопоставлении написаний *бжлгарин*, *българин* и под., с одной стороны, и *болгарин*, с другой, они также указывали на два принципиально разных подхода к нормализации литературного языка, с той, однако, существенной разницей, что у них явное неодобрение вызывала позиция архаизаторов языка.

Сторонники создания литературного языка на чисто народной основе исходили из того, что в нем должны быть закреплены те особенности, которые свойственны народной речи. В соответствии с этим

В. Априлов, И. Богоров, И. Стоянов, Н. Геров и другие в 40-е годы и их единомышленники позднее выступали в горячую защиту звука ъ как одного из отличительных признаков болгарского языка. Одним из веских аргументов, выдвигавшихся некоторыми из них в полемике с противниками этого звука, было глубокое убеждение в том, что этот звук сохранился неизменным в болгарском языке со времен Кирилла и Мефодия и что само наличие его в народной речи служит неоспоримым доказательством перевода славянскими первоучителями книг именно на древнеболгарский язык. Так, В. Априлов, неоднократно выступавший в 40-е годы в защиту этого тезиса, писал, что ж, произносимый как "твердое а", т.е. как ъ¹⁴, и теперь звучит так, как он звучал тысячу лет назад. В связи с этим он указывал на бесплодность усилий противников юса изгнать его из речи болгар. "Неужели вы думаете, — писал он, — что заставите народ идти по вашей воле? Ошибаетесь, любезные! Этого никогда не будет; большинство не следует за меньшинством. Мы должны следовать за народом и согласно его речи сочинять грамматики и писать друг другу; в противном случае мы поплывем против течения. Произношение, которое как чудо удержал до сих пор наш народ, — это для нас бисер бесценный, мы должны гордиться им, а не уничтожать"¹⁵.

В горячую защиту юса и обозначаемого им звука ъ выступил Т. Хрулев, который, по его словам, сам до недавнего времени был "гонителем юса". В 1850 г. в предисловии к "Букварю или начальному учению" он писал: "Нужно сказать здесь кое-что о юсе, т.е. спросить: должны ли мы его писать или нет. Вопрос: Должны ли мы писать с юсом? Ответ. Должны. — Почему? — Потому что юс — главный признак ["знакъ (нишанъ)"] нашего происхождения, который доказывает, что мы суть славенское племя, а не сербы, чехи, русские и пр. Хотя они и едиородные племена, не приличествует им присваивать древнеболгарский язык, который ближе всего болгарам, что ясно доказывается нынешним болгарским звуком (имеется в виду звук ъ. — Г.В.)"¹⁶. Указав на невозможность использования буквы ъ вместо юса (написание *ръкъ* вместо *ржкж* — неправильно: "колко е криво", а написание *рака* делает слово очень грубым и тяжелым: "дебела и тежка речъта"), Хрулев заключал: "Что бы ни говорили, юс нам очень необходим, во-первых, потому, что он показывает наше происхождение: следовательно, юс — это светило и красота болгарского языка"¹⁷.

В таком же духе характеризовались некоторыми книжниками и другие буквы (ѣ, ъ), использовавшиеся для обозначения звука ъ. Незвестный рецензент "Болгарского букваря" А. Гранитского (1849 г.), например, писал, что тот "изменил в нашем болгарском языке самые отличительные признаки" ("най-распознавателните бележки") нашей народности, а именно: вместо ѣ, ж, ъ (*вълкъ, пржтъ, прчка*) написал о, у, е (*волкъ, пруть, пречка*)¹⁸.

Иногда преследователей юса и звука ъ просто высмеивали за боязнь употребить нужное слово, содержащее этот звук. И. Богоров, например, заметил, что приверженец "гладкого правописания", т.е. безюсового, Хр. Сичан-Николов в пословице "Всяко начало нелесно" в книге "Болгарская аритметика" (Букуреш, 1845) вставил слово *нелесно* вместо

нужного *мжно* только потому, чтобы не писать это слово с *у* — *мучно*, которое неизбежно связывалось бы с глаголом *мучж* "реветь"¹⁹. Давая отпор преследователям звука *ъ* и его буквенному обозначению, защитники его, как и его гонители (см. выше), прибегали порой даже к личным грубым нападениям. Наглядным примером этого может служить резкая критика известного учителем середины XIX в. Е. Васкидовичем приведенного выше мнения К. Теодоровича и Г. Владикина. Будучи противником радикальной реформы азбуки и орфографии, Е. Васкидович подчеркивал, что *ж*, *ж*, *ь*, *ь* и другие "в болгарском языке естественные и не подлежащие изгнанию буквы". Его особенно возмутило то, что звук *ъ* признается ими не чистоболгарским по происхождению, а цыганским, и то, что отрицательное суждение о болгарской орфографии высказал и один чужестранец, каким был Владикин — русский, оставшийся в Болгарии после русско-турецкой кампании конца 20-х годов. Васкидович писал: "Достоин осмеяния тот, кто говорит, что *ж*, *ж* имеют настоящее цыганское произношение и что вместо *ж* можно кое-где употреблять *ъ*; он здесь ошибается, потому что *ъ* иногда употребляли сербы, а истинная болгарская полугласная буква — это *ж*, и не подобает ему, если он настоящий сын болгарский, говорить, что его мать — цыганка..."²⁰. И далее, имея в виду несомненно Владикина, Васкидович писал: "А одному пастуху, который прибыл аж из Саратова и уже поносит болгарское правописание, не подобает это, потому что болгарского языка он не знает, а из своей головы едва лишь сделал главу (своеобразная игра слов: русск. *голова* и болг. *глава*. — Г.В.) и уже мнит себе, что у него в голове есть немного мозга..."²¹. И затем, намекая, вероятно, на бороду Владикина как типичную, по его мнению, внешнюю черту русского, Васкидович замечал: "Эта старая буква *ж*, потому что у нее три ноги, запутывается у него в бороде, и он не может ее проглотить"²².

Выступая единым фронтом за безусловное утверждение в литературном языке звука *ъ*, его защитники, однако, сильно расходились во взглядах на то, как обозначать этот звук — одной ли буквой и какой именно или же разными буквами. Как показала история современного болгарского литературного языка, это был один из наиболее сложных вопросов, которые предстояло решить его создателям. Здесь нет возможности и необходимости сколько-нибудь подробно останавливаться на этом интересном вопросе истории болгарской графики и орфографии. Отметим только, что в принципе различие в подходе книжников прошлого века к обозначению звука *ъ* сводится к следующему: одни предлагали обозначать его какой-нибудь особой буквой (например, *а*, *а̇*, *ӓ*, *ж*, *ъ*); другие выступали за обозначение его разными буквами (*ь*, *ь*, *ж*) в соответствии с тем, что этими буквами обозначался, как они считали, данный звук в древнеболгарских рукописях (например, *сьнь*, *първо*, *мжжъ*); третьи считали целесообразным ввести для звука *ъ* буквы *о*, *е*, *у* с диакритическими знаками, чтобы не порывать радикально с церковнославянским написанием (например, *сѡнь*, *пѣрво*, *мѣжъ*).

В истории болгарской графики и орфографии не все эти способы обозначения звука *ъ* имели широкое распространение. Так, пред-

ложенный Ю.И. Венелиным принцип обозначения ѣ буквами *o*, *e*, *y* с диакритическими знаками (у Венелина — ломанная черточка: *bŭde*, *twěrdŭ*)²³ был поддержан, кажется, только М. Кифаловым — переводчиком брошюры Венелина — в целях "сохранения насколько только возможно словопроизводства и живого произношения в языке"²⁴. Но и он лишь изредка обозначает звук ѣ буквами *ā*, *ē*, *ō*, *ÿ* (*rasprāsnaľ*, *věrvŭ*, *běklica*, *vōnšino*, *bōrza*, *stŭpki*, *sŭŭŭ* и пр.), а в целом следует в этом вопросе церковнославянской практике, в том числе и в написании самоназвания болгар: *bolgare*, производное *bolgarskŭi* и др. Против такого способа обозначения звука ѣ выступил Г. Крыстевич, указавший на неосновательность такого совета Венелина²⁵.

Разное распространение имело и обозначение звука ѣ какой-либо одной буквой, хотя сам принцип такого обозначения был предложен болгарскими книжниками-возрожденцами давно и именно он в конце концов утвердился в современном болгарском языке (если не считать конечно, известного отступления — обозначение звука ѣ буквой *a* в окончании 1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. настоящего времени и краткой членной морфеме мужского рода).

Обозначение звука ѣ буквой *a* (без диакритического знака) предлагал в конце 30-х годов В. Априлов. "Я того мнения, — писал он в письме Венелину от 22 июня 1838 г., — чтобы писать *a* без всякого значка и научиться произношению"²⁶. В соответствии с этим Априлов, наверное, предлагал тогда и название болгар писат с *a* — *balgarinŭ*. Предложение Априлова, однако, не нашло поддержки, и вскоре он сам от него отказался.

Большей была традиция обозначения звука ѣ буквой *a* с диакритическими знаками — *ā*, *ā*, хотя оно и было отвергнуто автором первой болгарской грамматики Неофитом Рильским, расценившим его как "суесть трудъ", в чем, как он писал, каждый может убедиться без каких-либо доказательств²⁷. Начало такого обозначения звука ѣ восходит к Петру Берону, который в знамении "Рыбном букваре" (1824 г.) использовал, хотя и далеко непоследовательно, букву *ā* (с дужкой): *pāť*, *vāľkŭ*, *kaķāvŭ*, *gāľč* и др. Однако название болгар Берон пишет по-церковнославянски только с *o*: *bolgarinŭ*, *bolgari*, также и производные *bolgarski*, *Bolgarŭia* (см. и *bolgarskitŭ* в титульном названии его книги; ср. и рядом напечатанные на с. 24 *Bōľгаренŭ*, но *Tārново*, *Tārновчаненŭ*). В изданной годом позднее (1825) книге "Священное цветочание" Анастас Кипиловский использует знак *ā* (с черточкой): *kāŭca*, *krāpa*, *čitā*. Так обозначается ѣ в основной части книги, напечатанной церковной кириллицей. В кратком же посвящении, напечатанном гражданской кириллицей, этот звук Кипиловский передает (только в двух словах) буквой *ā*: *māzi*, *māi*. Буквой *ā* обозначали позднее звук ѣ и другие книжники — Петр Сапунов в "Новом завете" (1828 г.), Р. Попович — в книге "Христоития или благонравие" (1837 г.), П. Берон — во втором издании "Рыбного букваря" (1841 г.) и др. Однако название болгар все они писали с буквой *o* — *bolgarinŭ*. Из всех книжников, передававших звук ѣ буквой *ā*, кажется только В. Априлов писал и название болгар с этой буквой — *bāľгарinŭ*, *bāľгари*. Эту букву он достаточно последовательно использует в брошюре "Bāľгар-

ските книжици, или на кое словенское племе собственно принадлежи Кирилловская азбука?" (Одесса, 1841). Здесь же и название болгар пишется с этой буквой — *българинь*, *българе*, производные *български*, *българщина* и др.

Букву ж для обозначения звука ь первым последовательно в печатном произведении стал употреблять В. Ненович в изданных в 1825—1826 гг. книгах "Священная история церковна от ветхий и новий завет" и "Буквар за децата на славено-болгарскиет народ". Однако название болгар он писал с буквой о, как это видно и из приведенного заглавия второй его книги (ср.: *славено-болгарскиет*, а не *словено-българскиет*). Предложение Неновича обозначать звук ь с помощью юса не находило поддержки почти два десятилетия. Правда, в середине 30-х годов Неофит Рильский считал целесообразным написание некоторых слов, в частности турцизмов, с ж (*бакжрь* и др.), но в основном он полагал, что те слова, в которых в народной речи звучит ь, следует писать согласно церковнославянской орфографии³⁷. Только в самом начале 40-х годов Априлов, выступив в защиту юса как характерного признака болгарщины ("явна българщина"), прямо указал, что звук ь ("твердое а") надо обозначать юсом: "пишущим собственн по-болгарски должно писать: *българинь*, *ржка* и пр."³⁹ Правда, в вышедшей в том же году брошюре "Българските книжици" этот звук он обозначает не юсом, а буквой а, в том числе и в *българинь*. На эту непоследовательность Априлова, между прочим, тогда же обратил внимание Г. Крыстевич³⁰. Чтобы не возвращаться больше к Априлову, отметим, что в 40-е годы он стал последовательным защитником юсового обозначения звука ь. Уже в 1844 г. в несохранившемся письме (от 10 февраля) к Г. Крыстевичу он упрекает тех из болгар, кто не употребляет юса³¹. В письме к В. Ганке от 18/30 октября 1846 г. Априлов неодобрительно отзывается о тех своих соотечественниках, кто в сочинениях своих юсов не писал, хотя "с ними (т.е. с звуком ь. — Г.В.) говорили с народом"³². Отметим, наконец, что, послав в 1846 г. в "Любословие" К. Фотинова статью, вышедшую вскоре и отдельной брошюрой "Мисли за сегашното българско учение" (Одесса, 1847). Априлов настоятельно просил Фотинова набрать статью с юсами ("толко да има юсовете")³³. В этой брошюре Априлов название болгар регулярно пишет с юсом: *българинь*, *българе*, производные *български* и др. Любопытно, однако, что в названии на титульном листе напечатано *българско*, а не *българско*). Сказанное здесь показывает, что так называемую болгаризацию названия болгар, т.е. написание со знаком, передающим звук ь, следует связывать прежде всего с именем Априлова, а не, как полагают некоторые ученые, с именем И. Богорова³⁴.

И. Богоров и Н. Геров выступили за употребление юса в 1842 г., т.е. годом позднее, чем Априлов. Несомненно, живя в Одессе, где жил и Априлов, они хорошо знали то, что писал о звуке ь и юсе Априлов. Поэтому нельзя не допустить, что решение писать с юсом они приняли не без прямого влияния Априлова. В 1844 г. за употребление юса выступил и Г. Бусилин (см. изданный в Москве его "Български буквар"). Позднее этой же буквой последовательно передавали звук ь З. Княжевский, известный писатель Л. Каравелов и др. Так же обозна-

чал этот звук в своих газетах и Х. Ботев (в том числе и названии болгар. — *българинь*, *българе*).

Нужно отметить, что некоторые из зачинателей юсового обозначения звука *ъ* со временем отошли от своей прежней практики и стали обозначать его иначе. Так, Н. Геров уже в конце 40-х годов принял точку зрения И. Стоянова об устройстве правописания на этимологических началах и стал обозначать *ъ* разными буквами — *ж*, *ь* и *ь*. И. Богоров впоследствии наряду с *ж* стал писать и *ь*, а название болгар — только с буквой *ь* (*българин*). А за год до смерти (1892 г.), как указывает Б. Цонев, Богоров рекомендовал произносить название болгар "с русским произношением" корневого гласного, т.е. *болгарин*³⁶.

Обозначение звука *ъ* буквой *ь* вошло в практику на рубеже 40—50-х годов наряду с использованием и других букв, при этом название болгар обычно писалось именно с *ъ*.

Большая часть болгарских книжников начиная с середины 40-х годов приняла этимологический принцип устройства орфографии, согласно которому она должна базироваться на правописании древнеболгарских рукописей. Первые с обоснованием такого принципа в болгарской литературе выступил И. Стоянов в 1844 г. Он исходил из того, что новоболгарское произношение мало в чем изменилось сравнительно с древнеболгарским, и потому, сохранив старое ("рукописно-то") правописание, болгары "не только сохранят основу старого языка, но и дадут прежде всего повод раскрыть богатство языка"³⁸. Так, он полагает, что в словах, которые в церковнославянском пишутся с *е*, *о* и *у*, а в древнеболгарских рукописях с *ерами* и *юсами*, в современном языке представлен тот же звук, какой был в них и в древнеболгарском. В связи с этим он оставляет *ъ*, *ь* и *ж*, пишет соответствующие слова так, как они написаны в древнеболгарских рукописях: *кръвь*, *кръсть*, *ржка* и т.д. Обращение к старому правописанию, по его мнению, позволяет в частности решить, как именно нужно писать "народное имя" болгар. И. Стоянов считает, что это имя произошло не от названия реки *Волга*, а от *бългъ* — *благъ*, что значит "счастье", и, следовательно, *българь* (*болгарин*) значит "счастливый". И поскольку в древних рукописях это слово пишется *българь*, то в современном языке его следует писать *българинь*. С обоснованием такого же в принципе правописания одновременно с И. Стояновым выступил и Г. Крыстевич, посвятив ему одно из своих "Писем о некоторых трудностях болгарского правописания" (эти "Письма" были написаны в 1844 г., но увидели свет только в 1858 г.)³⁹. Правописание, предложенное ими, было поддержано многими видными деятелями культурно-национального возрождения и, можно сказать, было господствующим в болгарской печати вплоть до начала 70-х годов. С большими или меньшими упрощениями оно было принято и закреплено в грамматических трудах представителей так называемых пловдивской и тырновской нормализаторских школ (И. Груев, И. Момчилов, Г. Миркович и др.).

Опираясь на живое произношение самоназвания болгар, книжники прошлого века, однако, долго не могли прийти к согласию, какой именно вариант живого произношения надо принять в качестве общеполитического. Дело в том, что в разных говорах название болгар

произносится по-разному: *българин* или *българин* в соответствии с тем, как в том или ином говоре произносится звукосочетание сонорного *л* с *ь*. Именно различное произношение этого звукосочетания и в самоназвании болгар породило жаркие споры о том, какой из данных вариантов следует предпочесть.

Одни грамматисты считали, что гласный *ь* должен всегда следовать за *л*. Н. Геров мотивировал это тем, что в болгарском нет ничего, что бы противоречило этому правилу, которому следовали и древние болгарские писцы. Предложенное Геровым правило произношения и написания звукосочетания *ль* (*рль*) было принято и другими представителями пловдивской школы, например И. Груевым, Б. Петковым и др.⁴⁰. В соответствии с этим правилом наименование болгар должно было произноситься и писаться с *ь* после *л*: *българин*. Изложенное правило встретило возражения многих грамматистов середины XIX в., утверждавших, что произношение *нь* (и *рль*) — это узколокальная особенность, не характерная для большинства современных говоров. Оппоненты Герова, Груева и др. считали, что поскольку в большинстве говоров эти звукосочетания произносятся и как *ль* (*рль*), и как *ьл* (*ьр*), то и в литературном языке должно быть установлено правило двоякого произношения этих звукосочетаний. В соответствии с этим некоторые книжники писали сами и предлагали закрепить в литературном языке в качестве нормы двоякое написание и произношение самоназвания болгар: *българин* и *българин*. Такова была точка зрения, например, Г. Крыстевича⁴¹, А. и Д. Цанковых⁴². Другие считали, что в литературном языке должно быть принято только написание и произношение *ь* после сонорного *л*. Тому, что литературное самоназвание болгар ставилось в прямую зависимость от установления общего правила произношения и написания звукосочетаний *ь* и сонорных, есть и прямые свидетельства. Н. Геров, например, хотя и признавал правильным написание и произношение этого этнонима с *ль*, тем не менее отмечал, что для окончательного решения вопроса о том, "как лучше писать такого рода слова" (т.е. слова со звукосочетаниями *л* и *ь*), необходимо дополнительно изучить произношение таких слов в современном языке. "Это, — писал он, — послужит нам не только для того, чтобы установить правописание, общее и сообразное со свойствами нашего языка, но еще и покажет нам, как правильно произносить и писать собственное народное имя, которое теперь одни пишут и произносят *българин*, а другие — *българин*"⁴³.

Приверженцы того или иного написания и народного произношения самоназвания болгар твердо держались своей точки зрения, что нашло отражение и в целом ряде высказываний о написаниях *българин* и *българин*. Любопытно, в частности, одно замечание Т. Шишкова по поводу этих написаний. Сознательно употребив в предисловии к одной из своих книг (1860 г.) оба эти написания — *българин* и *българин*, он заметил: «Да простят меня читатели, что я вынужден так называть наших (писателей), из которых одни пишут "по български", а другие — "по български" и этим хотят создать литературную партию "за българский и българский язык"»⁴⁴. Позднее (1869 г.), указав на архаизмы и неологизмы как на два важнейших недостатка лите-

ратурного языка того времени, Т. Шишков писал: «К сожалению, этими недостатками изобилуют многие изданные и еще издаваемые "български" и "български" книги» (курсив наш. — Г.В.)⁴⁵.

Любопытен в этом же отношении упоминавшийся выше один документ. Собравшиеся 11 мая 1868 г. в Тырнове учителя и книгоиздатели (в их числе — Н. Михайловский, И. Момчилов, П. Славейков, А. Гранитский) дали критическую оценку изданных книг, особенно книг И. Груева и Хр. Данова (представителей пловдивской школы, сторонников написаний *лъ*, *рѣ*) и пришли к заключению, что надо приступить к изданию книг "българских", а не "българских"⁴⁶.

О том, что в оценке книг с одним или другим написанием звуко сочетаний сонорных *л*, *р* и гласного *ъ*, в том числе и в наименовании болгар, иногда прибегали к довольно острому выражению, свидетельствует небольшая заметка в журнале "Летоструй" (1869 г.), перепечатанная в том же году в газете "Македония". Автор этой заметки указал на три главных наречия болгарского языка, одной из отличительных черт которых является как раз произношение звуко сочетаний (в том числе и в этнониме — *българин*, *българин* и *бугарин*). Поставив вопрос о том, какое из наречий следует предпочесть, чтобы создаваемый на его основе литературный язык был общепонятным, автор заметки писал о двух из этих наречий (мизийском и фракийском), что "хотя различие между ними и ничтожно, все же найдутся такие люди, которые будут говорить о книгах, написанных на одном из них, что они представляют якобы отраву для детей другого наречия..."⁴⁷.

В истории установления варианта *българин* в качестве литературного самоназвания болгар показательно, что против него по существу не было высказано каких-либо резких возражений, если не считать необоснованных замечаний о том, что такое произношение неправильно и что оно встречается в речи редко, во всяком случае гораздо реже, чем *българин*. Так, Б. Петков, опираясь на написание согласных *л*, *р* только после "полугласных букв *ъ*, *ь*" в древних рукописях, указывал, что произношение *българин* (как и *сърдце*, в его написании — *сърдце*, *вълци*, *млъчание*) — неправильно, хотя во многих местах Болгарии и говорят так, а правильно" *българин* (так же и *сръдце*, *вълци*, *млъчание*), как это пишется, "в рукописях и как говорят во многих местах"⁴⁸. В действительности вариант *българин* встречается в значительной части болгарских говоров, а тот факт, что именно этот вариант представлен в северо-восточных говорах, с территории которого происходила большая часть книжников эпохи национально-культурного возрождения, оказался решающим в утверждении его в качестве общеполитического литературного наименования болгар. Показательно, что и уроженцы юго-западных областей болгароязычной территории того времени в своих сочинениях пишут *българин*, *българе*, а не *бугарин*, *бугари*, как произносится этот этноним в местных говорах. В этой связи отметим, что произношение *бугарин*, *бугари* расценивалось как иноязычная особенность этих говоров и в спорах о закреплении того или иного варианта народного самоназвания болгар во внимание, в сущности, и не принималось. Характерно в этом отношении мнение

Н. Герова, который в 1867 г. писал: "Есть и такие, которые говорят и *бугарин*, но если так и говорят болгары ("българе"), это не по-болгарски, и здесь нет речи о нем"⁴⁹.

Иное дело — вариант *българин*. Против такого написания и соответствующего произношения в прошлом веке было высказано немало возражений и острых замечаний. Так, некто Б. в 1873 г. писал в рецензии на "Историю болгарскую" Г. Крыстевича (1869 г.), где имя болгар пишется с *ль* — *българин*, *българе*: "Наше народное наименование "българи", как до сих пор называет себя сам народ, как оно написано в латинских и греческих древних сочинениях, г. Крыстевич пишет *българи*, производя его в одном случае от *ури* или *ари*, *вулгури*, *вулгари*, и по-нашему (как он говорит) *българи*, а в другом случае от *благъ* — *благари*, *българи*... Мы не можем понять, почему, раз это наименование по-нашему — *българи*, мы должны называться *българи*?"⁵⁰. Решительно возражал против закрепления в литературном языке написания *българин* И. Богоров, мотивируя это тем, что такое написание отражает узко локальное произношение его только в Копривштице. В связи с высказанным в ежегоднике "Летоструй" и газете "Македония" (см. выше) мнением о произношении *българин* как характерной особенности всего фракийского наречия Богоров писал, что во время своего путешествия по Болгарии произношение *българин* он слышал только в Копривштице и что в других местах повсюду говорят *българин*. "Теперь, — продолжает Богоров, — мы видим, как один самоучка копривштинец без каких-либо научных познаний и предварительных доказательств хочет навязать всему народу свое деревенское произношение". Богоров был против такого решения вопроса. "Все мы, — писал он, — из любви к жителям Копривштицы не можем ломать свой язык и следовать их деревенскому наречию". Напомнив, что, по мнению некоторых, нужно якобы писать *търновци*, Богоров замечает: «Что бы сказали "търновци" (т.е. жители Тырнова. — Г.В.), если бы кто-то заставлял их называть себя по-копривштенски - "търновци"?» В подтверждение того, что следует писать и произносить *българин*, Богоров приводил такие доводы: 1) Весь народ говорит *българин*, 2) во всех народных песнях встречается *българин*, 3) в хрисовулах стоит *Блг* с титлом, 4) легче произнести *българин*, 5) греческие историки пишут Βῦλγαρος, а не Βλῦγαρος, 6) у латинских писателей находим *Vulgarus*, а не *Blugarus* и, наконец, 7) название *българин* происходит от *бълъ горень*, что равнозначно "gentilhomme", "кавалер" или "дворянин"⁵¹. Из приведенных аргументов в пользу написания *българин* решающим для Богорова было такое именно произношение в живой речи на обширной болгароязычной территории, в том числе и в его родном карловском говоре. Он, однако, заблуждался, полагая, что произношение *българин* свойственно говору одной только Копривштицы. Что касается большей легкости произношения *българин* сравнительно с *българин*, то тут Богоров высказывал явно субъективное мнение.

Выступая против закрепления в литературном языке узколокальных диалектных особенностей вместо особенностей, присущих обширным диалектным областям, Богоров полагал, что ориентация на территориально ограниченные говоры сильно затруднит создание подлинно

общebolгарского (национального) языка, понятного для всего народа, и может привести даже к утрате болгарами своего языка, а вместе с этим — и к утрате ими своей самобытности. "Так и мы, — писал он, — с нашими распрями и особенностями речи жителей Копривштицы, погубив свой народный язык, уже перестанем быть болгарами и называться народом"⁵².

Из изложенного выше видно, что автор заметки, с которой начался этот параграф, был совершенно прав, обратив внимание на разницей в написании самоназвания болгар и подчеркнув необходимость закрепления в литературном языке одного, определенного его варианта. Он считал, что поскольку произношение гласного после *л* "встречается в одном — двух селах" и этот гласный произносится скорее как *а* — *благарин*, то такое произношение как узколокальное "можно оставить в стороне"⁵³. Будучи уверен, что "в большинстве городов и сел народ называет себя *българе*, а не *бльгаре*, и поскольку большинство голосов ("многогласето") создает закон, и легче произнести человеку *българин*, *испълневам*, чем *бльгарин*, *испълневам*, то мы удержим данное правописание, пока другие не покажут, как лучше писать имя (болгар)"⁵⁴. Он, впрочем, допускал, кажется, что могло бы быть установлено правило, согласно которому самоназвание болгар писалось бы не так, как оно произносится⁵⁵.

Приведенный материал показывает, что в середине прошлого века многие представители формировавшейся национальной болгарской интеллигенции проявили живой интерес к литературному самоназванию своего народа — интерес, который, несомненно, следует рассматривать как своеобразное преломление пробудившегося и утверждавшегося у болгар национального самосознания. Этот интерес прямо связан и с другим важным фактором формирования буржуазной нации — созданием единого общebolгарского литературного языка. В этом языке в конечном счете утвердилось написание и произношение этнонима *българин*, *българе*. Это объясняется тем, что в основу звуковой (и не только звуковой) системы современного литературного языка легли центральнoбалканские говоры восточноболгарского наречия. Утверждению данной диалектной основы современного литературного языка способствовало прежде всего то внешнее обстоятельство, что многие грамматисты и большинство авторов других книг, изданных в период формирования этого языка, были уроженцами областей распространения центральнoбалканских и некоторых других, соседних с ними, восточных говоров.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. заметку: Собственно за имя българин // Български книжици. 1858. Ч. III. N 1. С. 201—203.

² Шишманов И. Критичен преглед на въпроса за произхода на прабългарите от езиково гледище и етимологиите на името "българин" // Сборник за народни умотворения. 1900, кн. XVI—XVII. С. 698—699. Здесь же приведен и текст заметки "Собственно за имя българин".

³ Български книжици, 1858. Ч. III. N 1. С. 201.

⁴ Там же. С. 203.

⁵ Павлович Х. Грамматика славеноболгарска. Белград, 1845. С. I—II.

- ⁶ *Фотинов К.* Мъчно е да познае човек сам себе си // Любословие. 1846. Ч. 24.
⁷ ЦВ. Г. В. N 58. 27.X.1851.
- ⁸ *Теодорович К., Владикин Г.* Библическа повест Ветхаго завета за юност. Будим, 1847. С. 9—10.
- ⁹ См. заметку "Отговор на размисленията Михайловски, или контрол на българский духовен отчет" // ЦВ. Г. VII. N 337. 13.VII.1857.
- ¹⁰ *Константинов Й. Ъ, Ж, І-Ж* литеры болгарски // ЦВ. Г. В. N 82. 19.IV.1852.
- ¹¹ ЦВ. Г. В. N 83. 26.IV.1852.
- ¹² ЦВ. Г. В. N 84. 3.V.1852.
- ¹³ ЦВ. Г. В. N 82. 19.IV.1852.
- ¹⁴ *Априлов В.* Денница новоболгарского образования. Одесса, 1841. С. 58.
- ¹⁵ *Априлов В.* Мисли за сегашното балгарско учение. Одесса, 1847. С. 14—15.
- ¹⁶ *Хрулювский [Хрулев] Т.* Буквар или начальное учение. Будин, 1850. С. VII.
- ¹⁷ Там же. С. IX.
- ¹⁸ См. заметку без заглавия: ЦВ. Г. В. N 76. 3.XII.1849.
- ¹⁹ *И.А. [Богоров].* [Рец. на кн.:] Болгарска аритметика. Сочинена от Хр. К. Сичан-Николов, Букурещ, 1845 // Български народен известник. N 2. 20.IX.1846.
- ²⁰ *Васкидович Е.* Детинско прибавление или различни нравствени поучения и нравоучителни истории. Цариград, 1852. С. 9.
- ²¹ Там же. С. 9—10.
- ²² Там же. С. 10.
- ²³ *Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838. С. 50.
- ²⁴ См. примечание М. Кифалова в кн.: *Венелин Ю.* Заради возрождение новой болгарской словесности или науки. Превел... М. Кифалов. Букурещ, 1842. С. 2, сноска.
- ²⁵ *Кръстевич Г.* Писма за някои си мъчности на българското правописание. Писмо I. За азбуката // Български книжници. 1858. Ч. II. N 1. С. 338.
- ²⁶ Цит. по изд.: *Унджиева Ц.* Документи по Българското възраждане в съветските архиви // Изв. на Ин-та за литература. 1962, кн. XII. С. 145. В предложенной В. Априловым двумя годами ранее (1836 г.) гражданской азбуке из 24 букв для формировавшегося болгарского языка отдельная буква для передачи звука ь отсутствует, и В. Априлов, судя по всему, уже и тогда имел в виду обозначение его буквой *a*, о чем свидетельствует и написание *патищата* (см. "Мнение на Василия Априлова относительно просветата на народа", изданное И. Снегаровым в "Известия на Архивния институт", 1957, кн. I. С. 222).
- ²⁷ *Рилски Н.* Болгарска граматика сега перво сочинена. Крагуевац, 1835. С. 34. Ср. отрицательное мнение о таком обозначении звука ь, высказанное позднее и Г. Крыстевичем (*Кръстевич Г.* Указ. соч. С. 338).
- ²⁸ *Рилски Н.* Указ. соч. С. 33—40.
- ²⁹ *Априлов В.* Денница новоболгарского образования. С. 58.
- ³⁰ *Кръстевич Г.* Указ. соч. С. 338—339.
- ³¹ Там же. С. 339.
- ³² Цит. по изд.: *Францев В.А.* Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель. Варшава, 1905. С. 14.
- ³³ См.: *Арnaudов М.* Документи по българското възраждане // Изв. на Ин-та за българска литература. 1957. Кн. V. С. 497.
- ³⁴ См., например: *Андрейчин Л.* Из историята на нашето езиково строителство. С., 1977. С. 191.
- ³⁵ См.: Математическая география. Преведена от... И. Богоров. Одесса, 1842; *Богоев [Богоров] И.* Нещо за Няколко думи на преводат на Математическата география на г. Ивана А. Богоева, написани от Найдена Герова. Одесса, 1842; *Герова Н.* Няколко думи за преводат на Математическата география на г. Ивана А. Богоева. Одесса, 1842.
- ³⁶ *Цонев Б.* Езикови взаимности между българци и руси // Памяти проф. А.К. Медведова. Русско-болгарский сборник. С., 1922. С. 38. (ссылка по: *Шишманов И.* Указ. соч. С. 699, сноска 1).
- ³⁷ Принципы устройства такого правописания изложены И. Стояновым в его послесловии "За употребленното правописание в преводат" в кн.: Православное учение или сокращенно христианско богословие. Цариград, 1844. С. 220—229. Существует мнение, что впервые этимологическое разграничение в употреблении

Ж, ѝ и ѷ при обозначении звука ѷ было проведено Н. Геровым в переведенной им книге "Извод от физика" (1849 г.). (См.; например: *Русинов Р.* Учебник по истории на новобългарския книжовен език. София, 1980. С. 106). В действительности это было сделано впервые И. Стояновым в 1844 г., о чем пишет и Р. Русинов в другой работе (*Русинов Р.* Езикът на Иларион Стоянов (Макариополски) // *Rocznik slawistyczny*. 1980. Т. 40, cz. 1. S. 35—36.

³⁸ Православное учение... С. 223.

³⁹ *Кръстевич Г.* Указ. соч. ... С. 312—339.

⁴⁰ Подробнее см.: *Венедиктов Г.К.* Фрагмент истории болгарской орфоэпии // *Балканское языкознание*. М., 1973. С. 204—207.

⁴¹ *Кръстевич Г.* Указ. соч. С. 339, сноска 8.

⁴² *Sankof A. und D.* Grammatik der bulgarischen Sprache. Wien, 1852. S. 4.

⁴³ *Мушак [Геров] Н.* Язикословни придирки // *Македония*. N 55. 1867.

⁴⁴ *Шишков Т.* Първа храна на здравият чолешкий ум. Цариград, 1860. С. II, сноска.

⁴⁵ *Шишков Т.* Наръчен учебник за начална математика в три курса: аритметика, алгебра и геометрия за народните ни училища. Тырново, 1869. С. 7, сноска.

⁴⁶ См. протокол этого собрания в кн.: *Радиовоев М.* Биография на Иван Момчилов. С., 1912. С. 45.

⁴⁷ См. заметку "Мнение за българского правописание (заето от Летоструй)", подписанную "Един българии", в газ. "Македония", N 11, 8.II.1869. Ранее под другим заглавием эта заметка была напечатана на внутренней стороне обложки в ежегоднике "Летоструй" за 1869 г.

⁴⁸ *Петков Б.* За българският язык // *ЦВ*. Г. VII. N 344. 31.VIII.1857.

⁴⁹ *Мушак [Геров] Н.* Язикословни придирки.

⁵⁰ Турция. Г. IV. N 19. 22.VI.1873.

⁵¹ *Богоров И.* Упътване за българский язык. Виена, 1869. С. 6.

⁵² *Богоров И.* Второ упътване за българский язык. Виена, 1870. С. 15.

⁵³ *Български книжици*. Г. II. 1859. Ч. III. С. 202.

⁵⁴ Там же. С. 203.

⁵⁵ Там же. — Высказанные в этой заметке мысли относительно литературного самоназвания болгар вполне созвучны тем, которые излагал И. Богоров в конце 60-х годов. Это может служить известным основанием утверждать, что названная заметка, возможно, написана Богоровым.

НОРМАЛИЗАЦИЯ
НЕКОТОРЫХ ЯВЛЕНИЙ
ГРАММАТИКИ
БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
НА СТАДИИ ЕГО ФОРМИРОВАНИЯ

§ 1. ПРОБЛЕМА ЧЛЕННЫХ ФОРМ
В НОРМАЛИЗАЦИИ БОЛГАРСКОГО
ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА
ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Вопрос о членной форме (членной морфеме, члене) — этом, по выражению Г. Крыстевича, "величайшем камне преткновения болгарских писателей"¹ — в истории формирования норм современного болгарского литературного языка занимает особое место. Кажется, ни одно явление грамматики не вызывало у его создателей столько споров и разногласий, как членная форма. Среди грамматик, лингвистических статей, предисловий к книгам самого различного содержания, увидевших свет в 30—60-е годы, немного таких, в которых бы ей не уделялось внимания. Ряд статей был специально посвящен членной форме. Характерно, что уже в первом высказывании книжников по вопросам грамматики болгарского языка поднимался вопрос именно о ней. Речь идет о примечании к изданной К. Огняновичем книге "Житие светяго Алексия человека божия" (1833), в котором тот выступил против введения членной формы в литературный язык. Характерно также и то, что И. Богоров предисловие к своей первой (переводной) книге, изданной в 1842 г., начинает с разъяснений о членной форме: "Полагаю нужным остановиться кратко на некоторых вопросах правописания. Во-первых, о членной форме в болгарском языке, которую некоторые употребляют как *ать, та, то*; но это не может быть так"...² Не случайно многие книжники того времени подчеркивали, что одним из основных спорных вопросов, вызывавших разногласия между ними, был именно вопрос о членной форме. Так, Неофит Рильский, автор первой изданной грамматики болгарского языка, указывал, что важнейшее разногласие между болгарам касается членных форм (а также глаголов)³. Вопрос о судьбе членной формы в формировавшемся литературном языке особую остроту приобрел после того, как против них в 1838 г. выступил Ю.И. Венелин, оказавший, как известно, большое влияние на многих деятелей национально-культурного возрождения Болгарии. Примеру Ю.И. Венелина последовали некоторые болгарские грамматисты и другие деятели культуры (Хр. Павлович, К. Фотинов, М. Кифалов и др.). Однако большая часть пишущих болгар уже в ту пору занимала твердую позицию закрепления членных форм в литературном языке. Между сторонниками членных форм, в свою очередь,

велись ожесточенные споры о том, какие именно формы должны быть приняты в качестве нормы литературного языка. Здесь больше всего споров и разногласий было в отношении членной формы мужского рода единственного числа.

Причин особого внимания к членным формам со стороны возрожденческих деятелей было несколько. Главные из них состоят в том, что, во-первых, членная форма — это грамматическая особенность, присущая только болгарскому языку и отсутствующая в других славянских языках, в том числе и древнеболгарском, и, во-вторых, само разнообразие членных форм по диалектам. Споры и разногласия относительно членных форм возникли прежде всего в связи с тем на каких позициях стоял грамматист и любой другой книжник Возрождения по центральным вопросам формирования литературного языка, а именно: а) что должно быть положено в его основу — церковнославянский ("славенский") язык, который до середины XIX в. рассматривался болгарскими книжниками как собственно древнеболгарский язык, или живой, народно-разговорный ("природный") болгарский язык; б) какой диалект (диалекты) народного языка того времени следует положить в основу литературного языка в том случае, если тот должен базироваться на современном разговорном языке.

Из сказанного следует, что исследование истории членных форм в современном болгарском литературном языке представляет интерес в двух отношениях: во-первых, описание самих форм, которые принимались грамматистами и другими книжниками в качестве литературной нормы, и, во-вторых, изучение этих форм в рамках более общих проблем формирования литературного языка — его диалектной основы и отношения к церковнославянскому (и древнеболгарскому) языку.

Употребление членных форм в новоболгарской письменности имело свою традицию еще до выхода в свет первых печатных новоболгарских произведений. Достаточно указать на дамаскинскую литературу, в которой членные формы представлены довольно широко⁴. Вместе с этим в Болгарии была широко распространена и литература, в языке которой эти формы полностью отсутствовали. Это были прежде всего церковнославянские книги, изданные в России. Но и в самой Болгарии создавались произведения на церковнославянском языке, в котором членные формы, естественно, не допускались. Даже в произведениях, в которых довольно сильна струя народного болгарского языка, членные формы нередко отсутствовали. Так, в "Истории славяноболгарской" Паисия Хилендарского членная форма употреблена лишь один раз: *во манастиро* (л. 30 об.). Иначе говоря, перед первыми строителями современного болгарского литературного языка было две традиции, каждой из которых они могли следовать в зависимости от того, что, по их мнению, должно составить основу этого языка — церковнославянский (воспринимавшийся первоначально и как древнеболгарский) язык или живой новоболгарский ("природный") язык. Основная, если не единственная, причина обращения многих пишущих болгар в первые десятилетия XIX в. к своему "природному", разговорному языку лежит не в следовании новоболгарской

дамаскинской традиции, а в самих условиях национально-культурного возрождения, требовавших формирования литературного языка, понятного широким кругам населения, что достигалось здесь созданием его именно на народноразговорной основе согласно принципу "пиши как говоришь".

Один из основных вопросов, стоявших перед писателями и грамматистами в первые десятилетия формирования литературного языка, заключался, таким образом, в том, следует ли употреблять в нем членные формы или нет. По этому вопросу высказывались две бескомпромиссных точки зрения, определяющих принципиальные позиции архаизаторов и новаторов в нормализации складывавшегося современного литературного языка. Хр. Пырвев правильно указывает, что "отрицательное или положительное отношение к членным формам" было "в сущности характерной отличительной чертой между церковнославянской и новоболгарской школой"⁵.

ВЫСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ УТВЕРЖДЕНИЯ ЧЛЕННЫХ ФОРМ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Впервые вопрос о членных формах в болгарской литературе был поднят в 1833 г. К. Огняновичем, сербом по происхождению, долгое время учительствовавшим в Болгарии и издавшим в 30—50-е годы ряд книг на болгарском языке. До этого авторы и переводчики болгарских книг (П. Берон, А. Кипиловский, П. Сапунов и др.), писавшие на новоболгарском языке, употребляли членные формы, не ставя такого вопроса: нужны или не нужны они литературному языку? Наличие данных форм в языке их произведений, отражающем их родные диалекты, для них было чем-то само собой разумеющимся. В "Примечании" к книге "Житие светаго Алексия" К. Огнянович отметил, что он в своем тексте "Жития" членных форм не употребляет. Поскольку это "Примечание" как первое в литературе суждение о членных формах болгарского языка представляет особый интерес, приведем его здесь полностью. К. Огнянович писал: "Мѣстойменныя частицы *та, то, коихъ* Болгари въ единственномъ, и *те, та, въ множественномъ числѣ* послѣ именъ существительных и прилагательных произносають, каквото: *Слава, морето, мощыте, чудесата, доброто, бѣдныте* и пр. со всемъ изоставихъ. Защо ни единъ славѣнскій народъ ихъ послѣ именъ оупотреблава, сирѣчь ни Русси, ни Серби, ни Лехи, ни Чехи и пр. Защо бы ги пакъ Болгари оупотребляли, коги азыкъ не оукрашавать но паче погрозень струвать; зато азъ ги за непотребни судихъ, и всекаде писахъ; *Слава, море, чудеса, добро, бѣдны* и прочаа. Обаче това все кога добиеме Болгарска Грамматика ще да се исправи, и азыкъ оукраси. А кога ще да буде не знамъ, но време треба да покаже, има ли Болгарія достойныхъ сыновъ и родолюбцевъ"⁶.

К. Огнянович, таким образом, приводит два довода против "непотребных" членных форм: во-первых, ни один из славянских языков, кроме болгарского, таких форм не имеет и, во-вторых, эти формы не украшают язык, а делают его более некрасивым, грубым. Такие

соображения, как увидим ниже, будут приводиться позднее и другими авторами.

С точки зрения сегодняшнего дня эти доводы не выдерживают никакой критики. Тот факт, что членные формы не употребляются в русском, сербском, польском и других славянских языках, разумеется, не может быть препятствием к введению их в болгарский литературный язык как самостоятельный славянский язык, поскольку они общеупотребительны в народном языке. Представление же о них как о формах, которые не украшают языка, — свидетельство лишь чисто субъективного отношения к ним со стороны К. Огняновича. Несколькими годами позднее другие книжники будут говорить о членных формах как о наиболее характерной особенности болгарского языка, придающей ему такие важные качества, как ясность и красота.

Обращает на себя внимание тот факт, что К. Огнянович перечисляет здесь не все членные формы, а только формы женского и среднего рода единственного числа и форму множественного числа. Членную форму мужского рода он не упоминает. По-видимому этот пропуск у него случаен, хотя сам по себе и весьма любопытен, если иметь в виду, что именно из-за членной формы мужского рода возникли сильные споры среди тех, кто считал необходимым ввести членные формы в литературный язык.

Нужно отметить также, что К. Огнянович, по-видимому, все же не закрывал полностью членным формам дорогу в литературный язык. Конец приведенного его "Примечания" можно понять так, что его мнение об их "непотребности" можно будет исправить, когда будет создана грамматика болгарского языка. И действительно, уже в тексте второй его книги — в "Календар за лето 1843" (1842) и в последующих изданиях К. Огняновича членные формы употребляются, в чем сказалось, видимо, влияние "Болгарской грамматики" Неофита Рильского и других болгар, последовательно употреблявших членные формы.

Существенную роль в отрицательном отношении ряда болгарских авторов к членным формам сыграл Ю.И. Венелин. Впервые об этих формах Венелин выступил в 1838 г. в книге "О зародыше новой болгарской литературы". Любопытно, что в оставшейся в рукописи "Грамматике нынешнего болгарского наречия" (1834), он ничего о членных формах не говорит, даже не упоминает об их существовании, хотя в приведенных примерах болгарской речи отдельные существительные с такими формами встречаются⁷. Поводом же к его выступлению по этому вопросу послужило рассуждение о членных формах в "Болгарской грамматике" Неофита Рильского, о которой в целом и особенно о ее "Филологическом предведомлении" Венелин был высокого мнения⁸. "Как бы то ни было, но я совершенно одобряю мнение г.г. македонца Хрис. Павловича Дупничанина, Огняновича и Априлова об изгнании из грамматики мнимых членов *атъ, та, то* и *о* или *а*"⁹. Какие же доказательства, кроме ссылки на этих авторов, приводит Венелин?

Ю.И. Венелин отмечает, что в разных болгарских говорах упот-

реблюются разные членные формы: в одних местах говорят *человѣк*, в других — *человѣкть*. Само это различие, по его мнению, "доказывает, что и то и другое не правильно, потому что одно другим уничтожается"¹⁰. Уже здесь видно, что Венелин исходит из одной главной и ошибочной в своей основе предпосылки, а именно, что неправильным является то, что не соответствует нормам традиционного литературного языка. В действительности же формы *человѣк* и *человѣкть* столь же "правильны" в современных говорах, как и форма *человѣкъ* в церковно-славянском (или староболгарском) языке. Допустив существование "такой области, в которой не употребляют никакого мнимого члена", Венелин сделал вывод, что "самое правильное болгарское употребление будет *человѣкъ*"¹¹. Мысль Венелина о существовании болгарских говоров без членных форм не подтвердилась. В действительности, как известно, употребление членной формы есть свойство всех болгарских говоров.

В этой связи следует указать и на то, что Венелин ссылается на опыт Софрония Врачанского, который в праздничных поучениях — в знаменитом "Кириакодромионе" (1806) — не употребляет членных форм. Сравнение языка этих поучений с языком перевода евангелия, сделанного П. Сапуновым (1828), по мнению Венелина, показывает, что перевод Софрония гораздо правильнее, нежели Сапунова¹², в частности потому, что в переводе Софрония нет "уродливого *татамата*"¹³. Обращение Венелина к опыту Софрония Врачанского, конечно, не случайно. Язык его "Кириакодромиона" содержит много элементов церковнославянского языка. Своеобразное напластование этих элементов на новоболгарскую основу было, несомненно, близко представлениям самого Венелина о некоторых чертах, которым должен был, по его мнению, обладать формировавшийся болгарский литературный язык. Отсутствие же полное, как считал Венелин, членных форм в "Кириакодромионе" — единственном произведении Софрония, которое могло быть ему известно, — не могло не привлечь его внимания. Нельзя, однако, не подчеркнуть, что представление Венелина о переводе Софрония как о переводе более "правильном и гладком", свидетельствует скорее лишь о его личных вкусах, обусловленных его отношением к церковнославянскому языку и недопониманием важности такой специфической особенности в структуре современного болгарского языка, какой является членная форма. Трудно сказать, согласились бы с такой оценкой обоих переводов "все филологи славянские"¹⁴, в чем был так уверен сам Венелин, или нет, да и не в этом главное. Суть дела в том, что сам он считал членные формы неправильными, уродливыми элементами болгарского языка.

Венелин приводит и тот довод, какой несколькими годами раньше приводил К. Огнянович, а именно отсутствие членных форм в других славянских языках. Употребление слов типа *человѣкъ*, без членной формы, пишет он, "будет правильно еще и потому, что так употребляют и прочие славянские народы"¹⁵. Не состоятельна также и ссылка Венелина на частицу *ать* и под. в русских говорах, которую "русские писатели и грамматика избегали как аномалию, как неправильность"¹⁶.

Против членных форм заставило выступить Венелина также и то, что их употребление — эта, по его выражению "несчастливая привычка простого народа" — было "настоящею и единственною причиною, что язык болгар начал лишаться правильных форм своих падежей"¹⁷. Венелин, будучи сторонником закрепления падежей в грамматике болгарского литературного языка¹⁸, не мог согласиться с тем, чтобы в литературном языке были представлены и членные формы, приведенные, по его мнению, к утрате падежей в народном языке. Сосуществование падежей с членными формами Венелину казалось невозможным¹⁹, и, учитывая другие соображения, о которых здесь идет речь, он, естественно, отказался от членных форм в пользу падежей.

Что касается существа выдвинутого Венелиным положения о членных формах как о действительной и единственной причине исчезновения падежей, то оно, как известно, не получило поддержки и дальнейшего развития, хотя идея о зависимости судьбы падежей от членных форм высказывается и в наше время²⁰.

Наконец, употребление членных форм, по мнению Венелина, явится причиною того, что на болгарском языке нельзя будет сочинять стихотворных произведений. Что же выиграют защитники *ать, та, то* или *о?* — спрашивает Венелин и отвечает: "То, что болгаре не будут в состоянии писать стихов рифмами, если все существительные и во всех падежах будут иметь только три (!!!) окончания *ат, та, то!*"²¹. Такое опасение, лишённое серьезных оснований, уже через несколько лет было развеяно появившимися в печати стихотворениями Н. Герова и других первых поэтов эпохи Возрождения.

Несмотря на столь слабые аргументы Венелина против членных форм, его отрицательное отношение к ним нашло впоследствии сторонников как среди болгар, так и среди русских.

Первым после Венелина против членных форм высказался русский ученый М.А. Соловьев. В рецензии на книгу В. Априлова "Денница новоболгарского образования", опубликованной в 1842 г., он писал, что, "после того, как Венелин объявил себя против члена, приверженцы его должны доказать необходимость его существования, а пока можно еще в ней сомневаться"²². Соловьев по сути дела не приводит новых аргументов. Он советует лишь обратить внимание на мнение Венелина относительно причины утраты падежей (т.е. на роль членных форм в утрате падежей), ссылаясь на то, что и в русском простонародном языке якобы есть членные формы трех родов — *ать, та, то*, которые, однако, отсутствуют в русском литературном языке. Следует лишь указать, что Соловьев, вследствие незнания живого болгарского языка и совершенно непонятного недоверия к мнению Венелина и болгарских книжников, в том числе и к мнению упоминаемого им Неофита Рильского, высказывает откровенное сомнение в существовании членных форм в народном болгарском языке и полагает, что членные формы — это выдумка болгарских писателей, заимствованная ими из греческого языка. "Мы сомневаемся в том, — писал он, — чтобы болгарский язык имел член, и думаем, что существование его учреждено болгарскими писателями, которые старались дать своему языку форму греческого, им знакомого,

и нашедши в своем языке непонятное для них *атъ* не обвиняясь приняли его за член²³. Такое сомнение производит странное впечатление и свидетельствует о том, как наивно судили тогда о болгарском языке и как легко давали советы относительно его литературной обработки люди, не знавшие живого, народного языка болгар.

Нельзя признать заслуживающим внимания и указание Соловьева на неясность происхождения членных форм в болгарском языке. Соловьев задавал довольно риторический вопрос Априлову — "отчего болгарский язык прежде не имел члена, а теперь имеет?"²⁴, несмотря на свое сомнение вообще в их существовании в этом языке и на допущение того, что членные формы — это выдумка болгарских писателей по образцу членных форм в греческом языке. Постановка этого вопроса весьма странна, поскольку Соловьев был знаком с мнением Неофита Рильского о происхождении членных форм, изложенным им в "Болгарской грамматике" (на которую Соловьев сам неоднократно ссылается и даже считает ее "до сих пор лучшей, хотя и несовершенной"²⁵ грамматикой болгарского языка), но он ставит вопрос так, будто о происхождении членных форм ему вообще ничего не известно. Незнание причины происхождения членных форм, как и любой другой формы и под., не может, разумеется, свидетельствовать об их ненужности. С этим, по-видимому, был согласен и сам Соловьев.

В конце своих рассуждений о членных формах М. Соловьев все же счел нужным оговориться, заметив, что "может быть время и новые данные заставят нас переменить свое мнение"²⁶. Он был, по-видимому, действительно заинтересован вопросом о членных формах, о чем говорят его предложения В. Априлову заняться раскрытием "причин, по которым болгарские писатели употребляют член в различных формах"²⁷, и "тех причин, на основании которых он безусловно верит члену," так как "надобно же наконец узнать в чем состоит дело"²⁸.

Высказывания М.А. Соловьева относительно членных форм сами по себе мало интересны как повторяющие в основном идеи Венелина вызвали немедленный ответ со стороны В. Априлова, о чем см. ниже.

Под влиянием Венелина от членных форм решительно отказался Христки Павлович. Если в 1-м издании "Грамматики славяно-болгарской" (1836) Хр. Павлович в специальном разделе "Членове" приводит членные формы всех родов и чисел, а в другом месте объясняет правила написания членных форм²⁹, то во 2-м издании грамматики он характеризует эти формы как излишние для болгарского языка и их изгоняет. Основная причина такой перемены заключается в том, что Павлович во 2-м издании делает вообще решительный поворот в сторону сближения грамматики болгарского языка с грамматикой церковнославянского (староболгарского или славянского, как пишет сам Павлович). В предисловии "Прелюбезна болгарска юносте!" к новому изданию грамматики он пишет: "Издавамъ ю уже второ многу по совершенну от первыя: защо многу недостатки въ ней дополнихъ, излишня (кои то са членове) изгнахъ, падежи умножих и къ Староболгарскому (Славенскому) языку ю приближихъ"³⁰.

Хр. Павлович не приводит каких-либо новых доказательств про-

тив членных форм. И для него решающим обстоятельством теперь является то, что в "староболгарском" членных форм не было и что причины происхождения их в народном языке ему были не известны. Он прямо писал, что "простолодная разговоръ има и девета часть слова члень, кой то не знамъ отъ гдѣ е влезналъ въ ней и как е навикнать не сущу ему въ матерной, то есть въ славенскомъ языцѣ: азъ обаче го изгнахъ из настоящія Грамматіки, кою сложих, за да руководствувамъ Болгарскую юность къ благородной разговорѣ"³¹.

Второй аргумент Павловича сводится к тому, что членные формы не украшают языка, а наоборот, портят его, делают его безобразным. Он также теперь считает, что членные формы — это "не е друго, но само една гнусота, едно нищо, или по добре да речем: едно големо препятствие къ благородной разговорѣ и израженію высокихъ разумовъ"³². Он пишет, что употребление членных форм *о, а, ать, та, то, те, тѣ*, этих "гнусностей", при отсутствии падежей не создает ясности выражения и представляет собой Гордиев узел, который слушающие и говорящие не в силах развязать и понять. Он также с возмущением говорит, что членные формы, а также и "другие гнусности" — юсы не украшают язык, но "по добре, огнушат: защо сички тѣи са воистинну квасъ Фарисейский, кой то осквернява сичкое смѣшеніе, сирѣчь причинява языку безобразіе, гнусота и премногое потемненіе"³³. Возражая тем, кто, подобно Н. Рильскому, говорит, что всякое имя в сочетании с членной формой становится "определено и явно", Хр. Павлович считает, что такую определенность можно выразить и с помощью указательных местоимений (*земи това перо* вместо *земи перо то*) и советуем оставить эти "пусты членове".

Говоря о членных формах как о препятствии к "благородной речи и выражению высоких разумов", Хр. Павлович имел, несомненно, в виду и то, что членные формы якобы препятствуют созданию стихов. В предисловии он отмечает, что изгнание членных форм, введение падежей и др. позволит "прелюбезной болгарской юности" писать "гладко и сладко, еще же и сошь ритмы, какъ то и сродни тебѣ Сербинъ, думамъ, и Руссь, а простый слогу простымъ да оставяшь сошь *о, ать, та та та, то то то* и сошь разны други гнусоты"³⁴. Упоминание Павловичем серба и русского едва ли случайно. Вполне вероятно, что, говоря это, он имел в виду К. Огняновича и Ю.И. Венелина, читавших, как уже сказано выше, что членные формы не украшают, а безобразят язык и, по мнению Венелина, делают невозможным сочинение стихов. Хр. Павлович, как и его предшественники (например, Ю.И. Венелин), также указывает, что одной из причин отказа от членных форм послужило стремление устранить разногласия между писателями. Он писал, что "изгнал член", "за да освободимъ отъ кавги и несогласія нашыя списатели понеже отъ нихъ нѣкои го употребяватъ *о*, нѣкои *ать*, и пак нѣкои *те* и нѣкои *тѣ*"³⁵.

В середине 40-х годов против членных форм выступил и К. Фотинов, который первоначально, как и Хр. Павлович, в своих печатных произведениях членные формы употреблял. Их находим, например, в его книге "Общее землеописание" (1843), в первых выпусках его журнала

"Любословие" (1844—1845). Правда, уже и в этих изданиях, и особенно в "Любословии", употребление членных форм не было столь последовательно, каким оно было в произведениях других авторов. Позднее, однако, К. Фотинов отказался от членных форм и уже в последних выпусках "Любословия" в 1846 г. их не употребляет. Причина отказа от членных форм у К. Фотинова — та же, какую мы наблюдали и у его предшественников-единомышленников, а именно, отсутствие членных форм в церковнославянском языке, который Фотинов, как и другие в то время, принимали за древнеболгарский язык. Непосредственным же поводом, побудившим К. Фотинова решительно изгнать из языка членные формы, явилось случайное знакомство с грамотой молдавского князя Иоанна Антиоха Константина, данной Киприанскому монастырю в Бессарабии. Это была грамота, написанная на церковнославянском языке с украинскими особенностями, который К. Фотинов принял за болгарский язык XVII в. Так как членные формы в этой грамоте отсутствуют, то, решает К. Фотинов, их не должно быть и в современном литературном языке. К. Фотинов отмечал, что описание этой грамоты в журнале "Любословие" он делает для того, "чтобы болгарский народ видел, какую письменную форму (буквально: письменную речь. — Г.В.) имел его язык в 1699 г., употреблявшийся в таком виде и тогдашним валашско-богданским правлением до XVIII столетия (1800), и чтобы убедились те, кто защищает, предпочитает и употребляет в своих писаниях болгарские члены и частицы: *о, то, та, те, ти, ть* и пр."³⁶. На изменение отношения К. Фотинова к членным формам, по-видимому, оказало влияние и резко отрицательное мнение о них, изложенное во 2-м издании "Граматики славяноболгарской" Хр. Павловича (см. выше)³⁷.

В 40-е годы без членных форм писали и некоторые другие писатели, в частности, М. Кифалов ("Заради возрождение новой болгарской словесности или науки". Бухарест, 1842), П. Пиперов ("Приключения Телемаха сына Одисееваго". Вена, 1845), которые, однако, не высказывали о них никаких суждений, последовав просто примеру Ю.И. Венелина.

Позднее, в 50-е годы, против членных форм уже не было столь резких выступлений, хотя и в это время не все их признавали. С присутствием членных форм не могли, разумеется, примириться те немногие последователи так называемой славянской школы, которые еще и в 50-е годы выступали за староболгарскую или церковнославянскую основу болгарского литературного языка. С ними не мог смириться такой "запоздалый последователь", по выражению А. Теодорова-Балана³⁸, славянской школы, как А.К. Бежков, хорошо изложивший кредо этой школы в 1850 г.³⁹ Без членных форм писал в своих произведениях Г. Раковский, рассматривавший *ть, та, то* как "первоначальные указательные местоимения..., которые некоторыми принимаются за члены"⁴⁰. Устранение членных форм из языка Г. Раковского, в частности в его "Показалеце" (1859), нашло одобрение со стороны Александра Экзарха, редактировавшего газету "Цариградский вестник" в 50-е годы⁴¹. Позднее, однако, Раковский восстанов-

ливаает -о в своих произведениях, хотя и употребляет его непоследовательно⁴².

Однако и в 50-е годы раздавались голоса против членных форм. Так, Ст. М. Горский советовал отказаться от них, так как они якобы... "препятствовали поэзии", т.е. мешали созданию стихотворных произведений⁴³. Старый довод, обращение к которому было извинительно К. Огняновичу и Ю. Венелину в 30-е годы, когда не было поэзии на болгарском языке, на рубеже 50—60-х годов звучал уже странно. Против Горского решительно выступил Петко Славейков, сами стихи которого наглядно опровергали полную несостоятельность избитого аргумента. Славейков писал, иронизируя по поводу совета Горского: "Но после того, как мы выбросили членные формы, не возникнут ли другие препятствия и что с ними придется делать? И их придется выметать? Но в таком случае не умнее ли будет вместо того, чтобы выбрасывать членные формы и другие трудности, взять какой-либо другой язык, более легкий для поэзии, не имеющий членных форм, имеющий с десяток падежей и богатый рифмами!"⁴⁴ Отказ от членных форм — это разрушение грамматики, норм языка ради поэзии, в котором сама поэзия не нуждается. Это бесплодное усилие, которое, как пишет Славейков, "может зародиться только в мозгу таких гениальных преобразователей языка, каким является г. Горский"⁴⁵.

Последним из болгарских писателей, отказавшимся от членных форм, был, как известно В. Друмев. В 1-м издании его драмы "Нешастна фамилия" (1860) эти формы отсутствуют. Однако уже в следующем издании (1873) В. Друмев вводит их и язык его пьесы вновь обретает искусственно изъятую характерную черту болгарского языка.

Из вышензложенного можно заключить, что против введения членных форм в литературный язык выдвигались следующие основные доводы:

1) отсутствие членных форм в староболгарском (и церковнославянском) языке и в других современных славянских языках; это был решающий довод, который приводили все выступавшие против членных форм;

2) разнообразие членных форм, свидетельствующее якобы об их "неправильности", излишестве, а также неясность их возникновения;

3) членные формы — не "украшение", а "уродство" языка, "гнусность";

4) членные формы — препятствие к сочинению стихотворных произведений.

Мотивы такой аргументации понятны. Это и "внутреннее неприятие" членных форм неболгарами (К. Огнянович, Ю.И. Венелин, М.А. Соловьев), родной язык которых не знает членных форм. Не случайно, надо думать, первыми против них выступили именно те, для кого болгарский язык не был родным. С этим связано и чисто субъективное отношение к членным формам как к чему-то обезображивающему, уродующему язык, воспринятое и некоторыми болгарскими грамматистами и писателями. Это, далее, просто плохое знание живого народного болгарского языка, приведшее, в частности, к заключению о мнимой невозможности сочинения стихотворных (рифмованных) произведений. И, наконец — и в этом главное — сознательная тен-

денция к созданию литературного языка, отличающегося от языка народного. Почти все, кто выступал против членных форм (Ю.И. Венелин, Хр. Павлович, К. Фотинов, Г. Раковский), и по другим вопросам нормализации литературного языка выступали в защиту архаизированной его основы, лишенной ряда характерных явлений народного языка.

Высказывания К. Огняновича, Ю.И. Венелина, М. Соловьева, Хр. Павловича в 30—40-е годы против членных форм вызвали ответные выступления в их защиту со стороны других видных деятелей болгарского Возрождения.

ДОКАЗАТЕЛЬСТВА НЕОБХОДИМОСТИ ЧЛЕННЫХ ФОРМ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

Уже первое выступление (К. Огняновича) против членных форм вызвало энергичную защиту их со стороны Неофита Рильского. Неофит был несколько озадачен тем обстоятельством, что членная форма представлена только в народном болгарском языке и что она отсутствовала в "славенском" и отсутствует в других славянских языках. В самом начале своих рассуждений о членных формах Неофит писал: "А за членове те, що то ги нема майка та (сир. Славенск.) въ существителни те имена, а Болгарский има непременно... не знамъ що да речем!"⁴⁶ Смущало его также и то, что в разных местах членные формы произносятся по-разному. Эти обстоятельства, как мы видели, были главными аргументами против членных форм и у К. Огняновича, и у других их противников. Однако несмотря на ряд недоуменных вопросов относительно происхождения отдельных членных форм, он в конце концов приходит к выводу, что членные формы возникли на болгарской почве из "славенских" источников, и верный своей основной идее о том, что литературный язык должен создаваться на базе живого народного языка, Неофит решительно выступал за введение членных форм в литературный язык.

Неофит прежде всего подчеркивает, что членные формы — это характерная черта болгарского языка, его отличительное свойство. Он отмечает, что в отличие от языка "славенского", не имеющего членных форм, "болгарский имеет их непременно"⁴⁷. Далее, Неофит объявляет, что членные формы не только не обезображивают языка, а наоборот, они его украшают, что членные формы — это "превосходный дар", а не уродство языка. "А безъ членове те нищо не бы вредель Болгарский языкъ, кой то съ тая токмо дарба се оукрашава помного отъ други те сродни нему языцы"⁴⁸. Он подчеркивает, что наличие членных форм — не недостаток, а преимущество языка по сравнению с другими языками. "А колко бы былъ недостаточенъ и укорень, ако не бы ималь тая превосходна дарба"⁴⁹. Хотя Неофит и не говорит, в чем заключается это преимущество, но ясно, что он имеет здесь в виду: присоединение членных форм вносит значение определенности, существительное становится определенным⁵⁰. Он резко выступает против К. Огняновича (не называя его имени), который, как пишет Неофит, "искаше да му го (т.е. у болгарского языка членную форму. — Г.В.) отиме разбойнически и да го остави

като некой голь человекъ, да се стыди послѣ отъ секого⁵¹. Он считает, что так, как говорит о членных формах К. Огнянович, не может говорить "искреннее чадо болгарской матери". Мнение К. Огняновича о том, что членные формы, якобы, не украшают, а уродуют язык, Неофита нисколько не убеждает. Он пишет: "Но азъ пытамъ таковаго, да ми докаже съ пооснователни доказательства какво ли неукрашение и каква грозота производить тѣя неговы частицы въ Болгарскиятъ языкъ"⁵². Неофит обращается к языковому чутью болгар и находит, что "болгаринъ не може лесно да познае тоя недостатокъ"⁵³. Далее, имея в виду все того же К. Огняновича, Неофит пишет, что членные формы "въ негови те оуши да производатъ грозота, понеже (по правда) не е ссалъ (цыцалъ) млеко от тая майка, но отъ друга. А въ Болгарски те оуста и оуши сладко е това млеко, съ което изъ младенства са се воспитали, като майчино (споредъ обща та пословица "сладко като майчино то млеко"). И ако бы показала Болгаріа та достойны сынове, да сочинатъ грамматика на свойатъ природный языкъ, такива ли сынове требува да покаже, които не да облечатъ и оукрасятъ съ подобры одежди и оутвари майка си, но да и совлечатъ и тѣя грозны те (що ги той нарича) и да я оставатъ со всѣмъ гола; мене ми се чини, защо такъвъ достоинъ (или подобре да речемъ недостоинъ) сынъ Болгарски не ще се появи скоро. И азъ быхъ молилъ таковаго попечителя за Болгарскиятъ языкъ, да совѣтува подобре свои те соотечественницы да не бы се некой излагалъ да изостави нешто отъ тѣхныатъ языкъ, неже ли да совѣтува наши те да оставатъ това що го иматъ, защо то имъ не обѣщава да имъ даде, това що го немаъ. Въ тоя подлогъ весма прилично може да се прикачи такому Есопова та басна, въ която се представлява оная лисица, што отъ некой случай изгубила си опашка та и совѣтовала и други те лисицы да си отсечатъ опашки те, защо имъ са суетна тягота та на животатъ. Но мы искренни чада Болгарски никогда да не дерзнемъ да послушаеме тоя злый совѣтъ и да обнажимо и обезобразимо красота та на-нашія Болгарски языкъ, който се оукрашава като съ некая драгоцѣнна оутварь съ членове те и да возстанеме (каквото се пише) яко отдоенное на матеръ свою"⁵⁴.

Из приведенной длинной и эмоциональной цитаты видно, насколько чувствительным был Н. Рильский (ниже мы увидим, что не только он) к вопросу о членных формах, какое большое значение он им придавал, с одной стороны, и насколько непримирим он был к отрицательному суждению о них, исходящему не от болгарина, а от носителя другого языка (в данном случае — серба).

Неофиту было ясно, что членные формы, как неотъемлемое свойство болгарского языка, должны быть представлены в грамматике литературного языка. Приведенные отрывки из "Болгарской грамматики" Неофита ярко показывают, что уже в самом, по сути дела, начале споров о характере будущего литературного языка вопрос о членной форме занял одно из центральных мест.

Вслед за Неофитом энергично отстаивал введение членных форм в литературный язык В. Априлов. Как и Неофит, он также подчеркивал,

что членные формы — наиболее характерная черта всего болгарского языка. В. Априлову принадлежат слова, которые могут быть поставлены эпиграфом ко всему разделу о членных формах в истории современного болгарского литературного языка, а именно: "Никак нельзя отказаться от члена и мне кажется, член есть характеристическая черта болгарского языка" (разрядка наша — Г.В.)⁵⁵. Годом раньше он отмечал, что характерной чертой болгаризма современных ему славян Солуни и её окрестностей является именно употребление членных форм, которого не знает никакое другое славянское наречие⁵⁶. И именно потому, что членные формы — "характеристическая черта" болгарского языка, что "хотя и в различных формах... они в употреблении даже в самом меньшем уголке, где только живут болгаре", никто не может и, подчеркивал В. Априлов, не имеет права изгнать их из языка⁵⁷.

Естественно поэтому, В. Априлов не мог отнестись равнодушно к предложению об изъятии членных форм из болгарского литературного языка, тем более, что такое предложение исходило не от болгар, а от серба (К. Огняновича) и русского (Ю.И. Венелина). Априлов писал, что с оценкой точки зрения К. Огняновича по вопросу о членных формах, данной Неофитом, "согласны все болгаре, простой народ и писатели..."⁵⁸. Он подчеркивал при этом, что мнению К. Огняновича "как мнению серба, не принято болгарями, и после него никто не писал без членов"⁵⁹, а сам К. Огнянович впоследствии писал уже с членными формами, что с удовлетворением было отмечено В. Априловым⁶⁰. Вероятно, в силу особого уважения к Ю. Венелину, В. Априлов гораздо мягче отнесся к отрицательному мнению Ю. Венелина о членных формах. Он отметил, что с мнением Ю. Венелина нельзя согласиться, что с ним можно поспорить, ибо "его теория (о членных формах) должна быть не совсем согласна с нынешним, живым языком"⁶¹. Зато более решительно выступил В. Априлов против другого русского — М. Соловьева. Явно намекая на плохое знание М. Соловьевым (и, возможно, Ю. Венелиным) болгарского языка, В. Априлов писал, что с мнением ни одного из русских ученых относительно членных форм нельзя будет согласиться по тех пор, "пока они не потрудятся, предварительно путешествуя по Болгарии, узнать подробно все местные изменения болгарского языка, тогда только можно быть уверену в правильности их розысков и предположений"⁶². М. Соловьев, как сказано выше, полагал, что членные формы в болгарском языке выдуманы болгарскими писателями по образцу членных форм в греческом языке. Понимая всю необоснованность такого утверждения, В. Априлов встает не только на защиту членных форм, но и писателей, когда пишет, что "болгарские писатели, каковы они ни есть, умеют различать частицы от членов, знают природный свой язык, его обороты, изменения и формы"⁶³. В. Априлов советует М. Соловьеву (а заодно с ним и всем другим ученым неболгарского происхождения) хорошо изучить "Филологическое предведение" Неофита Рильского, в котором большое место уделено именно членным формам, больше общаться с болгарями, чтобы углубить познания в болгарском языке. Тогда "смело можем уверить, — пишет

В. Априлов, обращаясь к М. Соловьеву, — что вы... сами признаете неограниченно необходимость членов и делается даже защитником нынешних последователей⁶⁴.

В. Априлов, разумеется, не мог пройти мимо известного предисловия Хр. Павловича ко 2-му изданию "Славеноболгарской грамматики", в котором, как известно, Павлович резко выступил против членных форм. Априлов называет это предисловие "ареопагическим", написанным "пристрастно без всякой критики"⁶⁵, а его мнение о членных формах — "афорическим"⁶⁶, т.е. бесплодным, бесполезным. Столь отрицательное отношение Хр. Павловича к членным формам объясняется, по мнению Априлова, тем, что Павлович "насытился печатным переправленным русским языком" и стремился проповедовать этот язык, а не "оригинальный болгарский язык" (оригинальнѣтъ бѣлгарщинѣ)⁶⁷.

Априлов не только подчеркивал принадлежность членных форм всему болгарскому языку, но и пытался сформулировать их значение, чтобы показать, что членные формы нужны языку, что они не излишни. Надо, однако, отметить, что попытки Априлова сформулировать функцию членных форм выглядят довольно слабыми. Он лишь отмечает, что "с членом, как каждый знает, речь более сильная и более определенная"⁶⁸. Он указывал далее на то, что членные формы внесены болгарами в язык "для облегчения" (надо понимать: для облегчения понимания смысла)⁶⁹. Не соглашаясь с Хр. Павловичем, советовавшим вместо членных форм употреблять указательные местоимения (например, *земи това перо* вместо *земи перо то*), Априлов говорил, что люди якобы от природы стремятся говорить короче и поэтому сказать *перо то* "легче и глаже, чем сказать *това перо*"⁷⁰. Разумеется, эти определения не дают даже приблизительного представления о значении или функции членных форм и также свидетельствуют в общем о субъективном их восприятии, какое обнаруживали и противники членных форм, характеризовавшие их как уродство языка.

Важно отметить еще один момент в доказательстве В. Априлова необходимости членных форм. Противники введения их в болгарский литературный язык (К. Огнянович, Ю.И. Венелин и др.) в качестве одного из аргументов, ссылались, как мы видели, на отсутствие членных форм в церковнославянском (и древнеболгарском) и в современных славянских языках. Отметив, что членные формы, как наиболее характерная черта болгарского языка не могут быть изгнаны, Априлов в свою очередь также ссылался на те языки, в которых такие формы представлены, а именно на французский, итальянский, испанский, румынский⁷¹. Ссылка на эти языки у В. Априлова не случайна. Этим он хотел показать, что в перечисленных современных языках членные формы употребляются, хотя и в "общей их матери" — латинском языке — они отсутствуют. Это обстоятельство следует учитывать и при решении их судьбы в болгарском языке. Касаясь же вопроса М. Соловьева о том, почему болгарский язык ранее членных форм не имел, а теперь имеет⁷², В. Априлов заметил, что он охотно затратил бы труд на его решение, если бы другие объяснили, почему

членных форм не было в латинском языке и почему они употребляются в его "отраслях" (например, в итальянском и румынском)⁷⁵.

Признавая членную форму характерной особенностью болгарского языка, Априлов подчеркивал, что любые усилия отучить детей от ее употребления окажутся безрезультатными, так как в семье, всюду вне школы дети все равно будут ее употреблять, как употребляют ее, очевидно, и сами учителя. "Напрасным будет любой труд, — писал он, — заставить весь народ говорить согласно их учению, потому что народ уже имеет свой язык (с членными формами. — Г.В.)"⁷⁴. Он считал, что Хр. Павлович, М. Кифалов, К. Фотинов и др., изгнав эти формы из языка, совершили ошибку, и выражал надежду, что они ее осознают и смогут сделать многое для просвещения болгар⁷⁵.

В рассматриваемом здесь плане большой интерес представляют "Письма о некоторых трудностях болгарского правописания" Г. Крыстевича, второе из которых было целиком посвящено вопросу о членной форме. Это письмо, как и остальные три, посвященные другим вопросам нормализации литературного языка, было написано в 1844 г.⁷⁶, когда вопрос о том, быть или не быть членным формам в литературном языке, стоял еще очень остро. Напечатано оно было, однако, лишь в 1858 г. Судьба этих форм к тому времени, благодаря горячим выступлениям в их защиту и языковой практике в сочинениях В. Априлова, И. Богорова, Н. Герова, П. Славейкова и многих других деятелей складывавшейся национальной культуры, была уже в сущности решена. В конце 50-х годов и позднее уже мало кто сомневался в их необходимости. Но не решенным и спорным еще оставался вопрос о том, какие именно членные формы должны быть закреплены в литературном языке. Вот почему публикация указанного письма Г. Крыстевича не потеряла своей актуальности в это время. Здесь же важно рассмотреть аргументы, которые он приводил в защиту данных форм в середине 40-х годов, когда ясности в их судьбе еще не было.

В письме Г. Крыстевич прямо не полемизирует с К. Огняновичем, Ю.И. Венелиным и другими, выступавшими против членных форм, отмечая лишь, что таких, кто их не принимает, "очень мало"⁷⁷. Свое отрицательное отношение к ним открыто он высказал позднее, в 1859 г. в заметке о языке "Показалеца" Г. Раковского, представляющем, по мнению Г. Крыстевича, "смесь болгарского и славенского, своего рода макаронический язык"⁷⁸. Такой характер языка этого произведения обусловлен обильным употреблением "славенских" падежей и "особенно совершенным отвержением членов *ть, та, то*"⁷⁹. Г. Крыстевич с иронией отмечает, что подражателей такому языку Раковского будет столько, сколько их было у его немногочисленных предшественников, например, у серба К. Огняновича и др., и добавляет, что "их язык останется в стороне как уродливое исключение из общего болгарского обыкновения"⁸⁰.

Однако и в "Письме" о членной форме чувствуется полемика Г. Крыстевича с К. Огняновичем и Ю.И. Венелиным (хотя они там и не упоминаются) и прежде всего по вопросу о том, нужна ли эта форма болгарскому языку или нет, не является ли она излишней. Г. Крысте-

вич доказывает, что членная форма — это не ненужное излишество, а преимущество языка. Он начинает с того, что дает определение ее грамматического значения: членная форма — это “та частица слова, которая будучи поставлена перед или после каких-либо имен, показывает, что эти имена мы должны воспринимать в определенном смысле” („въ единь опредѣлень разумъ”) ⁸¹. Эту “определенность смысла” Г. Крыстевич разъясняет следующим образом: членные формы (как и местоимения) отвечают на вопрос: кто?, следовательно, они показывают “лицо или личность (особж-тж), о которой говорилось, например: *конь-ть, бѣла-та овца*, т.е. тот конь, та белая овца, которые упоминались ранее в речи в которые, следовательно, известны читателю или слушателю, так что без других разговоров или объяснения они, а не другие приходят немедленно в голову, и так смысл их сразу же определяется” ⁸². Как видим, данное Г. Крыстевичем определение грамматического значения членной форме и его истолкование довольно точно и весьма близко к определениям, предлагаемым современными авторами. Г. Крыстевич излагает и интересные соображения о том, в каких случаях и почему членные формы присоединяются, а в каких нет, отмечая, в частности, “злоупотребительное” присоединение их к именам собственным типа *Дунавъ-ть, България-та, Камчия-та* ⁸³.

Дав ответ на вопрос “что такое членная форма?”, Г. Крыстевич переходит к основному вопросу: нужны ли членные формы болгарскому литературному языку или нет? На этот вопрос он отвечает положительно, считая, что членные формы необходимы для выражения “определенности смысла”. Он, правда, отмечает, что такая определенность может быть выражена и с помощью местоимений, прилагательных и других средств, но полагает, что членные формы — “лучший способ такого определения” ⁸⁴. Подтверждение этому он находит в том, что наиболее богатые и обработанные языки в Европе — греческий, немецкий, английский, французский, итальянский, испанский — имеют членные формы и носители этих языков гордятся ими, ибо “с помощью членной формы короче и легче определяется смысл общих имен” ⁸⁵. Отсутствие их в церковнославянском (и древнеболгарском) языке, на что ссылались противники закрепления членных форм в современном болгарском литературном языке, церковнославянскому наносит „вред... не очень большой для него”, поскольку, как думал Крыстевич, во-первых, “определению разума” в немалой степени служили в этом языке, как и в латинском, падежи и, во-вторых, нарицательные имена в нем якобы редко встречаются без прилагательных или причастий, полные формы которых соответствуют членным формам в других языках ⁸⁶.

Г. Крыстевич, как Н. Рильский и В. Априлов до него, также подчеркивает, что членные формы — это “самая большая и наиболее отличительная черта новоболгарского языка” ⁸⁷ и потому они непременно должны быть в литературном языке. Однако в аргументации этого положения Г. Крыстевич, в отличие от своих предшественников, не ограничивается только констатацией данной специфической особенности родного языка. Вместо довольно эмоциональных, но в сущности мало показательных высказываний Н. Рильского и В. Априлова о

пользе и красоте членных форм, Г. Крыстевич, как мы видели, прежде всего характеризует грамматическое значение членной формы и указывает, что значение определенности лучше всего может быть выражено именно с помощью данной формы.

Таким образом, сторонники закрепления членных форм в формировавшемся литературном языке исходили в целом из того, что данные формы — важнейшая особенность живого болгарского языка и что они суть средство выражения значения определенности, представляющее преимущество этого языка в сравнении с другими славянскими языками, а не его излишество или уродство.

В результате споров вокруг членной формы, разгоревшихся уже в 30—40-е годы, восторжествовала точка зрения тех, кто отстаивал и доказывал необходимость утверждения этой формы как обязательного элемента грамматической структуры литературного языка. Победа данной точки зрения стоит в прямой зависимости с тем, что в ходе дискуссии по вопросу об основе литературного языка — традиционной, книжной (церковнославянской, древнеболгарской) или живой, народноразговорной — утвердилось мнение о формировании этого языка на основе современной для той поры народноразговорной речи со всеми характерными для нее новоболгарскими особенностями.

СПОРЫ О НОРМАЛИЗАЦИИ ОТДЕЛЬНЫХ ЧЛЕННЫХ ФОРМ

Если к 60-м годам XIX в. споры о том, нужны ли членные формы складывавшемуся литературному языку или нет, в целом уже затихли⁸⁸, то разногласия по вопросу о самом составе членных форм еще оставались. Больше всего спорили о членной форме ед. числа мужского рода. Не вызывали разногласий лишь членные формы ед. и мн. чисел среднего рода — *то* и *та*, которые ни у кого не вызывали возражений. Нужно подчеркнуть, что характер разногласий и споров по отдельным членным формам был различный. Если в отношении членной формы женского рода ед. числа и членной формы мн. числа спор в основном шел в плане орфографии, то в отношении членной формы ед. числа мужского рода основной спор развернулся в плане морфологии. Это обстоятельство объясняется тем, что именно членная форма ед. числа мужского рода в народных говорах представлена большим разнообразием вариантов, почти каждый из которых имел своих приверженцев среди первых грамматистов, писателей и других деятелей Возрождения.

Некоторое представление о том, какие членные формы предлагалось закрепить в литературном языке, дает таблица (см. табл. 1), отражающая мнение лишь отдельных грамматистов, изложенное в их грамматиках или статьях. Членные формы ед. и мн. чисел среднего рода на таблице не указаны, поскольку кроме ед. *то* и мн. *та* другие формы никем не предлагались.

В действительности же картина была гораздо более пестрой и сложной, потому что в изданных книгах, газетах и журналах членные формы представлены и в иных комбинациях, не отраженных на таблице. Отсутствие единого мнения в отношении членных форм как

Таблица 1

	Единственное число		Множественное число	
	м.р.	ж.р.	м.р.	ж.р.
Неофит Рильский (1835)	о а агъ	га		ге
Хр. Павлович (1836)	о а	га		ге
И. Богоров (1844—1848)	гъ	га гж		гѣ
Г. Крыстевич (1844—1858)	гъ	га гж	ги гы	гы
Т. Шишков (1859—1860) Вас. Берон (1859)	гъ	га	гѣ	
Й. Груев (1858)	гъ	га гж	гѣ	
И. Момчилов (1868)	гъ	га	гѣ	

нормы литературного языка неоднократно отмечалось и подчеркивалось многими образованными болгарами, обсуждавшими проблемы литературного языка на протяжении нескольких десятилетий, особенно в 50—60-е годы. Характерно, например, мнение И. Богорова, изложенное им в 1848 г.: "Самым главным для правописания нашего языка являются членные формы, которые столь разнообразны, что человек может сказать, что каждый из имеющихся теперь у нас писателей пишет свою членную форму"⁸⁹. Изучение членных форм, употребленных во всех изданиях на протяжении 20—60-х годов, должно составить интересный раздел истории становления литературной нормы на практике. Здесь же будут рассмотрены лишь взгляды отдельных грамматистов и других лиц по вопросу о членной форме.

Впервые вопрос о выборе членных форм в качестве нормы литературного языка был поставлен Неофитом Рильским в уже упоминавшейся его грамматике болгарского языка. Предшественников Неофита этот вопрос, видимо, особенно не занимал: они употребляли ту членную форму, какая была присуща их родным говорам, не задумываясь над тем, что таким образом, они вносят разноречие в употребление членных форм в литературном языке. Однако в условиях, когда единых, сложившихся норм литературного языка еще не было, когда не было еще создано общепринятой грамматики этого языка, иначе и не могло быть. Как тонкий и внимательный языковед Неофит, создавая первую грамматику болгарского языка, не мог, разумеется, пройти мимо этого вопроса. Он понимал, что в употреблении член-

ной формы, как и в употреблении других грамматических форм, должно быть достигнуто единство. Он хорошо знал, что в болгарском языке — его диалектах — представлено большое разнообразие членных форм. Он писал, что членные формы "в болгарском языке в каждом месте различно и несогласно произносятся"⁹⁰ и что эти различия касаются прежде всего членной формы мужского рода ед. числа. Неофит указывает следующие ее 8 разновидности: 1) *о* — *человѣко, столо;* 2) *отъ* — *человѣкотъ, столотъ;* 3) *а* — *человѣка, стола;* 4) *атъ* — *человѣкатъ, столатъ,* 5) *е* — *крае, коне, царе;* 6) *еть* — *крайетъ, деньетъ, царьетъ;* 7) *А* — *конѧ, крайѧ;* 8) *Ать* — *конатъ, крайатъ.* По мнению Неофита, любая из этих членных форм могла бы быть принята в литературном языке: "кой ли бо бы се проче определѣли отъ вышеупомянуты те членове за правилень, той е добръ и приятень"⁹¹. Сам же он вопрос о выборе членной формы для литературного языка решает следующим образом.

Прежде всего он указывает, что членную форму, хотя она "слышится в произношении как *А*" (т.е. как *'а* в современном обозначении), писать не нужно, потому что она "есть не что иное как первый член *а*"⁹². Неофит это доказывает тем, что для слов *рай,* *край* и под., оканчивающихся на *й*, *А* будет излишним, так как это *А* состоит из *i* и *а*, а произношение *А*, т.е. *ia*, будет и в том случае, если к этим же словам присоединить членную форму *а*: *райа,* *крайа,* *мойа,* *твойа*, но также и... *свѣтыа* вместо ожидаемого *свѣтйа*⁹³. В отношении слов, оканчивающихся на *й*, эта аргументация вполне достаточна. Неофит, однако, оставляет здесь вне поля зрения формы типа *конѧ*, которые наряду с *раѧ* и под. он приводит несколькими строками выше для иллюстрации членной формы *А*, т.е. формы, основа которых оканчивается не на *й*, а на другой мягкий согласный. Пропуск форм типа *конѧ* здесь не случаен, так как Неофит, хотя и считал возможным в таких формах тоже писать *а*, предпочел для них все же *А*⁹⁴. В данном же случае ему важно было показать тождество членных форм, обозначаемых буквами *а* и *А*.

Далее, Неофит указывает, что различием между *о* и *отъ*, *а* и *атъ* можно пренебречь, поскольку оно заключается лишь в том, что в *атъ* и *отъ* добавлено *т*⁹⁵. Такого же мнения, надо полагать, был Неофит и относительно *А* и *Ать*, *е* и *еть*, хотя о них он в таком плане и не говорит. Отбросив членную форму *А* и признав элемент *т* в *отъ* и *атъ* (а также и *еть*, *Ать*?) несущественным для различения этих членных форм от соответствующих форм без *т*, Неофит приходит к заключению, что "в болгарском языке представлены главным образом ("господственно") три различных члена: *о*, *а*, *е*, а в плохом употреблении ("злоупотребительно") — восемь"⁹⁶. Неофит отвергает членную форму *еть* на том основании, что она "является местной только, а не общей", поскольку Василий Ненович, употребивший ее в "Священна История церковна от ветхийет и новьет завет" (1825), использует чаще *атъ* и лишь "там, где его принудила необходимость, или в соответствии с местным обыкновением он употребил и *еть*"⁹⁷. Членную форму *е* Неофит отклоняет без каких-либо разъяснений, возможно, полагая, что и она является местной, а не общей.

В результате у него остаются только две различные членные формы *о* и *а*. Из них *о* более употребительна, чем ее "вариант" *с т* — *оть*. Наоборот, *а* употребляется реже, чем *ать*. Учитывая большую употребительность *о* и *ать*, Неофит и решает, что в литературном языке обе эти формы *о* и *ать* и могут быть оставлены как правильные до известного времени ("до послѣ"), так как обе они равно употребительны⁹⁸. В другом месте Неофит пишет о трех "равно употребительных членных формах", к которым кроме *о* и *ать*, он причисляет также и *а*⁹⁹.

В своей грамматике Неофит и предлагает закрепить в литературном языке эти три членных формы: *о*, *ать* и *а*¹⁰⁰. В распределении их функций он исходит из отсутствия падежных окончаний в болгарском языке, полагая, что употребление разных членных форм может быть использовано для разграничения падежей: "И понеже благовременно ни се представлявать три членове различни въ мужескіят родъ въ единственно то число, а и три те равно оупотрѣбительни въ Болгаріа та, мене ми се чини да е добро да се расположатъ тіа три те членове, като що са равно оупотребителни въ три различни падежи, и да се оупотребляватъ въ пишемеятъ языкъ, кои то безъ всякого сомнѣнія ще ни служатъ за поголемо изясненіе въ разумать, и защо да се невосползуваме отъ нихъ"¹⁰¹. Неофит следующим образом распределяет функции между членными формами. Для им. падежа он употребляет *о* как "най приискренъ и правилень"¹⁰², произошедший от им. падежа местоимения *онъ* или от членной формы *о* в греческом языке¹⁰³, например: *человѣко, деньо, царо*¹⁰⁴. Для косвенных падежей Неофит использует *а* и *ать*, произошедшие, по его мнению, от окончания род. падежа "славенских" падежей, причем *а* — для род. и *ать* — для дат. и вин. падежей¹⁰⁵, например: *стража* и *стражать*. При этом членную форму *а* Неофит предлагает употреблять только для одушевленных существительных¹⁰⁶. Такова совершенно искусственная, не находящая никакой аналогии в живых говорах, система членных форм (как и система падежей) и их распределения, предложенная Неофитом. Нужно подчеркнуть, что Неофит сам хорошо понимал это, не настаивал на таких именно членных формах и считал, что они могут быть отвергнуты. Неофит писал, что он изложил свое "мнение только, а не непреложное определение (потому что другой может рассуждать об этих вещах лучше и может изложить лучшее мнение), а когда и другие изложат свои мнения и другое мнение покажется лучшим и более основательным, то и я готов склонить голову свою пред правдой (но не пред сомнением) и последовать лучшему и более правильному мнению"¹⁰⁷.

Кроме разграничения падежей, введением разных членных форм Неофит преследовал и другую, весьма важную в то время цель, а именно — примирить приверженцев разных форм. Использование разных членных форм для различения падежных функций, думал Неофит, "всякому будет угодно, потому что этим не уничтожаются местные члены"¹⁰⁸. Понятное стремление Неофита устранить разногласия между болгарскими писателями по этому вопросу нашло, как видим, выражение в предложении искусственно созданной им системы из трех членных форм.

Итак, основным критерием в определении "правильности" членной формы, т.е. пригодности ее для закрепления в литературном языке, является для Неофита степень употребительности, распространенности членной формы. Неофит отклоняет формы малоупотребительные, т.е. территориально менее распространенные. Нужно отметить, что Неофит в общем верно определяет, что наиболее употребительными являются членные формы *о* и *ать* (или *ьть* под ударением). Такой подход к выбору членных форм в качестве нормы литературного языка свидетельствует о его понимании того, каким путем может быть установлено единство норм литературного языка. Однако совершенная искусственность и громоздкость предложенной им системы едва ли могла с самого начала рассчитывать на успех. В полном объеме предложение Неофита не было поддержано никем из болгарских писателей и грамматистов. Один лишь Хр. Сичан-Николов в конце 50-х годов решил последовать его примеру и ввел три членных формы — *а*, *ать* и *о*, не приведя в доказательство целесообразности употребления всех их каких-либо аргументов¹⁰⁹, что вызвало справедливые замечания его рецензентов, в частности Т. Стоянова-Бурмова и Г. Крыстевича¹¹⁰. Однако изложенная Н. Рильским идея о возможности и целесообразности разграничения именительного и косвенных падежей посредством разных членных форм была подхвачена многими и нашла в конечном итоге отражение в современном литературном языке. Правда, разные писатели и грамматисты предлагали для этой цели разные членные формы.

Надо, однако, отметить, что сама идея о разграничении падежей с помощью разных членных форм, видимо, не принадлежала Неофиту. Во всяком случае, еще до выхода из печати грамматики Неофита Хр. Павлович в своей "Арифметике" (1833 г.) употреблял *о* для им. п. и *а* для косвенных падежей. Эти же членные формы и с таким же распределением функций Хр. Павлович ввел и в вышедшем через год после грамматики Неофита первом издании "Граматики славено-болгарской"¹¹¹.

Хр. Павлович, правда, в отличие от Неофита, свое мнение ничем не аргументирует. Почему он предложил членную форму *о* — это понятно. Такая форма употребляется в его родном говоре (Дупница) и в Свиштове, где он работал. Трудно сказать, почему для косвенных падежей он предложил членную форму *а*.

Большое внимание уделял вопросу о членной форме мужского рода И. Богоров. Впервые этого вопроса он коснулся уже в первой своей (переводной) книге "Математическая география" (1842), в предисловии к которой пытается доказать неправомочность употребления членной формы *ат* и необходимость введения в литературный язык *ьть* (в его написании *ж-ть*). Правда, Богоров здесь приводит слабый аргумент против *ать*. Он думал, что с введением данной формы для слов мужского рода, для слов женского и среднего родов следовало бы ввести соответственно *ата* и *ото*, и в таком случае получилось бы *человѣкъать*, *женаата*, *дървоото*¹¹². На слабость этого аргумента ввиду отсутствия зависимости между *ать* и *ата*, *ото* обратил внимание сразу же Н. Геров, отметивший, что введение членной

формы муж. рода *атъ* не влечет за собой введения членных форм жен. рода *ата* и ср. рода *ото*, поскольку наряду с предложенной Богоровым членной формой *ж-тъ* выступают не *жта* и *жто*, а *та* и *то*¹¹³.

Большого внимания заслуживает мнение Богорова о членной форме *ж-тъ* (т.е. *ѣт*). В предисловии к "Математической географии" Богоров в качестве членной формы рассматривает только *тъ*, квалифицируя гласный *ж* (т.е. *ѣ*) перед *тъ* или как "вставной", появившийся для "облегчения произношения", или как гласный основы, появившийся на месте конечных *ѣ*, *ь* при присоединении членных форм. По мнению Богорова, перед *тъ* должно писаться именно *ж* по следующей причине. Поскольку "вставными", по его мнению, являются всегда "полугласные" *а* и *ж* (*ѣ*) и поскольку нигде не говорят *добаръ* или *доборъ*, а только *добжръ* (т.е. *добѣръ*), то и в членных формах должно писаться *ж* (*ѣ*), а не *а* или *о*, т.е. *человѣкъжтъ* и под., в которых *ѣ* "как непотребное" отбрасывается и остается *человѣкъжтъ*¹¹⁴. С генетической точки зрения такое объяснение появления [*ѣ*] перед *тъ*, как известно, не верно. Не соответствует действительности также и утверждение Богорова о том, что в болгарском языке никогда не произносится *добар*. На это тогда же обратил внимание Н. Геров¹¹⁵. И. Богоров и сам понимал, что его доводы в пользу *жтъ* (*ѣт*) мало убедительны: "... и я видел, что эти доказательства не достаточны, чтобы убедить читателей в том, что членная форма имен мужского рода должна писаться именно *тъ*, а для того, чтобы легче произносилось окончание слова, принимается вставная буква *ж*"¹¹⁶. Богоров обещал тогда дать более убедительные доказательства своего мнения в подготовленном к печати "рассуждении" о членных формах. В вышедшем несколькими годами позже втором издании грамматики этому вопросу Богоров уделяет значительное внимание. Нужно отметить, что уже и в первом издании (1844) Богоров впервые (правда, без каких-либо доказательств) вводит членную форму *ж-тъ* (*тъ*)¹¹⁸. В предисловии же ко второму изданию (1848) он указывает, что из большого разнообразия членных форм муж. рода могут быть отобраны следующие десять основных, по его мнению, "более годных к употреблению", а именно: *о, а, ж, ѧ, е, о-тъ, а-тъ, ж-тъ, ѧ-тъ, е-тъ*¹¹⁸. Первые пять (без *тъ*) Богоров отвергает просто на том основании, что они якобы представляют собой не самостоятельные членные формы, а лишь, так сказать, искаженные — вследствие "нечеткого произношения слова" — варианты соответствующих форм с *тъ*¹¹⁹. Из пяти форм с *тъ* он принимает *ж-тъ* для существительных на *ѣ*, т.е. на твердый согласный, и *ѧ-тъ* для существительных на *ь*, т.е. на мягкий согласный, и для прилагательных. Эти членные формы, по его мнению, "более правильные", и "более основные", употребляемые "большинством чистых болгар"¹²⁰.

Членная форма *ж-тъ* (например: *вѣнецж-тъ, орелж-тъ, прахж-тъ*) Богоровым признается наиболее приемлемой для литературного языка потому, что в ней представлен чистый звук *ѣ* (в его написании: *ж*), выступающий на месте *ѣ* в середине слов. Этот звук, как отмечает Богоров, "более всего распространен в селах Старой Планины и соб-

ственно Болгарии"¹²¹, кроме тех, которые расположены по соседству с сербскими.

Таким образом, Богоров, как и ранее Неофит Рильский, исходит из того, что в литературном языке должна быть воспринята членная форма, наиболее распространенная на болгарской языковой территории. Но, в отличие от Неофита, Богоров такой формой признает *ѣт* — членную форму его родного (карловского) и прочих балканских говоров.

Богоров упрекает писателей, которые писали и пишут *а-ть*, в том, что они не пишут *ж-ть* "от большой ненависти" к букве ж или "от незнания"¹²². Другая причина предпочтительности *а-ть* заключается в том, что в многосложных словах в членной форме трудно бывает хорошо расслышать характер звука и отличить его от *а* и потому он признается чистым *а*. О таком же неясном характере звука свидетельствуют и глагольные формы *бжджть*, *пишжть*, *могжть*. Однако в односложных словах и в случаях, когда членная форма несет на себе ударение, "слышится чистое ж" (т.е. ъ), например, *градж-ть*, *пражж-ть*, представляющее собой, по мнению Богорова, конечный гласный имени¹²³. Первое замечание Богорова касается по существу лишь графического обозначения звука ъ и в плане морфологии интереса не представляет. Отметим лишь, что это замечание вызвано действительно едва ли не ненавистью, которую испытывали некоторые к букве ж и которую так энергично защищал Богоров. Гораздо важнее в данном случае второе замечание, свидетельствующее о понимании Богоровым того, что при выборе членной формы для литературного языка необходимо исходить прежде всего из ударного его варианта. В этом отношении Богоров более последователен, чем Неофит Рильский, который, как мы видели, приняв в качестве нормы *атъ* (наряду с *о* и *а*), был вынужден тем не менее употреблять и *жть*, если на него падало ударение.

Однако введя *а-ть* для существительных на ъ (существительные на *й* в грамматике имеют членную форму *тъ* без гласного: *славей-тъ*) для прилагательных, Богоров тоже не смог устранить разнообразия в членных формах, добиться полного их единообразия. Это он сам понимал, ожидая упрека в том, что "вместо того, чтобы отбросить различные членные формы, мы указываем снова две другие"¹²⁴. Такому компромиссному решению он давал довольно слабое обоснование. Отказ от двух различных членных форм, т.е. *ж-ть* и *а-ть*, по его мнению, привел бы к тому, что к именам пришлось бы просто присоединять *тъ*: *градътъ*, *коньтъ*, оставляя имена без изменения. Но в таком случае "мы должны сказать, что буквы ъ и ь в середине слова обозначают звук („е гласно“), а в конце слова — не обозначают звука („безгласно“)"¹²⁵. Это противоречие можно было, по его мнению, разрешить, отбросив конечные еры, но на такой шаг Богоров не решился. Лучшим выходом из положения ему казалось введение второй членной формы *а-ть*. К тому же он считал, что *а* у прилагательных с членной формой (типа *синѣ-тъ*, *мждриѣ-тъ*) в народном языке служит "более легкому произношению"¹²⁶ таких прилагательных.

Остальные членные формы — *о-ть*, *а-ть*, *е-ть* — Богоров отвергает на том основании, что они менее распространены в языке болгар, а также потому, что гласные *о*, *а* и *е* в них появились под влиянием сербского языка. Так, об *о-ть* он пишет, что эту членную форму употребляют в речи только "те болгары, которые были или которые находятся рядом с сербами"¹²⁷, и поэтому формы типа *орело-ть*, *вѣнец-отъ* и под. он не воспринимает как чисто болгарские. О членной форме *а-ть* Богоров говорит, что она более распространена у западных болгар, чем у восточных, и что в ней *а* тоже возникло под влиянием сербского языка¹²⁸. А о членной форме *е-ть* Богоров прямо пишет, что он ее не принял по той причине, что это — сербизм¹²⁹. Богоров, однако, ошибался, полагая, что данные членные формы являются достоянием почти исключительно говоров, соседствующих с сербскими говорами. Он допускал также ошибку и в том, что гласные *а*, *о*, *е*, в членных формах на *а-ть*, *о-ть* и *е-ть* появились под влиянием сербского языка. Но Богоров был прав в том, что данные формы все же были менее распространены в болгарских говорах, чем *ж-ть* (*-ѣт*). В предпочтении *ж-ть* этим формам сказалось, несомненно, и то, что в родном говоре Богорова выступает *-ѣт* (*ж-ть* в написании Богорова). Поэтому другие, а особенно такие, в которых он усматривал иноязычное влияние, естественно, казались ему не чисто болгарскими формами.

Оценивая позицию Богорова в вопросе о членной форме муж. рода в истории болгарского литературного языка с точки зрения его современного состояния, необходимо подчеркнуть два момента. Во-первых, то, что Богоров был первым грамматистом, введшим членную форму *ѣт* (в его написании: *ж-ть*) в болгарскую грамматику и призывавшим к утверждению ее в качестве нормы литературного языка. Во-вторых, Богоров был первым, кто в своей грамматике последовательно для всех падежей использует одну и ту же членную форму муж. рода, не закрепляя искусственно, как это делали Н. Рильский и Хр. Павлович до него и многие после него, в том числе и авторы современных грамматик, за разными членными формами разных синтаксических функций.

За введение только членной формы *ѣт* выступил и Г. Крыстевич, но он исходил из других соображений. Полагая, что членная форма в болгарском языке восходит к формам указательного местоимения *тъ* в староболгарском языке, и считая, что правописание болгарского литературного языка должно основываться на этимологическом принципе, Крыстевич и доказывал, что "новоболгарская членная форма должна точно так же писаться", как и местоимение в староболгарском, т.е. *тъ*¹³⁰. Что касается гласного перед *тъ*, то Г. Крыстевич, подобно другим первым грамматистам, рассматривал его не как элемент, составную часть членной формы, а как "конечный глухой ѣ или ѣ имени, преобразуемый, благозвучия ради, в гласный"¹³¹. Этот гласный перед членной формой, звучащий как *ѣ*¹³², Г. Крыстевич предлагает обозначать буквами *ѣ* и *ѣ*, т.е. теми же буквами, какие тогда обычно писались в конце слов. В словах же на *й* (*рай* и под.) перед

членной формой Крыстевич писал *я*, ибо в членных формах слов такого типа слышится "вставной гласный *ǎ*, т.е. *ъ*, сочетание которого с *й* имени, по его мнению, удобнее обозначать буквой *я*, т.е. *рая-ть*¹³³.

Крыстевич, таким образом, предлагал ввести в литературный язык одну членную форму *ѣт*, которую обозначал по-разному: *ъ-ть* для слов с твердым конечным согласным имени, *ь-ть* — для слов с мягким конечным согласным имени и *я-ть* для слов с конечным согласным имени *й*. Нужно отметить, что такого же в принципе написания придерживались и многие другие грамматисты и писатели в 40—60-е годы прошлого столетия, хотя некоторые из них и не во всем соглашались с Крыстевичем¹³⁴.

Что касается других членных форм, встречающихся в болгарском языке, то их Г. Крыстевич отвергал по следующим соображениям.

Членную форму *о-ть* он отклонял потому, что гласный *о* перед *т* возник, по его мнению, по русскому образцу из конечного глухого *ѣ* имени, подобно тому, как в русском вместо *ъ* появляется *о*, например: *во гробѣ* вместо *въ гробѣ*, *ко мнѣ* вместо *къ мнѣ*, *изодратъ* вместо *издратъ* и под.¹³⁵ Членная форма *е-ть*, с гласным *е* перед *т*, отклоняется Крыстевичем потому, что *е* здесь якобы по сербскому образцу¹³⁶. Соображения Крыстевича о происхождении гласных *о* и *е* в членных формах, как видим, лишены оснований.

Крыстевич решительно отвергал также и членные формы без *т*: *а*, *о*, *а*, *е*, упоминаемые в грамматике Неофита. Он писал, что разумеется, "они представляют собой не что иное как варваризм, произведенный тем, что был усечен и отброшен истинный член *ть*, и остался в качестве члена только крайний существующий у имени или вставной приложенный *ъ* или *ь*, из которых первый произносится согласно истинному болгарскому обыкновению как *ǎ* (т.е. как *ъ*. — Г.В.), а согласно русскому — как *о*, второй же произносится по болгарскому обыкновению как *а* (т.е. *ѣа*), а по сербскому как *е*"¹³⁷, например, из *вълкъ-ть* стало *вълкъ*, *вълкѣ* или *вълко*, из *конь-ть* стало *конь*, *кона* или *коне*. Крыстевич был прав, считая, что членные формы *а*, *о* и др. возникли в результате утраты крайнего *т*, этимологически действительно представляющего собой "подлинную" членную форму. Но он ошибался, усматривая иноязычное влияние в членных формах с гласными *о* и *е* и характеризуя эти и другие членные формы без *т* как варваризм.

В целом Г. Крыстевич, как видим, следуя этимологическому принципу в правописании, в выборе варианта членной формы (с гласным *ѣ*) ориентировался на балканские говоры и, в частности, на свой родной, котелский, говор, где представлена форма *ѣт*.

Высказывалось и много других суждений об отдельных членных формах, их преимуществе и недостатках, хотя и без необходимой аргументации, которую мы находим у Рильского, Богорова или Крыстевича.

Так, В. Априлов считал целесообразным ввести в литературный

язык *атъ* потому, что эта членная форма, по его мнению, "сообразнее с духом языка", чем другие¹³⁸. Иларион Стоянов также предпочел эту форму, но на том основании, что она "более обща в Болгарии", т.е. более распространена, а не потому, что "другие — *жтъ, а, о* — не правильны"¹³⁹. Позднее, уже в 70-е годы, за утверждение в литературном языке членной формы *ат* выступил Н. Пырванов¹⁴⁰.

В сущности за введение этой же членной формы выступал и Т. Шишков. Он, правда, говорил о форме *тъ*, которая пишется после окончаний *а* или *я*, но в общем у него речь шла о членной форме *атъ* (*ятъ*). Интересно, однако, соображение, которое заставило Шишкова признать эту членную форму. Он считает, что в живом употреблении языка *тъ* избегается, но поскольку многие настаивают на том, чтобы эта членная форма была в литературном (письменном) языке, он также принимает ее¹⁴¹. Замечая, что он не отрицает существования членной формы *тъ*, которая должна писаться после "окончаний" *а* и *я*, Шишков считает, однако, что *тъ* может "не произноситься теми, кто не употребляет его в своей речи"¹⁴². Такое решение вопроса ему самому представляется произволом, но не большим, чем требование некоторых писать в именительном падеже *тъ*, а в других падежах — *а*¹⁴³.

Другие, наоборот, выступали за признание членной формы *а* в качестве нормы литературного языка. Так, И. Н. Момчилов в 1847 г. писал, что он употребил *а* потому, что эта членная форма, по его мнению, "употребляется чаще в разговорном языке"¹⁴⁴, чем *атъ, жтъ* и *тъ*, а также потому — и это, вероятно, имело для него большее значение, — что членная форма *а* "не режет ухо, как другие, особенно в случаях, когда рядом оказывается несколько таких звуков, например: *позови ги да додътъ да адатъ отъ плодъ атъ*"¹⁴⁵. Впоследствии И. Момчилов изменил свою точку зрения и выступил за утверждение в литературном языке двух членных форм — *ят* и *а*. В поддержку членной формы *а*(*я*) выступил также Н. Михайловский¹⁴⁶.

В грамматических работах 50-х годов становится популярной точка зрения, изложенная уже в двух первых грамматиках болгарского языка — Неофита Рильского и Хр. Павловича, об употреблении в литературном языке двух членных форм, а именно *ят* и *а*. Такого взгляда придерживался в частности Й. Груев — автор известного и широко распространенного в середине XIX в. учебника по грамматике болгарского языка. Исходя из того, что в болгарском языке имеется винительный падеж, он, как раньше Н. Рильский и Хр. Павлович, предложил различать именительный и винительный падежи с помощью разных членных форм: именительный падеж — *ят*, винительный падеж — *а*¹⁴⁷. Такое правило употребления членных форм поддерживалось практикой многих писателей, в частности Петко Славейковым, вопреки его уверению в том, что он в этом вопросе следует за Г. Крыстевичем¹⁴⁸, признававшим, как говорилось выше, лишь одну членную форму *ь-тъ* (*ь-тъ, я-тъ*). Правда, Петко Славейков предпочитал употреблять наряду с *а* не член *ьтъ*, а *атъ*. Две членные формы — *ят* и *а* — предлагал закрепить в литературном языке в своих грамматиках 60-х годов И. Момчилов, который раньше, в 40-е годы, употреблял только член *а*. Теперь же, учитывая сложившееся

положение с употреблением членных форм, в котором находилась болгарская письменность, он "предпочел держаться среднего пути, которому следуют многие наши ученые"¹⁴⁹. Постепенно такое распределение членных форм — *ѣт* (*ат*) для им. падежа и *а* для косвенных падежей — стало господствующим и оно нашло отражение, как известно, в нормах современных грамматик болгарского литературного языка.

Это правило, как и аналогичное в принципе правило распределения членных форм у Неофита Рильского или Хр. Павловича, носило совершенно искусственный характер и было продиктовано стремлением примирить сторонников так называемых полных (с *ть*) и кратких (без *ть*) членных форм. Искусственность этого правила была очевидна уже и в годы формирования норм литературного языка. Так, Т. Шишков указывал, что стремление некоторых грамматистов закрепить такое правило — это "произвол" тех, кто "хочет подвести язык под формализм"¹⁵⁰. Он сомневался в правомерности такого разграничения функций членных форм *ть* и *а* и не верил, что оно может подтвердиться, ибо "те, кто употребляет *ть*, произносят его во всех падежах (кроме звательного), а другие употребляют какой-либо другой член"¹⁵¹. Десятилетием позднее эту же мысль подчеркивал И. Момчилов, который писал: "Решение же вопроса о том, какая из этих двух форм (т.е. с членной формой *а* или *ѣт* — Г.В.) более свойственна нашему языку, чтобы она употреблялась во всех случаях ("изобщо") в нашей письменности, зависит от общего соглашения наших ученых, которые, приняв во внимание и гладкость произношения, и то, что более правильно, должны установить, нужно ли писать два члена или только один"¹⁵².

Нужно отметить, что, хотя в итоге споров 30—60-х годов и было достигнуто "общее соглашение" относительно употребления двух членных форм — *ѣт* и *а* — с известным их распределением, все же и до сих пор вопрос о членной форме мужского рода в литературном языке остается не до конца решенным. Если в письменном языке установленное правило о полной и краткой членной форме соблюдается довольно последовательно, то в устной речи носителей литературного языка это правило в целом соблюдается очень слабо, и одной из причин этого является несомненно искусственный характер правила. Не случайно вопрос о членных формах всегда являлся предметом внимания всех орфографических комиссий и дискуссий, в том числе и дискуссий начала 50-х годов и позднее, вплоть до наших дней.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Кръстевич Г.* Писма за някои си мъчности на българското правописание. Писмо II. За членът // Български книжици, 1858. Ч. III. С. 163.

² См.: Математическа география. Одесса, 1842. С. III.

³ *Рилски Н.* Болгарска граматика сега перво сочинена. В Крагуевце, 1835. С. 55.

⁴ См., например, о членных формах в Тихонравовском дамаскине в кн.: *Демина Е.И.* Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Исследование и текст. Ч. III. Тихонравовский дамаскин как памятник книжного болгарского языка XVII в. на народной основе. С., 1985. С. 247—249.

- ⁵ *Първев Хр.* Очерк по история на българската граматика. С., 1975. С. 62.
- ⁶ *Огнянович К.* Житие Светлаго Алексия. В Будине, 1833. С. 62. Нужно отметить, что вопреки уверениям К. Огняновича, в тексте "Жития" имеется один случай употребления членной формы: "Оу домашните и слуги посъа" (стр. 39). Вкралась ли эта членная форма в данном тексте по недосмотру самого К. Огняновича или по вине наборщика, трудно сказать. Важно, что К. Огнянович ее заметил и в напечатанных в конце книги "Ошибки" ("Погрешки") исправил на *оу домашни* (С. 63).
- ⁷ *Лунина М.В.* Грамматика нынешнего болгарского наречия Ю.И. Венелина // Славянская филология: Статьи и материалы. М., 1951. С. 115.
- ⁸ *Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838, С. 30.
- ⁹ Там же, С. 48. — Причисление Венелиным Хр. Павловича и В. Априлова к гонителям членных форм ошибочно. На это было обращено внимание уже вскоре после выхода из печати этой книги. Так, Неофит Рильский в письме Р. Поповичу от 9 ноября 1838 г. выражает удивление, что Венелин приписывает Хр. Павловичу "изгнание членов", в то время как на самом деле Хр. Павлович — "гонитель только члена *атать*, другие, например, *о*, он употребляет так же как и мы" (см. Периодическое списание. XXV—XXVI. С. 61).
- ¹⁰ *Венелин Ю.* Указ. соч. С. 45.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Там же, с. 59.
- ¹³ Там же. — "Уродливого *тататата*" в "Кириакодромионе" действительно нет, как нет и не может быть его в произведении любого другого болгарского автора. Правда, и в переводе Софония членные формы встречаются, хотя и не последовательно. К. Ничева в монографии о языке этой книги констатирует: "Хотя в сравнении с другими сочинениями Софония имен с членными формами (в "Кириакодромионе") меньше, все же во многих местах мы встречаем с членными формами существительные и прилагательные, а иногда и числительные и местоимения" (*Ничева К.* Езикът на Софрониевия "Неделник" в историята на българския книжовен език. С., 1965. С. 24; см. также: *Она же*, Езикът на Беровия "Рибен буквар" и на Софрониевия "Неделник" // Език и литература, 1965. Кн. I. С. 32).
- ¹⁴ *Венелин Ю.* Указ. соч. С. 49. — Во всяком случае, уже В. Априлову было ясно, что отсутствие членных форм в "Кириакодромионе" Софония объясняется тем, что Софоний стремился приблизить язык своего перевода к церковнославянскому (*Априлов В.Е.* Дополнение к книге: Денница новоболгарского образования. Одесса, 1842. С. 24).
- ¹⁵ *Венелин Ю.* Указ. соч. С. 46.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ В "Грамматике нынешнего болгарского наречия" Ю.И. Венелин устанавливает систему склонения из семи падежей, различающихся падежными окончаниями, которые он заимствует из церковнославянского языка (Подробнее об этом см.: Лунина М.В. Указ. соч. С. 114).
- ¹⁹ Вот как представляет себе Венелин утрату падежей под действием членов: "Им. *человѣкатъ*, *ножатъ*, *жената*, *древото*. Правильный род. *человѣка*, *ножа*, *жены*, *древа*. С *атъ*, *та*, *то* будет опять *человѣкатъ*, *ножатъ*, *женьта*, *древато*. Этого мало: *а* в *женыта* заставляет простолюдина и *ы* изменить на *а* и *а* на *о* в *древато*. Дат. правильный *человѣку*, *ножу*, *женѣ*, *древу*; выйдет такая же операция, т.е. *у* и *ѣ* должны уступить место буквам *а* и *о* в *атъ*, *та*, *то*, потому что неловко говорить *человѣкуатъ* и пр. Эта привычка простого человека говорить везде *человѣкатъ* для отличия смысла и падежа род. и дат. заставила его употреблять предлог *на* в виде члена. Какая галиматья, которая однако к несчастью в употреблении" (*Венелин Ю.* Указ. соч. С. 46).
- ²⁰ *Журавлев В.К.* Введение в диакрическую морфологию // Балканско езиковедение. 1976. Т. XIX. N 3. С. 28—30.
- ²¹ *Венелин Ю.* Указ. соч. С. 47.
- ²² *Соловьев М.* [Рец.] Денница новоболгарского образования. Сочинение Василия Априлова. Одесса, 1841 // Москвитянин. 1842. N 5. С. 149.

- ²³ Там же. С. 150.
- ²⁴ Там же. С. 149.
- ²⁵ Там же. С. 148.
- ²⁶ Там же. С. 150.
- ²⁷ Там же. С. 149.
- ²⁸ Там же. С. 151.
- ²⁹ См.: Павлович Хр. Грамматика славено-болгарска. В Будиме. 1836. С. 8, 53—54.
- ³⁰ Павлович Хр. Грамматика славено-болгарска. Белград, 1845. Изд. 2-е. С. I—II.
- ³¹ Там же. С. 3.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. С. II.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 3.
- ³⁶ См.: Любословие. 1846. Февраль. С. 19—20.
- ³⁷ На возможное влияние Хр. Павловича в этом вопросе указывал уже В. Априлов, отметивший, что мнению Хр. Павловича о членах "видимо, последовал и К. Фотинов" (см.: Априлов В. Мысли за сегашното българско учение. Одесса, 1847. С. 34). Ив. Шишманов считает, что прямого влияния Хр. Павловича на К. Фотинова не могло быть, так как членофобские наклонности заметны в "Любословии" и до издания грамматики Христати (*Шишманов Ив.* Константин Г. Фотинов // СБНУ. Кн. XI. 1899. С. 699). Хотя вопрос о влиянии Хр. Павловича в данном случае не имеет существенного значения, отметим, что все же нет никаких оснований полностью исключить возможность такого влияния.
- ³⁸ См.: Теодоров А. Към историята на българския език. // Периодическо списание. Г. VII. Кн. 32—33. 1890. С. 264.
- ³⁹ См. его грамматические замечания в кн.: Хрулев Т. Букварь или начальное учение". В Будине. 1850. С. 60—65.
- ⁴⁰ Раковский Г. Показалец. Одесса, 1859. С. XIX.
- ⁴¹ В неоконченном письме от 26 августа 1859 г. Г. Раковский писал Александру Экзарху "Вы одобряете употребленный мною слог языка в сочинении "Показалец" и говорите, что было бы хорошо, если бы все писали без членов..." (см. Архив на Г.С. Раковски. С. 1952. С. 172). По-видимому, А. Экзарх свое мнение о языке "Показалеца" Раковского изложил в письме Раковскому от 22 августа 1859 (Там же).
- ⁴² Русев Р. Раковски и въпросът за определителния член // Български език. 1962. Кн. 5. С. 435—436.
- ⁴³ Горский Ст. М. За българско рвение // ЦВ. 1859, N 413.
- ⁴⁴ См. "Ответ на циркуляра г-на Горького // България. Г. I. Бр. 15.
- ⁴⁵ Там же.
- ⁴⁶ Рилски Н. Болгарска граматика. С. 42—43.
- ⁴⁷ Весьма образно о членных формах как о характерной и неотъемлемой особенности болгарского языка говорит Неофит в одном из писем конца 30-х гг. к Р. Поповичу. Имея в виду мнение Ю.И. Венелина о членных формах, Неофит писал: "А знает ли (Венелин), что болгарский язык не будет существовать во веки без членов? И мне кажется, что, если даже и пророк Илья сойдет с неба, народ все равно их возьмет и выучит..." (см. в книге: Арнаудов М. Априлов: Живот, дейност, съвременници. С. 1935. С. 181).
- ⁴⁸ Рилски Н. Болгарска граматика. С. 43.
- ⁴⁹ Там же. С. 52.
- ⁵⁰ Ср. в другом месте: "неопредѣленнаты разумъ" существительных без членов и "опредѣленъ разумъ" существительных с членами (стр. 62). В этом отношении важно замечание Неофита о том, что, какого бы происхождения ни были члены, они "по настоящемъ пріяли са въ языкать такова естество да са членове, непремѣнно като що са на Грецы те нихни те, а не мѣстоименія за то и мы требава да ги имаме и оупотребяваме като за членове, а не ни за мѣстоименія, ни за частицы" (С. 66, сноска).
- ⁵¹ Там же. С. 52.
- ⁵² Там же. С. 53.
- ⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 53—54.

⁵⁵ *Априлов В.Е.* Дополнение к книге: Денница ново-болгарского образования. СПб., 1842. С. 25. — Подобную характеристику членных форм как наиболее характерной особенности болгарского языка можно найти в любой грамматике болгарского языка современных авторов. Ср., например, у К. Мирчева: "Членная форма — одна из наиболее отличительных черт болгарского языка. Вместе с аналитическим характером именной системы она составляет то наиболее существенное и наиболее типичное, что определяет особое место болгарского языка среди остальных славянских языков (*Мирчев К.* Историческа граматика на българския език. С., 1963. С. 176).

⁵⁶ *Априлов В.* Болгарските книжици или на кое славенско племе собственно принадлежи Кирилловската азбука. Одесса, 1841. С. 12—13.

⁵⁷ *Априлов В.* Дополнение... С. 24. Ср. также: "Никто не имеет права отнять их у них (болгар. — *Г.В.*)" (*Априлов В.* Мисли за сегашното българско учение. Одесса, 1847. С. 33).

⁵⁸ *Априлов В.* Дополнение... С. 25.

⁵⁹ Там же. В. Априлов не мог, конечно, предвидеть, что последователи К. Огняновича найдутся и среди болгар. Уже в том же 1842 г. вышел без членных форм перевод книги Ю. Венелина "О зародыше новой болгарской литературы", сделанный М. Кифаловым. Спустя несколько лет и сам В. Априлов должен был сообщить о таком "нововведении" Кифалова, хотя и на этот раз он вновь, но уже более осторожно, отметил, что это "нововведение" "не заставило, как это мог каждый предвидеть, почти никого принять его" (см.: *Априлов В.* Мисли за сегашното българско учение. Одесса, 1847. С. 18). Это "почти никого" составили Хр. Павлович, К. Фотинов, П. Пиперов, (о которых говорил и В. Априлов; (С. 30—35), а позднее, как известно, Г. Раковский и даже В. Друмев.

⁶⁰ *Априлов В.* Дополнение... С. 25; см. также: *Он же.* Мисли... С. 16.

⁶¹ *Априлов В.* Дополнение... С. 23—24.

⁶² Там же. С. 22.

⁶³ Там же. С. 26.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ *Априлов В.* Мисли... С. 31.

⁶⁶ Там же. С. 34.

⁶⁷ Там же. С. 33.

⁶⁸ Там же. С. 17.

⁶⁹ Там же. С. 33.

⁷⁰ Там же. С. 32.

⁷¹ Там же. С. 17.

⁷² *Соловьев М.* Указ. соч., С. 149.

⁷³ *Априлов В.* Дополнение... С. 25.

⁷⁴ *Априлов В.* Мисли... С. 18.

⁷⁵ Там же. С. 35.

⁷⁶ *Кръстевич Г.* Писма за някои си мъчности на българското правописание. Писмо II. За членът // Български книжици. 1858. Ч. III. С. 163—184, 208—211. — Эти "Письма" были адресованы Г. Крыстевичем Р. Поповичу как ответ на просьбу последнего изложить мнение об известном письме В. Априлова 1836 г. (Български книжици. 1859. Ч. III. С. 459). Г. Крыстевич хотел их позднее издать, о чем даже было напечатано объявление от 10 августа 1850 г. Но из-за служебных дел он не смог заняться их изданием в виде отдельной книги, что причиняло ему большое огорчение: "Я испытывал большую боль в сердце, что обещал перед народом и обещание свое не выполнил" (Български книжици. 1858. Ч. II. С. 311).

⁷⁷ *Кръстевич Г.* Указ. соч. С. 163.

⁷⁸ *Кръстевич Г.* Книжевний дневник // Български книжици". 1859. Ч. III. С. 408.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Там же.

⁸¹ *Кръстевич Г.* Писма за някои си мъчности... С. 164.

⁸² Там же.

⁸³ Там же. С. 164—165.

⁸⁴ Там же. С. 166.

⁸⁵ Там же. С. 167.

⁸⁶ Там же.

⁸⁷ *Кръстевич Г.* Книжевний дневник. С. 408.

⁸⁸ Лишь как о курьезном эпизоде в борьбе вокруг членных форм можно упомянуть выступление русского журналиста В.В. Шаркова. В середине 80-х годов он опубликовал статью, в которой предложил целую программу изменения правописания и грамматики главным образом болгарского языка в целях сближения русского и болгарского языков. Согласно этой программе, членные формы из болгарской грамматики изгонялись как излишние и вносящие путаницу (см.: *Шарков В.В.* Необходимые упрощения, содействующие сближению языков болгарского и русского // *Болгаро-русский журнал научно-философский, литературный и политический.* 1886. № 1. С. 49—60).

⁸⁹ *Андреев И.* [Богоров]. Първичка българска словница. Стамбол, 1848. С. IV.

⁹⁰ *Рилски Неофит.* Болгарска граматика... С. 43.

⁹¹ Там же. С. 52.

⁹² Там же. С. 43.

⁹³ Там же. С. 44. — В другом месте Неофит приводит форму *святѣа*, с членной формой *ѣ*, т.е. *ѣа*. Вообще же, как правило, в прилагательных у Неофита *ѣ* перед членной формой отсутствует. Он указывает, что прилагательные на *ѣ* и *ѣи* с присоединением членной формы "просто изменяют последнюю букву *ѣ* на *о*" (с. 102), например, *святѣо* и под. Это же касается и прилагательных с другими членными формами, которые употребляет Неофит: *на-святѣа*, на *святѣать* (с. 102—103), *на-женскѣа* (с. 162).

⁹⁴ Неофит указывает, что членные формы род.п. типа *на-конѣа* "могли бы и так писаться: *на-конѣа*, *на-царѣа*, *на-оучителѣа*, *на-мучителѣа*, чтобы осталась членная форма *ѣ*, всегда правильная. Но так как это написание весьма уродливо и неприлично, а также и потому, что и в славенском родительном падеже таких имен стоит *ѣ* (как, например, от *царь* им.п. — *царѣа* род.п., *конь* — *конѣа*, *оучитель* — *оучителѣа*, *мучитель* — *мучителѣа*), то и мы так должны их оставить и писать" (Там же. С. 164).

⁹⁵ Там же. С. 45.

⁹⁶ Там же. С. 44.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. С. 45.

⁹⁹ Там же. С. 62.

¹⁰⁰ В действительности же Неофит в своей грамматике использует еще две членные формы *жтъ* и *ж*, которые выступают тогда, когда на них падает ударение. Но эти членные формы Неофит в расчет, так сказать, не принимает, считая их, вероятно, разновидностью форм *ать* и *а*, которые по неизвестной ему причине ("не знаю зашто тако бѣва, нека мысли всякъ") у некоторых односложных существительных перетягивают на себя ударение: *страхжтъ*, *светжтъ*, *граджтъ* и *стражж*, *светжж*, *граджж* и др. (Там же. С. 56. Сноска).

¹⁰¹ Там же. С. 62—63.

¹⁰² Там же. С. 63. В другом месте грамматики Неофит говорит, что "хорошо было бы употреблять в им. п." членную форму *о* (стр. 55).

¹⁰³ О взглядах Неофита Рильского на происхождение членных форм мы здесь специально не останавливаемся.

¹⁰⁴ Неофит поясняет, что в существительных с твердым конечным согласным ("на дебело в") перед членной формой *о* знак *ь* опускается. В существительных на мягкий согласный ("на танко в") знак *ь* остается в написании, "чтобы слышать произношение его" (Там же, стр. 55), но в словах на *рь* — *царь*, *настырь*, *монастырь* и под. с присоединением членной формы знак *ь* опускается, так как в них он не произносится: *царо*, *настыро*, *монастыро*. Последнее отражает произношение подобных форм в западных болгарских говорах.

¹⁰⁵ Там же. С. 63.

¹⁰⁶ Там же. С. 64, 163. Подробнее о системе падежей и их разграничении, предложенной Неофитом, см. в разделе о падежах.

¹⁰⁷ Там же. С. 66.

¹⁰⁸ Там же. С. 63.

- ¹⁰⁹ Сичан-Николов Хр.К. Грамматика или буквенница словенска. Цариград; Галата. 1858. С. V.
- ¹¹⁰ Так, Т. Стоянов—Бурмов отмечал, что Сичан-Николов должен был изложить причину, по которой он "употребил членные формы все" (см. его заметку: Струва ли за употребление въ училища-та, като учебна книга, Буквенница-та Сичанъ-Николова // Български книжици. 1859. Ч. I. С. 232). См. также отзыв Г. Крыстевича: Български книжици. 1859. Ч. II. С. 43.
- ¹¹¹ Павлович Хр. Грамматика славено-болгарска. С. 8.
- ¹¹² Математическа география. Одесса, 1842. С. III.
- ¹¹³ Геров Н. Няколко думи за преводът на Математическата география на г. Ивана И. Богоева. Одесса, 1842. С. 7—8. — Сам Н. Геров употребляет членную форму *жъ*, но почему он предпочел ее, не объясняет, обещая в пространном "рассуждении" о членной форме, подготавливаемом к печати, осветить также и вопрос о том, "откуда произошла членная форма, какова она и как должна употребляться" (Там же). "Рассуждение" это осталось не изданным.
- ¹¹⁴ См.: Математическа география. С. III—IV.
- ¹¹⁵ Геров Н. Няколко думи... С. 8.
- ¹¹⁶ Богоев И. [Богоров]. Нещо на няколкото думи за преводът на Математическата география. Одесса, 1842. С. 8.
- ¹¹⁷ Андреев И. [Богоров]. Първичка българска граматика. Букуреш, 1844. С. XII.
- ¹¹⁸ Андреев И. [Богоров]. Първичка българска словница. Стамбол, 1848. С. X.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Там же. С. XIII, XIV.
- ¹²² Там же. С. XII.
- ¹²³ Там же.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ Там же.
- ¹²⁶ Там же.
- ¹²⁷ Там же. С. XI.
- ¹²⁸ Там же. С. XII.
- ¹²⁹ Там же. С. XIII.
- ¹³⁰ Крыстевич Г. Писма... С. 173.
- ¹³¹ Там же. С. 179.
- ¹³² Г. Крыстевич в своей "транскрипции" звук *ъ* под ударением обозначает буквой *ж* — *денж-тъ*, а без ударения — буквой *й* — *человѣкѣй-тъ* (Там же).
- ¹³³ Там же. С. 179—182.
- ¹³⁴ Так, Вас. Берон считал, что вместо *рая-тъ* и под необходимо писать *райж-тъ* [т.е. *райѣ-тъ*] согласно "низкому и закрытому народному произношению" (см.: Стоянов-Берон Вас.Х. Първа българо-френска граматика. Букуреш. 1859. С. XI).
- ¹³⁵ Крыстевич Г. Писма... С. 178—179.
- ¹³⁶ Там же. С. 179.
- ¹³⁷ Там же. С. 180.
- ¹³⁸ Априлов В. Денница ново-болгарского образования. Одесса, 1841. С. 26.
- ¹³⁹ См. его послесловие "За употребенното правописание в преводат" в кн.: Православное оучение или сокращенно христианско богословие. Цариград, 1844. С. 229.
- ¹⁴⁰ Мотивы, по которым Н. Пырванов отстаивал членную форму *атъ*, им не раскрываются, см. его книгу "Извод из българската граматика (Законете на българският език)". Русчук, 1870. С. 12.
- ¹⁴¹ Шишков Т.Н. За българската книга или за Азбуката и Правописанието на Новобългарския език // Български книжици. 1859. Ч. III. С. 790—791, сноска 19.
- ¹⁴² Там же. С. 791. См. также: Шишков Т.Н. Първа храна на здравият чолешкий ум. Цариград, 1860. С. XIII, сноска.
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ Момчилович И.Н. Писменница на славянскийя язык. Изд. перво. Белград, 1847. С. VIII.
- ¹⁴⁵ Там же.
- ¹⁴⁶ Михайловский Н. За новобългарския език // Цариградски вестник. Г. VII.

1857. С. 321. К сожалению, этот номер газеты нам был недоступен, потому подробнее о точке зрения Михайловского мы сказать не можем.

¹⁴⁷ *Груев Й.* Основа на българска граматика. Белград, 1858. С. 23. См. также: *Груев Й.* Начяла на българска граматика за ученици в предуготовителни училища. Вена, 1869. С. 14.

¹⁴⁸ *Славейков П.Р.* Няколко думи за собирането и за езика на причити // Български книжици. 1859. Ч. III. С. 250. — П. Славейков здесь отмечает, что не согласен с Крыстевичем только в отношении употребления членных форм в сочетаниях с несколькими прилагательными.

¹⁴⁹ *Момчилов И.Н.* Грамматика за новобългарския език. Русчук, 1868. С. 29.

¹⁵⁰ *Шишков Т.Н.* За българската книга. С. 791, сноска 19. — См. также предисловие к кн.: *Шишков Т.Н.* Първа храна... С. XVIII—XIV, сноска.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² *Момчилов Ив.Н.* Грамматика за новобългарския език. С. 28.

§ 2. ПРОБЛЕМА ПАДЕЖЕЙ В ИСТОРИИ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ЕГО НОРМАЛИЗАЦИИ

Отсутствие падежей, как и наличие членных форм, представляет собой одну из существенных особенностей грамматической структуры народного болгарского языка того времени, которою он отличается от структуры языка церковнославянского, отождествлявшегося болгарскими книжниками с древнеболгарским, и других славянских языков и которая уже одним этим привлекала к себе особое внимание тех образованных болгар, кто задумывался над устройством родного литературного языка. Падежи, как и членные формы, явились тем вопросом грамматики, над решением которого столкнулись две точки зрения на основу складывавшегося литературного языка — живую, народно-разговорную речь или книжный, традиционный язык. Но по вопросу о падежах не было столь ожесточенных споров, какие велись вокруг членных форм, и разногласия "падежные" по существу исчезли с окончательным утверждением народно-разговорной основы создававшегося литературного языка.

ОБЩЕЕ ПОНЯТИЕ ГРАММАТИСТОВ ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ О ПАДЕЖАХ

В понимании падежей многие авторы первых болгарских грамматик эпохи Возрождения следовали за авторами грамматик церковнославянского, русского и других языков и рассматривали падежи, главным образом, как формы слов, различающиеся с помощью окончаний. При этом обычно отмечалось, что падежи служат для выражения разных отношений между предметами, обозначаемыми именами. Так, Неофит Бозвели (1835) писал, что "падеж — изменение в конце слова, отвечающего на вопрос"¹. С изменением окончаний связывает понятие падежей Хр. Павлович в "Грамматике славеноболгарской" (1836), хотя и не дает там их определения². Но уже во 2-м издании "Грамматики" (1845) эту мысль Хр. Павлович формулирует почти в виде дефиниции: "падежи явствуют ("се разсуждават") из следующих слогов, кои суть разные окончания"³. И. Богоров также пишет (1848), что падеж — это "изменение крайнего слога" ("отрежданье или преобра-

зованье на крайната сричка")⁴. И. Груев (1858 и позднее) считает, что "падежи — это окончания имен, с помощью которых выражается, как относятся предметы один к другому"⁵, и что склонение — это изменение окончаний чисел и падежей у имен⁶. Т. Хрулев также пишет, что падеж — это "изменение слов, которое они принимают в своих окончаниях"⁷.

В общем это традиционная точка зрения на падежи, которой, как видим, придерживались сторонники и книжной (церковнославянской) и живой (народно-разговорной) основы литературного языка.

Наряду с такой точкой зрения среди болгарских грамматистов было распространено и иное понимание падежей, не связанное непременно с различием окончаний и акцентирующее внимание прежде всего на выражении определенных отношений между именами. Такой взгляд на падежи в болгарской грамматической литературе ведет свое начало от первого болгарского грамматиста — Неофита Рильского.

Неофит ясно показывает, что в болгарском языке существительные (также и прилагательные), за исключением собственных и некоторых других имен, не имеют падежей, различающихся окончаниями. Точнее: он устанавливает, что в болгарском имеется лишь один падеж, выступающий как им., род., дат., вин., тв. и предл. падежи, а также зв. падеж, имеющий особые окончания. Он пишет, что "мы не имеем, как видно из простонародной речи винительного, отличающегося от именительного. Но последний есть и родительный, и дательный, и винительный, и творительный, и сказательный"⁸. Это положение он наглядно иллюстрирует следующим примером:

Без члена: "за неопред(ѣленъ) разумъ"

Им. п. Дойде единъ страненъ человекъ

Род. п. Оумрело дете на-единъ человекъ

Дат. п. Дадохме милостына на единъ человекъ

Вин. п. Оубили вчера на полето единъ человекъ

Твор. п. Ставихсе на пжтатъ съ единъ человекъ

Предл. п. Разговарамесе за единъ стран[енъ] человекъ.

С членной формой: "за опредѣлен[ъ] разумъ"

Им. п. Дойде си вчера от пжтъ человеко

Род. п. Кжща та на-человѣко

Дат. п. Дадоха милостына на человеко

Вин. п. Вчера доведоха человеко

Твор. п. Разговарахме се доволно сось человеко

Предл. п. Приказуваме за человеко.

Несмотря на наличие только одной формы (с одним и тем же окончанием), Неофит не отказывается, как видим, от понятия падежа в приведенных случаях, называя в каждом из них эту единую форму соответствующим падежом (им., род. и т.д.) в зависимости от того, какое синтетическое значение она выражает, а точнее говоря — какому падежу церковнославянского или русского языков эта форма в каждом случае соответствует. Неофит, правда, в конечном счете, устанавливает для болгарского литературного языка склонение не из семи падежей, а из пяти, исключая из него тв. и предл. падежи. Последнее

предстает как непоследовательность грамматиста, но это находит объяснение в том, как рассматривается им сочетание *на* с именем в значении дат. и род. падежей.

Неофит был первым грамматистом, кто включил сочетание *на* с именем в общей форме в систему склонения и интерпретировал его как род. и дат. падежи. Он писал, что род. и дат. падежи не различаются от им. и от вин. падежей ничем иным, кроме как частицей *на*, которая в этом случае не является предлогом, но почти служит родительным и дательным как у греков ἤ и τῶ⁹, например, им. п. *градъ*, *градо*, род. и дат. п.п. *на градо*, также и *на-коньо*, *на-царьо*, *на райо* и под. То же самое он говорит и в отношении прилагательных, когда они употребляются "самостоятельно" или же "с существительными сочетаются"¹⁰, например: *на Болгарскію*, *на Славенскію*, *на высокою*, *на нискію* или *на Болгарскію народъ*, *на Славенскію азыкъ*, *на высокою домъ*, *на нискію одръ* и под.

Здесь особенно следует обратить внимание на то, что Неофит ясно понимал семантическое различие между *на* в сочетании с общей формой в значении вин. падежа, когда *на* выражает обычные (пространственные и другие) отношения, и *на* в сочетании с общей формой в значении род. и дат. падежей, где *на* выступает уже в ином значении. Он, правда, не указывает точно, в чем состоит это значение *на* в таких сочетаниях, но вряд ли можно сомневаться, что он имеет в виду здесь именно чисто грамматическое значение *на*, которое в других языках передается соответствующими флексиями. Это различие в значениях *на* Неофит подчеркивает и терминологически, говоря в одном случае о предлоге *на*, а в другом — о частице *на*. В грамматике он пишет, что для того, чтобы "родительный отличался... от винительного, когда тот стоит с предлогом *на*, я употребил его (т.е. род. п. — Г.В.) всюду с черточкой между частицей *на* и именем"¹¹.

Иными словами, Неофит рассматривает сочетание "частицы" *на* с общей формой имени как падежную форму — дат. и род. — и включает ее в систему склонения болгарского языка. Установленное им семантическое различие *на* в указанных сочетаниях свидетельствует о несомненно тонком понимании Неофитом одного из сложнейших вопросов болгарской грамматики. Уместно напомнить здесь, что и в настоящее время некоторые лингвисты, как и Неофит в свое время, рассматривают сочетания *на* с общей формой как род. и дат. падежи.

Неофит Рильский, таким образом, устанавливает падежи не по их окончаниям, ибо таковые в болгарском языке отсутствуют¹², а на основании некоторых значений (отношений), которые выражаются именем в сочетании с "частицей" *на* или без *на*.

Примеру Неофита в этом вопросе последовали многие грамматисты¹³. В своих трудах они также рассматривают в качестве отдельных падежей общую форму и сочетания ее с *на*, исходя не из различий во флексиях, а из различий в выражаемых ими значениях.

Так, И. Богоров в 1-м издании своей грамматики (1844) писал, что "в болгарском языке имеется пять падежей; они узнаются по различным вопросам"¹⁴. Это те же вопросы, которые обычно ставятся в церковнославянских, русских и других грамматиках для определения

значений падежей, различающихся окончаниями. Так, с помощью род. падежа, по Богорову, "мы говорим, чье это бывает, или отвечаем на вопрос: кого? чей? чья? чье?"; с помощью дат. падежа "мы задаем вопрос или отвечаем на вопрос: кому?" и т.д.¹⁵ Здесь падежи выделяются исходя почти исключительно из семантических оснований. Точно также поступает позднее (1868) И. Момчилов. Он отмечает, что "падежи с разными окончаниями" в болгарском языке, за исключением некоторых архаизмов, не сохранились, они были заменены предлогами, которые в сочетании с именами "показывают различные отношения одного предмета к другому"¹⁶. Несмотря на отсутствие падежных окончаний, И. Момчилов также устанавливает склонение из пяти падежей (им., род., дат., вин. и зв.), служащих "для более легкого определения отношений"¹⁷. Значения этих падежей "определяются логически с помощью вопросов: кой? на кого? кого? (когда речь идет о лице) и що? на що? на що? що? (когда речь идет о наличном предмете)"¹⁸.

В общем такую же точку зрения представляют Н. Пырванов¹⁹, С. Филаретов²⁰ и другие грамматисты. Н. Пырванов, например, специально отметил как положительный момент цитируемой здесь грамматики И. Момчилова, то, что в ней И. Момчилов "правильно понял потребность" в родительном падеже с *на* и вслед за Н. Рильским и И. Богоровым "положил его как необходимый (падеж) в склонении"²¹. Правда, о дат. падеже с *на* Н. Пырванов почему-то ничего не говорит, хотя такой падеж в грамматике И. Момчилова также представлен²².

С такой концепцией, включающей в систему склонения (а следовательно, и в понятие падежей), сочетания с предлогом *на* в значении род. и дат. падежей были согласны не все болгарские грамматисты. Наиболее определенно против включения сочетания с *на* в систему склонения высказывается Д. Миркович. Он писал (1860), что поскольку в болгарском языке падежей, различающихся окончаниями, нет, то какое-либо их описание — это бесполезное и ненужное дело²³. Подобную же оценку в начале 70-х годов давал и И. Богоров. Устанавливаемое рядом грамматистов склонение из нескольких падежей, не отличающихся окончаниями, с его точки зрения — ненужное, бесполезное правило. Касаясь грамматики Т. Шишкова, в которой приводится склонение из пяти падежей, И. Богоров пишет, что изучение пяти падежей слова *дърво*, имеющих одинаковое окончание (*дърво*, *на дърво*, *на дърво*, *дърво*, *дърво*), представляет собой только пустую трату времени ("губи-врѣме" — для учителей и "дрънкание жарулекъ въ празень лажичникъ", что можно перевести примерно как "толочь воду в ступе", — для учащихся)²⁴. Это мнение И. Богорова тем более примечательно, что раньше (1844—1848) он и сам указывал в своей грамматике пять падежей, которые для слов ср. рода не отличались окончаниями.

Новая точка зрения И. Богорова свидетельствует о том, что среди болгарских грамматистов начинает утверждаться убеждение в нецелесообразности включения в систему склонения падежей, не различающихся окончаниями. Однако преобладающим среди грамматистов в рассматриваемые десятилетия было мнение, что сочетания с предлогом *на* в значении род. и дат. падежей в эту систему следует включать.

Объективно это свидетельствует о том, что данные сочетания рассматриваются ими тоже как падеж или, иными словами, как аналитическая форма падежа²⁵.

Однако вопрос о том, включать или не включать сочетания имен *с на* в значении род. и дат. падежей в систему склонения — это вопрос собственно грамматической теории, а не нормы литературного языка. Независимо от того, как рассматривать и куда относить такие сочетания, они в языке употребляются и употребляются вместо и в значении старых падежей. В истории формирования болгарского литературного языка важно было решить вопрос о том, какие формы — синтетические или аналитические — должны быть признаны нормой языка.

ЗАЩИТА ПАДЕЖЕЙ ПРИВЕРЖЕНЦАМИ СОЗДАНИЯ АРХАИЗИРОВАННОГО ТИПА ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Все грамматисты и другие книжники, выступавшие за архаизированный тип нового болгарского литературного языка, сближающегося с церковнославянским (в их представлении — с древнеболгарским), настаивали на необходимости в нем старых падежных форм.

Первым, кто предлагал ввести старые падежи, был Неофит Рильский (1835). Правда, он говорил о них лишь как о желательных для литературного языка формах и сам в своей грамматике устанавливает по сути дела новоболгарскую систему падежей. Более определенно за утверждение старых падежей, хотя и не всех, говорил Хр. Павлович (1836) уже в 1-м издании и особенно решительно во 2-м издании грамматики (1845). В защиту старых падежей выступали и другие приверженцы архаизированного типа литературного языка — П. Пиперов, М. Кифалов, а позднее Ст. Горский, И. Константинов, а также Г. Раковский и др.

Хр. Павлович первоначально устанавливал систему склонений существительных из 5 падежей — именительный, винительный, звательный, родительный и дательный. Сходство с системой Неофита, о которой см. ниже, заключается в том, что Хр. Павлович разграничивает им. и вин. падежи ед. числа слов муж. рода с помощью членных форм: *о* — для им.п., *а* — для вин.п. (у Неофита для вин.п. — членная форма *атъ*). Формы им. и вин. падежей ед. и мн. чисел слов ж. и ср. родов и мн. числа слов м. рода у Хр. Павловича не различаются. Для остальных падежей — зв., род. и дат. — указываются специальные окончания, которые показаны в табл. 1, дающей и общее представление о системе падежей в 1-м издании грамматики Хр. Павловича²⁶.

Изменение существительных, например, *конецъ, звѣзда, лице*, по Павловичу, см. в табл. 2.

Относительно падежей им., вин. и зв. Хр. Павлович не высказывает никаких дополнительных суждений, полагая, видимо, что эти падежи и предложенные им формальные различительные признаки их не могут вызывать каких-либо вопросов. Что же касается род. и дат. падежей, то о них Хр. Павлович прямо говорит, что он "эти два падежа привнес сюда из славенской грамматики"²⁸. При этом он специально отме-

Таблица 1

	м. р.		ж. р.		ср. р.	
	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.	ед. ч.	мн. ч.
Им. п.	о	те	та	те	то	та
Вин. п.	а	те	та	те	то	та
Зв. п.	о	о	о	о	о	о ²⁷
Род. п.	а	овъ, евъ	и	ей	а	
	А	евъ, ей	ы		ене	
	аго	ыхъ	ыА	ыхъ	ете	
	Аго	нхъ	іА	нхъ	А	ій
					аго	ыхъ
					Аго	ихъ
Дат. п.	у	омъ, емъ	и	емъ	у	амъ
	ю	омъ, емъ	ѣ	амъ	ени	} емъ
	ому	ымъ	ой, ѣй	ымъ	еми	
	ему	имъ	ей, ѣй	имъ	ю	
					ому	ымъ
				ему	имъ	

Таблица 2

Им. п.	конецъ — конци те	звеѢзда — звѣзди те	лице — лица та
Вин. п.	конецъ а — концевъ	звѣзда та — звѣзды те	лице то — лица та
Зв. п.	о конце — о концы	о звѣздо — о звѣзды	о лице — о лица
Род. п.	конца — концевъ	звѣзды — звѣздъ	лица — лицъ
Дат. п.	концу — концамъ	звѣздѣ — звѣздамъ	лицу — лицамъ

чае, что указанные в таблице "слоги являются не членами (в отличие от *о* в им.п. и *а* в вин.п. — *Г.В.*), а окончаниями славянских родительного и дательного падежей, которые, следовательно, будут приписываться к именам"²⁹.

Введение род. и дат. падежей в грамматику болгарского языка Хр. Павлович мотивирует тем, что "в письменной речи мы часто испытываем необходимость обязательно их употребить, если хотим украшать свой язык, особенно же родительный падеж, который в некоторых местах бывает весьма гнусен и смутителен, если пишется с *на*"³⁰. Хр. Павлович, таким образом, уже в 1-м издании своей грамматики отмечал, что отсутствие падежей с разными окончаниями, является недостатком языка. Необходимость падежей в письменном (литературном) языке объясняется, по его мнению, тем, что падежи, во-первых, украшают язык, делают его более богатым, выразительным, и, во-вторых, тем, что с их помощью устраняется неясность, двусмыслие. Второе обстоятельство имело для Хр. Павловича, по-видимому, решающее значение. То, что "смущение" смысла происходит в тех случаях, когда падеж выражается сочетанием имени с предлогом *на*, т.е. в случаях совпадения род. и дат. падежей, и заставило его

вести в свою грамматику старые формы этих падежей. Любопытно, что бóльшую потребность Хр. Павлович усматривал в старой форме род. падежа, поскольку "род. падеж" с *на* в некоторых случаях ему казался особенно двусмысленным и неприемлемым.

На практике, однако, в собственных письменных текстах Хр. Павлович старые дат. и род. падежи употребляет в общем довольно редко, используя обычно конструкции с предлогами и общей формой имени. Например:

Формы род. падежа: ед. число, м. род — *Грамматика... сочинена отъ Христаки П. Дупничанина* (тит. л.); *сички те правила нашего славено-болгарскаго азыка* (с. 4); *отъ бога се боимъ* (с. 23); *споредъ рода* (с. 19); ж. род — *сочиняваніе то секога рѣчи болгарскїа* (с. 4); *тыа деветъ части слова, сирѣчь разговори болгарскїа* (с. 6); ср. род — *средство просвѣщенїа привносимъ* (с. 3); *деветъ части слова* (л. 6); *склоненіе перваго лица* (с. 17); **множ. число:** *Таквїа са и трети те единственни лица прочїихъ времяа толко нїхныхъ, колко и другїихъ некоїхъ глаголовъ* (с. 28); *Сложенїе се именува соединяванѣ то рѣчей* (с. 48).

Заметно реже встречаются в тексте Хр. Павловича формы дат. падежа, например: ед. число, м. род. — *и да согласатъ на това мое полезнѣйшее нашему роду измышленїе* (с. 45); *свойственно е мужу мудрому* (с. 52); ж. и ср. род: *Присвоително [е името], кое то присвоава некому лицу или некоей вещи нещо* (с. 40); **множ. число:** *приличатъ господственно животнымъ* (с. 7); *сичкимъ прочїимъ именамъ* (с. 7) и некоторые другие.

Что касается местн. и тв. падежей, то их отсутствие в языке, по мнению Хр. Павловича, видимо, не порождало бы в соответствующих случаях смысловой неясности, и поэтому он отказывает этим падежам в праве на их существование в литературном языке. Относительно этих падежей он замечает только, что их "сохраняет в некоторых местах наш простой язык"³¹: Например, тв. падеж: *съ богомъ, со всѣмъ, родомъ Болгаринъ, именовъ Павелъ*; местн. падеж (у Павловича: сказателенъ падеж): *о и во Христѣ, по и при томъ*. Встречаются, отмечает он, вероятно, еще и другие примеры. Здесь обращает на себя внимание то, что Павлович характеризует приведенные примеры с тв. и местн. падежами только как принадлежность простого, т.е. народного, языка и ничего не говорит о том, могут ли эти и подобные примеры употребляться и в письменном (литературном) языке. Можно, однако, думать, что Павлович, вводя старые формы род. и дат. падежей, вряд ли считал недопустимыми примеры указанного типа с тв. и местн. падежами и в литературном языке. Но в самом тексте его "Граматики" формы тв. и местн. падежей не употребляются, если не считать следующих форм местн. падежа в приведенных на титульном листе выходных сведениях о месте издания данной книги: *Въ Будимѣ градѣ, въ Крал. оунг. Університет. Типографїи*.

В целом же следует признать, что для языка 1-го издания "Славено-болгарской грамматики" Хр. Павловича старые падежи не характерны. Вместо них почти во всех случаях употребляются словосочетания

общей формы имен с соответствующими предлогами, в том числе и с предлогом на для выражения значений род. падежа. Приведем несколько примеров.

В значении **род. падежа**: *основаніе на просвѣщеніе то* (с. 3; ср. старую форму род. падежа: *средство просвѣщенія*; там же), *безъ члень* (с. 14); *безъ грамматика* (с. 3), *изъ славенска та грамматика* (с. 8), *отъ слѣдователна та таблица на членове те* (с. 7); *раздѣляватсе на деветъ родове* (с. 6), *отъ двадесетъ и седмъ знакове* (с. 5), *едно собраніе отъ две гласны* (с. 6) и под.

В значении **тв. падежа**: *сось дерзновеніе* (с. 4), *предъ глаголь* (с. 23), *сось живъ глась* (с. 45), *между тыд согласны* (с. 26), *сось едно слово да речемъ* (с. 47), *соединяватсе же имена та и глаголи те со сички те предлозы* (с. 48) и под.

В значении **вин. падежа**: *да познатъ истината* (с. 45), *приходиме въ нужда* (с. 8), *за тоаги* (с. 45), и под.

В значении **местн. падежа**: *въ славенски те книги* (с. 5), *въ некои чужестранны рѣчи* (с. 5), *въ други те падежы* (с. 15), *не ходать по речены те примѣри* (с. 11), *въ сички те времена* (с. 23), *при имена та* (с. 8) и под.

Вот образец текста из 1-го издания "Грамматики" Хр. Павловича — его предисловия к этой книге: "Те азъ, о единородниі мои, и средство просвѣщеніа привносимъ въ наша та Болгаріа, аки искренно нейно чадо, кое то е и най нужно то средство и основаніе на просвѣщеніе то и: понеже е каквото гледате, Грамматика Славено-болгарска: Грамматика, без коато никое списаніе на нашій а азыкъ не може да быде, и слѣдователно просвѣщеніе"³².

Таким образом, в первом издании своей "Грамматики" Хр. Павлович выступает за утверждение в литературном языке общей формы для им. и вин. падежей всех родов и чисел, различая с помощью разных членных форм эти падежи для слов муж. рода в ед. числе, и за выражение значений других падежей сочетаниями общей формы с предлогами. Вместе с тем Хр. Павлович допускает употребление и старых падежей и сам изредка их использует, проявляя в этом явную непоследовательность и ориентируя современников на искусственное смешение особенностей, характерных для живого языка того времени с особенностями языка "славенского" (церковнославянского). Это был уже значительный шаг назад по сравнению с тем, что предлагал Неофит Рильский, ограничивавшийся, как сказано выше, закреплением за разными падежами разных членных форм и использованием чисто графического средства (тире) для разграничения аналитических форм род. и дат. падежей (типа *на* + форма имени). Подобное смешение старых и новых форм не могло быть жизнеспособным, оно неизбежно вело к отрицанию одних и утверждению других. Хр. Павлович предпочел вскоре старые формы всех падежей, положив вокруг них начало острым спорам.

За закрепление в болгарском литературном языке всех падежей Хр. Павлович решительно выступил во 2-м издании своей грамматики (1845). В предисловии к этому изданию он излагает свое кредо построения болгарского литературного языка архаизированного типа,

включающего в себя ряд характерных особенностей "славянского" (церковнославянского) языка и сближающегося, таким образом, с этим языком. В этом "более совершенном", как он пишет издании, язык которого "приближен" к "славянскому", Хр. Павлович, в частности, "умножил падежи"³³. Если в 1-м издании в образцах склонений у него приведены только старые формы род. и дат. падежей, то в этом издании, кроме них, указаны и старые формы вин. падежа, а также тв. и мест. падежей. Членные формы здесь изгнаны. Общая система склонения имен у Хр. Павловича представлена в табл. 3³⁴.

В тексте 2-го издания "Грамматики" Хр. Павлович широко употребляет все формы старых падежей, в отличие от первого издания, где формы отдельных падежей встречаются очень редко (см. выше). Приведем несколько примеров:

Род. падеж: *отъ глагола* (с. 45), *расположеніе лица и вещи* (с. 44), *перваго начертаніа* (с. 24), *собраніе образовъ* (с. 8), *собраніе двухъ гласныхъ* (с. 2), *имена ароматовъ и благовонныхъ вещей* (с. 15) и мн. др.

Дат. падеж: *помагать другимъ глаголомъ* (с. 27), *по реченнымъ образомъ* (с. 36), *да подражаехме...* *Европеомъ* (с. 55) и мн. др.

Вин. падеж: *имать...* *едну само согласну* (с. 19), *безъ да разсудать правду* (с. 55) и др.

Тв. падеж: *съ членомъ* (с. 4), *со стисненіемъ* (с. 18), *съ умаленіемъ* (с. 52), *между подлежащимъ и сказуемымъ* (с. 63), *какъ се соединяють една съ другою осмъ части разговори* (с. 61) и др.

Местн. падеж: *въ томъ примѣрѣ* (с. 56), *въ единственномъ числѣ* (с. 24), *въ трехъ падежахъ* (с. 14), *въ славянскихъ книгахъ въ нѣкоихъ чужестранныхъ реченіяхъ* (с. 58), *въ всичкихъ временахъ* (с. 32) и мн. др.

Любопытно, однако, что и здесь, несмотря на совершенно ясно выраженное "предписание" употреблять только старые падежные формы, Хр. Павлович изредка (возможно, незослательно, не замечая этого) отходит от этого "предписания" и употребляет вместо них общие формы; ср., например, форму *име* вместо *имени* (согласно образцу склонения, с. 10) в предложении: *Отчеименно име се именува, кое то се производи отъ име бащинно или дедово* (с. 51). Обращает на себя внимание и то, что в сочетаниях с числительными Хр. Павлович употребляет не форму род. падежа мн. числа, а общую форму мн. числа, например: *тыд осмъ части слова* (с. 3), *Славено-Болгарскій дзыкъ составлва се отъ 27 знакове* (с. 1); *Сичкѣд рѣчи болгарскѣд разговоры раздѣлвватъ се на осмъ родове* (с. 3).

Широкое употребление старых падежей, естественно, сильно архаизует общую структуру языка 2-го издания "Славеноболгарской грамматики" Хр. Павловича и отделяет его от языка народного. Архаизация его усиливается еще полным отсутствием членных форм, хотя само по себе отсутствие последних, кажется, производит впечатление менее архаизирующее, чем употребление старых падежных форм. Широкое употребление этих форм, однако, не заслоняет народно-разговорной основы языка данного сочинения. Даже в обращении "Прелюбезна болгарска юносте!", которым оно открывается и в котором излагаются общие принципы устройства литературного языка на архаизированной базе с сохранением старых падежей, отчетливо проступает народно-

Таблица 3

	Мужской род		Женский род		Средний род	
	Ед. ч	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Им.	ь	и, е, ы	ь	и	е	а
	й	е, и	а		а	
	ь	е, и, іе	А	ы	о	іА
	ый } ій }	іи	а	іе	аА	
			аА } АА } іА }	іА	е	еА
				е	АА	
Род.	а	овь, свь, ъ	и	ей, ій, ъ	а	ь
	А	й, свь, ей, ь	и		енс	
	аго	ыхь, ихь	ы	ь	ате	ій, ъ ыхь, ихь
	Аго	ихь	ыА	ыхь	ете	
			іА	ихь	А	Аго
				его	Аго	
Дат.	у	омь, емь	и	емь, емь, Амь	у	амь, имь
	ю ому }	ымь емь, имь	ь ей }	амь, имь	ени ати }	омь, имь
		ымь, имь	ой }	ымь		емь
	ему }		ий }	имь	ети	емь ымь имь
			ей }		ю	
		ий }		ому } ему }		
Вин.	а	ы, и	ь } у }	и	е	а
	А	и	ю }		о	
	аго	ыА	у	и	іе	іА
	Аго }	іА	ую	ыА, іА	е	
				юю }	іА	е
		ію }		е	АА	
Зв.	е	и, с, ы	е } о }	и		
	ю	е, и, іе	а }			
	ій }	іи	А	ы	подобны винительным	
	ый }		о			
			аА } АА } іА }	іА		
Тв.	омь }	ы, ами	ію	ы, ми	емь }	ы, ами
	емь }	й, йми, ми	ою			
	емь		ею		іемь	мы, іАми

Таблица 3 (продолжение)

	Мужской род		Женский род		Средний род	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн.
	ымь имь	ыми ими	ею ею	ыми, ими ими, ами	ымь имь	ымь, ими имь, ими
Местн.	ѣ	ехъ, ѣхъ	и	ехъ, ахъ, Ахъ	и	ахъ
	и	ехъ	ѣ	ахъ, ихъ	ы	
	и		ой	ыхъ	ѣ	ехъ, ѣхъ ехъ, ѣхъ, ыхъ
	ѣ		ѣй		и	
	омь	ихъ	ей	ихъ	ѣ	ѣхъ, ѣхъ, ихъ
	ѣмь емь		ѣй		и	
	омь } ѣмь }	ыхъ			ѣемь	ѣхъ, ѣхъ, ихъ
					омь, ѣмь емь, омь	ыхъ, ихъ ихъ

разговорная, а не "словенская" (церковнославянская) основа этого текста. Приведем отрывок из указанного обращения, где речь идет как раз о падежах, членных формах и юсах (последними многие современники Хр. Павловича обозначали характерный болгарский звук [ъ]): "Защо многу недостатки въ ней ["Грамматике"] дополнихъ, излишнихъ (кои то са членове) изгнахъ, падежи умножихъ и къ старо-болгарскому (славенскому) азыку ю приближихъ, што да можешъ и ты, мила юности, да списувашъ гладко и сладко, еще же и сошь ритмы... а простый слогъ простымъ да оставашъ сошь *о, ать, та та та, то то то* и сошь разны други гнѹсоты сирѣчь ж ѣж и други, кои то се въ тыѣ времена, отъ небытѣа произведени, поавиха, да го украшавать или, по добре, огнѹшавать" (стр. I—II). Еще более народны по своему языку многие места в самом тексте "Грамматики", например: *Два или по многу слоґове собрани на едно составлѣватъ рѣчь* (с. 2); И едно убо за това [го изгнахъ], а друго, за да освободимъ отъ кавги и несогласѣа нашыѣ писатели: понеже отъ нихъ нѣкои го употреблѣватъ *о, нѣкои а, нѣкои ать, и пакъ нѣкои те и нѣкои тѣ, и никой* какво говори не размышлѣва, и не мисли, зашо секое отъ нихъ не е друго, но само една гнѹсота, едно нищо...³⁵

"Умножение падежей" Хр. Павлович предпринял не без влияния Ю. Венелина, который несколько раньше выступил за изгнание членных форм и восстановление в болгарском языке "правильных форм падежей". Нельзя исключать здесь и роли Неофита Рильского, который высказал в своей грамматике пожелание о целесообразности сохранения старых падежей, но сам их не употреблял. Настаивая на закреплении их в болгарском литературном языке, Хр. Павлович во втором издании уже пишет не о "смущении" смысла, проистекающем якобы из-за неупотребления старых падежей, а о том, что "умножение па-

дежей", как и изгнание членных морфем, позволяет "писать гладко и сладко, а еще и с рифмами", как пишут родственные сербы и русские.

Что касается Ю. Венелина, внесшего свой вклад в "филологическую смуту" у болгар своим отрицательным отношением к некоторым характерным особенностям народного болгарского языка, то он считал необходимым утвердить в нем старые падежи с флексиями. Вопросу о падежах Ю. Венелин придавал существенное значение. Это видно из следующего его замечания: "В числе первых *затруднений* (курсив наш — Г.В.) в определении правил правописания в моей Грамматике я привел то, что в устах простого болгарского народа гласные в окончаниях падежей так сблизились в выговоре, что часто весьма трудно их отличить"³⁶. Это, однако, не останавливает его перед тем, чтобы вместо "сблизившихся" и "трудно отличимых" падежей живого болгарского языка включить в грамматику всю систему старых падежей³⁷. Правда, в опубликованных работах Ю. Венелин как будто нигде, как это позднее делают некоторые из его последователей, прямо не утверждает, что в болгарском литературном языке должны быть установлены старые правила склонения. Однако то, что он был против закрепления в нем аналитических форм склонения, видно из его рассуждений о членных формах. Будучи противником употребления этих форм в литературном языке, Ю. Венелин именно в них видел причину утраты падежей в народном языке. "Эта несчастная привычка простого народа, — писал он, — прилагать ко всякому слову *аь, та, то*, не только в именительном, но и в прочих падежах, была настоящею и единственною причиною, что язык болгар начал лишаться правильных форм своих падежей"³⁸. Ю. Венелин пояснял это следующим примером. При им. падеже с членной формой *человѣкѣтъ, ножѣтъ, женѣтъ, древоѣтъ* "правильным" родительным будет *человѣка, ножа, жены, древа*, а с членной формой — *человѣкѣтъ, ножѣтъ, женѣтъ, древоѣтъ*, но *а* в *женѣтъ* "заставляет простолюдина" и *ы* изменить на *а*, а в слове *древѣтъ* — *а* заменить на *о*. То же самое происходит и с "правильным дательным": в *человѣку, ножу, женѣ, древу* происходит "такая же операция", т.е. *у* и *ѣ* заменяются буквами *а* и *о*, так как "неловко говорить" *человѣкуать* и под. "Эта привычка простого человека говорить везде *человѣкѣтъ*, — указывает Ю. Венелин, — для отличия смысла и падежа родительного и дательного заставила его употреблять предлог *на* в виде члена. Какая галиматья! которая, однако, к несчастью, в употреблении"³⁹.

Явное предпочтение, которое высказывает здесь Ю. Венелин старым "правильным" падежам перед новыми, аналитическими формами, в частности перед конструкцией *на* + имя в значении род. и дат. падежей, очевидно. Это подтверждается также и тем, что, сравнив небольшой отрывок из евангелия в переводе Софрония Врачанского и П. Сапунова, Ю. Венелин приходит к заключению, что "перевод софрониев гораздо правильнее и глаже, нежели сапуновский"⁴⁰. Между тем одной из бросающихся в глаза особенностей перевода Софрония является именно наличие гораздо большего числа старых падежных форм.

Как видим, отрицательное отношение к утверждению в литературном языке новой, аналитической, системы склонения и, наоборот,

благоприятное отношение к старой, падежной, системе склонения изложены Ю. Венелиным достаточно ясно, хотя и не столь прямо. Однако его общие предложения, направленные против установления в литературном языке важнейших особенностей народного языка, даже и при таком не совсем прозрачно выраженном отрицательном отношении к аналитическому склонению явились уже сами по себе достаточной причиной того, что единомышленники Ю. Венелина поставили, как говорится, точки над "Г" и совершенно недвусмысленно выступили за установление в литературном языке системы старых падежей, представленной в церковнославянском языке. Первым его сделал, как сказано выше, Хр. Павлович, а по его примеру и другие книжники того времени. Правда, никто из них не был автором грамматики, поэтому ни у кого из них мы не находим описания конкретной системы падежей. Все их суждения носят общий характер и сводятся к тому, что болгарский литературный язык должен иметь старые, "словенские" падежи.

Так, П. Пиперов (1845), противник "сатирических членных форм", полагает, что и без членных форм "можно очень легко и удобно писать на нашем болгарском языке, стоит только принять наши древние падежи, т.е. староболгарские (славянские), которые и поныне сохраняются в Болгарии, где правильно, а где злоупотребительно"⁴¹. П. Пиперов, правда, не отмечает, какие именно падежи сохранились в живом болгарском языке и насколько они употребительны. Поэтому его ссылка здесь на употребление падежей в живом языке носит довольно общий характер. Однако показательно то, что и он, сторонник архаизированной основы литературного языка, предлагая ввести старые падежные формы, обращается за доказательством к разговорному языку.

Утверждение старых падежей в литературном языке, изучение их в школах позволит, по мнению П. Пиперова, решить две задачи. Во-первых, болгарская молодежь легко усвоит церковнославянский язык ("наши юноши начнут легко понимать все церковные чтения") и, во-вторых, вся Болгария скоро достигнет единства если не устной речи, то по крайней мере, письменного языка ("ако не въ глаголаніи языка, а то поне въ писаніи много скоро") и, таким образом, болгары, подобно грекам, немцам, французам, русским и другим народам, будут иметь "один общий письменный язык образованных людей" ("ученныхъ")⁴².

К употреблению старых падежей, в частности предложного и творительного, и восполнению таким образом системы старого склонения призывал и Й. Константинов (1852)⁴³, а позднее и Ст. Горский (1859)⁴⁴. Вряд ли можно сомневаться, что А. Бешков (1850), один из решительных приверженцев архаизированной основы, был также, в частности, и сторонником введения падежей, хотя конкретно о них он и не говорит⁴⁵. Это же самое следует сказать и о К. Фотинове, М. Кифалове, А. Гранитском и некоторых других авторах, которые в своих произведениях 40—50-х годов широко употребляли старые падежи.

За употребление падежей выступал и Г. Раковский, следовавший, как известно, своим, искусственно созданным нормам языка. Он

считал падежи "сердцем языка", без которых язык кажется "диким и мертвым"⁴⁶.

Г. Раковский исходил из того, что в народном языке употребляются еще падежи, например: *иди въ кжши, иди съ богомъ, денемъ тръгнахмы, тичишкомъ, тропомъ, скокомъ, выкомъ, выка тихомъ, кажи имъ, выкай го, иди у тѣхъ, выкай Сторана* и под.⁴⁷. Поскольку эти падежи употребляются в языке простого народа, то их нельзя называть "славянскими" (т.е. церковнославянскими) и изгонять из современного письменного болгарского языка. Тот факт, что в народном языке как будто не употребляются все те падежи, которые встречаются в письменном, не говорит о том, что их не следует употреблять в письменном языке, ибо никто еще не изучил как следует все болгарские говоры. Кроме того, считает Г. Раковский, ничто не мешает ввести в письменный язык то, что было утрачено языком "из-за падения народа в невежество" и о чем свидетельствуют "живые остатки", т.е. указанные падежи⁴⁸.

Кроме указанных выше книжников, которые выступали в целом за создание архаизированного типа литературного языка, о необходимости (или целесообразности) введения в него некоторых из падежей писали и многие грамматисты и книжники, боровшиеся за создание литературного языка на простонародной основе, о чем см. ниже.

Итак, какие же аргументы приводились в защиту "славянских падежей" сторонниками введения их в литературный язык?

Важнейшим из аргументов было, несомненно, наличие падежей в церковнославянском (и древнеболгарском) языке. Для тех, кто считал, что церковнославянский — это болгарский язык и что без ориентации на него не может быть создан новый литературный язык, один этот факт совершенно ясно говорил о необходимости утверждения падежей.

Однако, кроме этого как бы само собой разумеющегося довода, нужны были и другие доказательства, почему и для чего нужны падежи формировавшемуся новому болгарскому литературному языку. Таких доказательств, как видно из сказанного выше, приводилось несколько.

Во-первых, с помощью падежей устраняется неясность смысла, содержания, которая якобы неизбежна в случаях, когда употребляются сочетания имени с предлогами и особенно с предлогом *на*. Сочетания с *на*, выступающие в народном языке вместо род. и дат. падежей, были для этих книжников особенно неприемлемы и "гнусны".

Во-вторых, в отличие от "гнусных" сочетаний с *на*, якобы уродующих язык, старые падежи рассматривались как средство украшения языка: с помощью падежей и на болгарском языке можно будет писать разнообразно, "гладко и сладко".

В-третьих, употребление падежей способствовало бы тому, что болгарский язык был бы более понятным другим славянам и ближе к другим славянским языкам.

Наконец, указывалось, что старые падежи не следует изгонять из литературного языка потому, что они еще сохраняются в народном языке.

Некоторые из перечисленных доводов, несомненно, имеют известное основание. Так, в ряде случаев, особенно при нагромождении боль-

шого числа конструкций с *на*, может действительно иметь место "смущение смысла", которого при употреблении разных падежей можно было бы избежать. Однако опасность искажения содержания, вызываемая употреблением предложных конструкций вместо падежных форм, явно преувеличена. Точно так же преувеличивается значение и того факта, что в народном языке встречаются старые падежи, ибо в нем в целом употребляются не все падежи и не от всех существительных, а лишь от определенной их группы.

Некоторые из этих аргументов приводятся и сторонниками новоболгарской основы литературного языка, но они не рассматриваются ими как доказательство того, что конструкции с *на* должны быть полностью заменены старыми падежными формами.

В общем же указанные здесь аргументы свидетельствуют о том, что приверженцы старых падежей явно недооценивают, так сказать, собственных возможностей живого болгарского языка в выражении соответствующих значений с помощью предложных сочетаний. Кроме того, эти книжники и в данном вопросе, как и в ряде других, демонстрируют, хотя и в разной мере, пренебрежительное отношение к современному языку своего народа и открытое предпочтение ему старого или архаизируемого ими типа литературного болгарского языка.

Стремление приверженцев создания архаизированного типа литературного языка утвердить в нем старые падежи вызвало возражения со стороны многих книжников, ратовавших за создание литературного языка на чисто народной основе.

Уже в 1840 г. Хр. Сичан-Николов писал о введении падежей как о ненужном и даже вредном для просвещения намерении некоторых болгарских писателей. Он, правда, не приводит особых аргументов против падежей и даже не ссылается на их отсутствие в народном языке, полагая, что о них "нѣсть нужды болѣе простиратиса"⁴⁹. Единственный его аргумент сводится к тому, что падежи не приносят учащимся пользы и что усвоение их — ненужная трата времени, — ибо падежи "вмѣсто пользы производять смущеніе оума юношескаго и денногубіе"⁵⁰. Рассуждения о падежах — этих терниях на плодородной земле — Хр. Сичан-Николов оставляет "достойным", которые "и сами оувѣдать не плода, но терніе на добрѣи земли, ꙗже можаше, искорененнымъ терніамъ, болій плодъ подати"⁵¹.

Многие критические замечания, в частности о языке Г. Раковского, были вызваны тем именно, что в нем широко употребляются старые падежные формы⁵².

МЕСТО ПАДЕЖЕЙ В НОРМАЛИЗАЦИИ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА СТОРОННИКАМИ ЕГО ЧИСТО НАРОДНО-РАЗГОВОРНОЙ ОСНОВЫ

То, что отсутствие старой системы падежей составляет характерную, отличительную особенность болгарского языка, было очевидно для всех, и эта особенность подчеркивалась многими грамматистами. П. Зографский, например, писал, что "самая большая разница" между современным и древним болгарским языком "состоит в склоняемых частях грамматики", что в этом "собственно заключен ключ различий

и удаления” между ними и что именно в этом ”наш современный язык претерпел страшное падение и кораблекрушение, в результате которого он много безвозвратно потерял”³³. Однако несмотря на это, П. Зографский не призывал к восстановлению безвозвратно утраченных в результате такого ”кораблекрушения” падежей.

О важнейшем различии в склонении между новым и старым языком говорит и Н. Михайловский, который, кажется, первым в болгарской грамматической литературе употребил термины ”синтетические языки” и ”аналитические языки”³⁴.

Указывая на отсутствие падежей как на характерную особенность болгарского языка, болгарские грамматисты и книжники отмечали также, что эта особенность не представляет собой недостатка языка, что и без падежей можно свободно выразить то содержание, которое в других языках выражается с помощью падежей.

Этой стороне вопроса о падежах значительное внимание уделяет Г. Крыстевич. Рассматривая падежи как окончания, выражающие ”различные отношения”, он отмечает, что в языке столько падежей, сколько окончаний имеют склоняемые слова, что в разных языках и в разное время в одном и том же языке имеется различное число падежей и что имеются языки, в которых падежей вообще нет. Отсюда он делает важный вывод о том, что ”падежи не являются чем-то необходимым в языке”³⁵. В болгарском языке имеется только одно окончание и, следовательно, один падеж.

Однако отсутствие падежей не означает, что в болгарском языке те отношения, которые выражаются в других языках с помощью падежей, не существуют и не могут быть выражены. Эти отношения выражаются в болгарском языке, как и в прочих языках, где нет падежей (французский, английский и др.), с помощью предлогов, которые в сочетании с именами ”выражают тот же смысл и то же понятие”, какие выражаются и падежами. Поэтому нужды в падежах, заключает Г. Крыстевич, у нас почти нет (”почти неостава”)³⁶. Сравнив все семь падежей слова *мжжъ* в староболгарском (церковнославянском) с тем, что соответствует этим падежам в новоболгарском, Г. Крыстевич устанавливает, что 1) в новоболгарском имя и членная форма ”остаются вообще несклоняемыми и неизменяемыми почти во всех падежных обстоятельствах” (оговорка касается зв. падежа и, вероятно, орфографических различий в членной форме мн. числа: *ти* и *ты*); 2) род. и дат. падежи выражены одинаково — сочетанием предлога *на* с именем, 3) местн. падеж выражен сочетанием предлогов *на*, *въ*, *при* и др. с именем; 4) тв. падеж выражается присоединением предлога *съ*.

Из этого Г. Крыстевич заключает, что отсутствие падежей в болгарском языке ”не может иметь никакого вреда”, поскольку одни и те же ”смысл и понятие” могут быть выражены и падежами и без них (с помощью предлогов). Правда, он отмечает, что вследствие совпадения род., дат. и иногда местн. падежей (*на* + имя) ”по-видимому, происходит иногда некоторое смущение в смысле слова”³⁷. Это ”смущение” не ”столь страшно” в местн. падеже, ибо там предлог *на* отчетливо указывает на ”движение с одного места на другое”. Что касается род.

и дат. падежей, то в них "смущение" предстает как "почти полное и неизбежное" и их можно разграничить только с помощью контекста (ср. *дай книга-та на Димитра*, где *на Димитра* можно понять и как дат.п. — *Димитру* и как род.п. — *книга-та Димитрова*)⁵⁸. "Это, — замечает Г. Крыстевич, — если хотите, порок нашего языка"⁵⁹. Но такой порок свойствен не только болгарскому языку, но и греческому — "самому славному и самому обработанному из древних языков", французскому — "самому похвальному и самому обработанному из новых языков", итальянскому, испанскому и другим языкам, в которых также совпадает целый ряд падежей⁶⁰. Важно отметить, что Г. Крыстевич, ссылаясь на И. Добровского, отмечает, что и в староболгарском или церковнославянском языке также имеется немало совпадающих по форме падежей⁶¹.

Что касается разграничения род. и дат. падежей с *на*, производящих наибольшее "смущение" смысла, то Г. Крыстевич советует, особенно при собственных именах, вместо *на* + имя в значении род. падежа употреблять прилагательное (*дай книгж-тж Димитровж* вместо *дай книгж-тж на Димитра*), а в значении дат. падежа — употреблять старый дат. падеж (*дай книгж-тж Димитру* вместо *дай книгж-тж на Димитра*)⁶².

Вот как, например, он советовал заменять многочисленные сочетания с *на* в следующем отрывке. Предложение "намѣреніе-то на той-зи челоуѣкъ е да зъмне на Петра пары ты оужь на заемъ, па да побѣгне на Влашко, и тамъ да купи мушіж-тж на нѣкой испаднѣжъ боаринъ, и безъ да мысли вече за повращаніе-то на пары ты на Петра, да живѣе животь на распутенъ челоуѣкъ до послѣдніа-тъ часъ на дни-ты на старость-тж си" Г. Крыстевич считает лучше передать так: "Намѣреніе-то тогози челоуѣка е да зъмне, ужь на заемъ пары-ты Петровы (или пары ты отъ Петра), па да побѣгне на Влашко, и тамъ да си купи мушіж ѿ нѣкого испадналаго боарина, и, безъ да мысли вече да заплати що е на Петра длъженъ (или заплащаніе-то на долгъ-тъ си къмъ Петра) да живѣе животь распутнаго челоуѣка, до послѣдніа-тъ часъ на старо-то си врема". Из десяти предлогов *на*, встречающихся в первом варианте, в восьми случаях *на*, указывает Г. Крыстевич, стоит в значении род. падежа. Во втором варианте, после замены род. падежа, предлог *на* остался в таком значении только в одном или в двух случаях⁶³.

Подобного рода замены, по мнению Г. Крыстевича, не оставляют "никакого смущения смысла", а речь в то же время становится "более гладкой, более ясной и более сладкой"⁶⁴. Советуя заменять "новообразованные падежи наши" (сочетания имен с предлогом) старыми падежами и притяжательными прилагательными, он вместе с тем призывает соблюдать здесь меру, чтобы "язык оставался в своем новом виде (т.е. оставался бы новоболгарским. — Г.В.), был гладким, сладким и удобообразительным для всех"⁶⁵. Тем не менее, предлагая употреблять старые падежи даже в целях стилистического разнообразия языка, Г. Крыстевич проявлял известную непоследовательность.

О том, что отсутствие падежей не является недостатком болгар-

ского языка, говорили и некоторые другие книжники. Н. Касапский, например, писал, что, несмотря на аналитический характер, болгарский язык — "мягкий, гладкий, сладкий" и имеет "драгость"⁶⁶.

Нужно, однако, отметить, что отношение к аналитическому склонению как характерной особенности новоболгарского языка было у грамматистов и книжников гораздо более сдержанным, чем отношение их к членным формам. Никто из грамматистов и других писателей того времени не обнаруживает каких-либо преимуществ такого склонения перед старым. Да и положение о том, что отсутствие падежей не является недостатком языка, защищается гораздо спокойнее и как бы безразличнее, чем защищаются ими членные формы (ср., например, отношение Г. Крыстевича к членным формам и падежам). В этом вопросе и грамматисты, и писатели делали старым падежным формам легче и больше уступок, чем в вопросе об употреблении членных форм. Причина этого лежит, как нам кажется, в том, что писавшие о склонении в болгарском языке все же не были, вероятно, до конца убеждены в полной "смысловой", не говоря уже о "стилистической", заменяемости старых падежей предложными сочетаниями для разнообразных нужд литературного языка. Если членные формы воспринимались как "прибавление" языка, то отсутствие старых падежных окончаний не могло не восприниматься как "лишение" форм языка. Наличие же падежей в древнеболгарском (церковнославянском) и других современных славянских языках "настраивало" на весьма сдержанную оценку аналитического склонения в болгарском языке.

Вместе с этим следует подчеркнуть, что сторонники чисто народной основы литературного языка выступали именно за утверждение в нем аналитического склонения. Попытки же некоторых грамматистов и других книжников ввести старое (синтетическое) склонение вместо аналитического встречали отпор в трудах тех, кто боролся за установление современных норм языка.

Как уже отмечалось, сторонники чисто новоболгарской основы литературного языка считали падежами обычно не только формы имени, различающиеся окончаниями, но и сочетания имени с предлогом ("частицей") *на*. Из этого следует, что, даже констатируя наличие только одной общей формы (не считая особой формы зв. падежа), они признавали существование в болгарском языке системы склонения, которую составляет определенное число падежей. К этому следует также добавить, что почти все грамматисты отмечали образование отдельных старых падежных форм по крайней мере от некоторых типов существительных. Они были едины в том, что в болгарском литературном языке должно быть установлено такое склонение имен, какое представлено в народном языке и какое составляет его характерную особенность, а именно, говоря в современных терминах, — аналитическое склонение. Однако полного единства мнений о числе и составе падежей, включаемых в систему склонения, среди грамматистов не было.

Наиболее распространенным было мнение о том, что в болгарском литературном языке есть пять падежей — им., род., дат., вин. и зв. Эта точка зрения ведет свое начало от Неофита Рильского, который

Таблица 4

Ед. ч.	им. п.	<i>домъ</i>	<i>вода,</i>	<i>поле</i>
	род. п.	<i>на=домъ,</i>	<i>на=вода,</i>	<i>на=поле,</i>
	дат. п.	<i>на домъ</i>	<i>на вода,</i>	<i>на поле,</i>
	винт. п.	<i>домъ,</i>	<i>вода,</i>	<i>поле</i>
	зв. п.	<i>доме,</i>	<i>води,</i>	<i>поле</i>
Мн. ч.	им. п.	<i>домове</i>	<i>воды,</i>	<i>полета,</i>
	род. п.	<i>на=домове</i>	<i>на=воды,</i>	<i>на=полета,</i>
	дат. п.	<i>на домове</i>	<i>на воды,</i>	<i>на полета,</i>
	вин. п.	<i>домове</i>	<i>воды,</i>	<i>полета,</i>
	зв. п.	<i>домове,</i>	<i>воды,</i>	<i>полета,</i>

Таблица 5

Им. п.	<i>Матвей,</i>	<i>Марко,</i>
род. п.	<i>на=Матвеа,</i>	<i>на=Марка,</i>
дат. п.	<i>на Матвеа</i> или	<i>на Марка</i> или <i>Марку</i>
вин. п.	<i>Матвею,</i>	<i>Марка</i>
зв. п.	<i>Матвее,</i>	<i>Марко</i>

в "Болгарской грамматике" (1835) изложил довольно оригинальную концепцию падежей (их формального и орфографического различия), оказавшую влияние (хотя и не во всем своем объеме) на многих последующих грамматистов. Рассмотрим его концепцию подробнее.

Неофит хорошо понимал, что одной из наиболее характерных и отличительных особенностей народного болгарского языка является отсутствие падежей (падежных форм). Это свойство всех болгарских диалектов. Исходя из своей теории о том, что литературный язык должен строиться прежде всего на "природном" языке, Рильский, естественно, не мог, не противореча себе, ввести падежные формы (окончания), заимствованные из церковнославянского (или другого) языка. О том, что в болгарском существует лишь одна общая падежная форма, Неофит высказывается вполне определенно. Несмотря на наличие только одной формы, выступающей в значении шести старых падежей (им., род., дат., вин., тв. и предл.) Неофит, однако, не отказывается от мысли о том, что склонение в болгарском языке тем не менее должно быть представлено. Он устанавливает для болгарского литературного языка систему из 5 падежей: именительный — так называемая (в современной терминологии) общая форма, родительный и дательный — сочетание *на* с общей формой, винительный = именительному и звательный падеж, имеющий особую форму. Вот как выглядит по Неофиту система падежей, например, существительных *домъ*, *радостъ*, *поле*⁶⁷ (см. табл. 4).

В приведенных примерах обращает на себя внимание прежде всего число самих форм. По существу Неофит в системе склонения устанавливает три различающиеся внешними признаками формы: так называемую общую форму ед. и мн. чисел и форму зв. падежа (для слов

м. и ж. родов). Такой взгляд несомненно отражает реальное состояние словоизменения имени в живом, народном языке, закрепленное, как известно, и в современном литературном языке. Выше уже отмечалось, что Неофит первым в болгарской грамматике интерпретирует сочетания *на* с общей формой имени как родительный и дательный падежи.

Такова, по мнению Неофита система склонения нарицательных существительных.

Собственные имена имеют иную систему форм. Они "склоняются как по славенски"⁶⁸. Склонение "по славенски" состоит в том, что эти имена, согласно Неофиту, имеют особые окончания род.-вин. и дат. падежей. Так, тип склонения собственных имен м.р. см. в табл. 5⁶⁹.

Так же могут склоняться и нарицательные имена со значением лица (*злодѣй* и др.)⁷⁰.

Образца склонения собственных имен ж.р. Неофит не приводит, но из примеров, указанных им в примечаниях к другим типам склонения, можно составить следующий образец (см. табл. 6).

Как видим, склонение "по славенски" ограничивается у Неофита введением особых форм (с соответствующими окончаниями) только для род., дат. и вин. падежей. "Славенские" формы тв. и местн. падежей Неофит, таким образом, не указывает и для собственных (и некоторых нарицательных) имен.

Интересно отметить, что Неофит для собственных имен устанавливает форму род. п. с *на*, а не просто форму с падежным окончанием, т.е. *на-Матѳеа*, *на-Марка*, а не просто *Матѳеа*, *Марка*. Он сам об этом прямо пишет, отмечая, что собственные имена "склоняются как по славенски, с той только разницей, что родительный имеет частицу *на*"⁷². О дат. падеже этих имен Неофит говорит, что он должен быть "непременно как родительный", т.е. с *на*, типа *на Матѳеа*, *на Марка*, и что такая форма проще ("по просто") форм дат. п. типа *Матѳею*, *Марку*.

Все это свидетельствует о том, что вводя "славенские" формы только для род., дат. и тв. падежей, Неофит несомненно исходил из того, что подобные формы были еще известны народному языку. Неофит, следовательно, в этом вопросе опирался на реальное состояние народного языка.

Об ориентации на народный язык говорит также и то, что Неофит предлагает ввести в литературный язык форму твор. п. некоторых слов, которую "простой язык сохранил"⁷³, например: *остани съ богомъ, родомъ е грекъ* и др. Вместе с этим Неофит вводил и ряд оборотов с дательным падежом, которые не находили тождественных по форме соответствий в народном языке и о которых Неофит писал, что их "мы будем употреблять чисто по славенски". Это обороты *по бѣлшей части*, *по крайнѣй мѣрѣ*, *по тамошнему обычаю*, *по воли твоей да бѣде* и под.⁷⁴

Все сказанное до сих пор о точке зрения Неофита на падежи свидетельствует о том, что Неофит исходит из реального состояния словоизменения имен в народном языке и не привносит в предлагаемую им систему падежей ничего такого, что бы не было свойственно народному языку.

Таблица 6

Им. п.	богородица,	МариА
род. п.	на-богородица,	на-МариА
дат. п.	на-богородица или богородицѣ	на МариА или Марин
внн. п.	богородицу,	Марию ⁷¹

Однако Неофиту, хорошо знавшему "славенский язык", трудно было отказаться от "славенских падежей". Он хотел бы их ввести для всех имен и в формировавшийся новый болгарский литературный язык, но говорит об этом лишь как о пожелании. Неофит пишет: "Но какая бы благодать и сладость была, если бы мы полагали тот же славенский родительный падеж без какого-либо изменения, когда существительное имя, а особенно собственное, сопряжено с прилагательным"⁷⁵, например, *память та на-свѣтаго Григоріа* вм. *на-свѣти Григоріа*, *повелѣніе то на високаго и державнѣйшаго нашего царя* вм. *на-высокіо царь*, *сладость та на-славенскаго языка*, *чакость та на-болгарскаго народа*, *искуство то на-Россійскаго воинства* и др. Неофит добавляет, что "было бы очень хорошо, если бы мы последовали этому примеру"⁷⁶. Однако в случаях типа *покрово на-высокіо домъ*, *нозете на нискіо одръ* "славенский" род. падеж был бы, по мнению Неофита, неуместен: указанные примеры "так произносить лучше бы было, нежели *покрово на-высокаго дома*, *крака та на-нискаго одра*"⁷⁷. Неофит не разъясняет, почему в подобных примерах лучше употреблять общую форму с членной формой, нежели форму род. п. Если род. п. в примерах типа *память на на-свѣтаго Григоріа* — это "благодать и сладость", то, вероятно, такой же "благодатью и сладостью" следовало бы признать и употребление форм типа *покрово на-высокаго дома*. Неофит, однако, форму род. п. в примерах последнего типа не рекомендует и ограничивает ее употребление, как сказано выше, преимущественно для существительных собственных и, как это следует из примеров, нарицательных со значением лица (ср., впрочем, и *сладость та на-славенскаго языка*). Это, по-видимому, находит объяснение в том, что и в своем желании ввести старую форму род. п. Неофит все же не отрывался полностью от народного языка, в котором формы род. п. еще встречались именно у существительных со значением лица (собственных и нарицательных)⁷⁸. Неофит это знал и потому считал, что эта форма, введенная в литературный язык, не будет противоречить духу "природного" болгарского языка. Но поскольку форма род. падежа в народном языке встречается все же редко, употребление ее в литературном языке во всех случаях, где она требовалась согласно старым нормам, привело бы в данном случае к заметному расхождению между литературным и народным языком. Кроме того, была бы слишком очевидной непоследовательность вообще в использовании падежных форм. Поэтому-то Неофит, не желая все же окончательно расстаться с придающей языку "благодать и сладость" формой род. падежа, и ограничил ее употребление указанными им условиями.

Думается, что в этом ограничении сыграла не последнюю роль и необходимость сохранения членных форм. Широкое употребление падежной формы автоматически значительно сократило бы употребление членной формы, что также вызвало бы заметное различие между народным языком и языком литературным. А что касается членных форм, то Неофит, как сказано выше, был горячим и непреклонным сторонником закрепления их в литературном языке.

О "чистом славенском дательном падеже" Неофит говорит, что его употребление "было бы очень сладостным и приятным делом"⁷⁹. Это "сладостное и приятное дело" Неофит предлагает для собственных имен, а также для нарицательных, если они сочетаются с собственными, например: *предаде го царю Иоаннъ, предаде го мѣстномѣ князю, да се поклони живоносномѣ Гробѣ Господню, да врѣчитса курь Димітрію* и под.

Однако об указанных здесь формах род. и дат. падежей Неофит говорит лишь как о формах, введение которых в литературный язык было бы желательно. Правда, Неофит, как мы видели, вводит в свою грамматику флективные формы род., дат. и вин. падежей собственных и некоторых нарицательных имен, но эти формы он приводит, как правило, наряду с "неславенскими" и только для существительных. Прилагательные и числительные в его грамматике флективных падежных форм не имеют. Исключение составляет числительное *един*, которое имеет: род. п. *на-едного*, дат. п. *на едного* или *едномѣ*⁸⁰.

Итак, Неофит устанавливает для литературного языка такую систему склонения имен без членных форм, какая была представлена в своей основе и в народном языке. Его, однако, смущало тождество форм имени в разных падежах. Вследствие того, что во всех падежах выступает одна и та же форма существительного или прилагательного, все косвенные падежи, кроме винительного, можно отличить от именительного только по предлогу. Именительный и винительный без предлога, как и родительный и дательный с предлогом *на*, внешне не различаются. Их можно отличить только по смыслу ("от разѣмать")⁸¹. Это, по мнению Неофита, очень затруднительно для начинающих учиться грамоте детей. Так, чтобы различить именительный и винительный падежи в предложениях "Дойде единъ человѣкъ" и "Оубиха единъ человѣкъ", нужно иметь понятие о переходных и непереходных глаголах, которое так трудно дается детям⁸².

Отказавшись от введения старых падежных форм, Неофит решает совершенно искусственно устранить хотя бы частично полное по существу внешнее тождество шести падежей. Это ему удастся провести лишь в падеже с членными формами. Что касается падежей без этих форм, то их разграничить вообще невозможно из-за отсутствия падежных окончаний: "...нам нечего в таком случае делать, — пишет Неофит и образно замечает, — и мы должны неволею склонить свою голову под грузом неизбежной нужды"⁸³, т.е. перед необходимостью внешнего неразличения падежей. Впрочем, и для

разграничения дат. и род. падежей без членных форм Неофит вводит одну графическую примету, о чем см. ниже.

Как же разграничивает Неофит падежи с членными формами?

Неофит находит для этого остроумное, но совершенно искусственное (не основанное на фактах живого языка) решение. Он предлагает для разных падежей использовать разные членные формы. Например, в предложении "Какво се именува това животно попыта стражать, или попыта стражо" не ясно, являются *стражать* и *стражо* формой им. или вин. падежа. Чтобы облегчить понимание смысла, следует закрепить за каждым из трех падежей одну из трех наиболее употребительных в болгарском языке членных форм: *-о*, *-а*, *-ат*. Неофит пишет: "И так как благовременно нам представляются три различных членных формы в мужском роде в единственном числе, к тому же все три равноупотребительные в Болгарии, то мне кажется, что будет хорошо расположить эти три членные формы как равноупотребительные по трем различным падежам и употреблять их в письменном языке, ибо они вне всякого сомнения послужат нам для большего уяснения смысла"⁸⁴. Исходя из этого, Неофит и предлагает закрепить за им. падежом членную форму *-о* "как наиболее прискренную и правильную", за род. падежом — членную форму *-а*, за вин. и дат. падежами — членную форму *-атъ*. Он далее отмечает, что членную форму *-а* имеют только одушевленные существительные (*на-апостола*, *на-человѣка*, *на-попа*, *на-вода* и под.). Неодушевленные существительные ("бездушните") имеют в род. падеже членную форму *-атъ* (какую имеют все существительные в вин. и дат. падежах⁸⁵), если они употреблены без прилагательных, и членную форму *-а*, если они употреблены в сочетании с прилагательными⁸⁶. Род. падеж типа *на-столатъ*, таким образом, совпадает по форме с дат. падежом (тоже типа *на-столатъ*), и здесь, следовательно, тоже не устраняется неясность смысла. Чтобы разграничить род. падеж с членной формой *-атъ* от дат. падежа (а также и от вин. падежа с предлогом *на*), Неофит предлагает для род. падежа использовать черточку (дефис) между *на* и существительным (род. п. *на-столатъ*, но дат. п. *на-столатъ*). "Для этого, — пишет он, — я употребил черточку всюду, чтобы можно было узнать родительный падеж, дабы не производил он сомнения в смысле"⁸⁷. Такой различительный знак (черточку) Неофит закрепляет за род. падежом ед. числа не только неодушевленных существительных мужского рода, но и всех других существительных всех родов и чисел (*на-радостъ та*, *на-поле то*; *на-потоците*, *на-радости те*, *на-полета та*), в том числе и за род. падежом одушевленных существительных м. рода с членной формой *а-* (*на-апостола*, *на-старца*), где, собственно говоря, уже нет необходимости в таком графическом различении форм род. и дат. падежей.

Таким путем Неофит достигает того, что все падежи (а их он насчитывает пять) ед. числа существительных м. рода у него оказываются внешне дифференцированными, отличаются друг от друга ("следовательно, в мужском роде не остается ни одного падежа,

который бы совпадал с другим и не распознавался бы”⁸⁸), а именно: им. падеж — членная форма *-о* (*старецо, крайо*), род. падеж — членная форма *-а* или *-ать* и частица *на* с черточкой (*на-старца, на-крайать*), дат. падеж — членная форма *-ать* и частица *на* (без черточки: *на старецъть, на крайать*), вин. падеж — членная форма *-ать* (*старецать, крайать*), зв. падеж — ”всегда различен” (*старче, краю*).

Так решает Неофит вопрос с разграничением падежей существительных м. рода в ед. числе.

Во мн. числе им. и вин. падежи существительных муж. рода различаются у Неофита орфографически (”сошь правописаніето”): окончание *-и* в им. падеже, окончание *-ы*, — в вин. падеже. Род. и дат. падежи различаются наличием или отсутствием черточки между *на* и именем (*на-апостоли те, на-потоцы те* — род. падеж, *на апостоли те, на потоцы те* — дат. падеж. Зв. падеж различается ”по смыслу” (”по разумать”).

Нужно сказать, что в отношении мн. числа существительных муж. рода идея Неофита о целесообразности и возможности разграничения падежей проведена гораздо менее последовательно, чем в отношении падежей ед. числа, и на несколько иных основаниях. Во-первых, во всех падежах мн. числа данного слова выступает только одна членная форма — *те*. Во-вторых, в качестве показателя разных падежей, а именно им. и вин., Неофит вводит разные окончания: им. п. *-и*, вин. п. *-ы*, хотя на практике он и не следует этому правилу⁸⁹. В-третьих, почти все односложные слова в им. и вин. падежах оказываются внешне недифференцированными, так как в обоих падежах выступает окончание *-ове* (*домове те, крайове те*) или *-ица* (*краица та*)⁹⁰.

Еще менее дифференцированными оказываются падежи слов жен. и ср. родов, у которых различаются род. и дат. падежи наличием или отсутствием черточки между *на* и именем; *на-вода та, на-води-те, на-лице то, на-лица та* — род. падеж, *на вода та, на води те, на лице то, на лица та* — дат. падеж, а остальные падежи различаются ”ро разуму”⁹¹ (ср. им. и вин. *вода та, води те; лице то, лица та*). В отношении слов жен. рода это может касаться только мн. числа. В ед. числе слова жен. рода образуют, по Неофиту, особую форму зв. падежа на *-о* (*водо*) или на *-е* (*земле*)⁹².

Вот как выглядит предложенная Неофитом система падежей существительных с членной формой (табл. 7).

В сущности такую же систему падежей Неофит предлагает установить в письменном языке и для прилагательных (и числительных) с дифференциацией их падежей посредством черточки (или ее отсутствия) при *на* и разных членных форм для слов мужского рода. Различие между падежами прилагательных (и числительных) и существительных заключается у Неофита в том, что род. падеж ед. числа первых всегда имеет членную форму *-а*, в то время как у вторых выступает членная форма *-а* и *-ать* в зависимости от одушевленности неодушевленности существительных. Поэтому род. падеж ед. числа прилагательных всегда представлен только

Таблица 7

Единственное число				
И.	<i>вода та</i>	<i>потоко,</i>	<i>апостола,</i>	<i>лице</i>
Р.	<i>на-вода та</i>	<i>на-потокать</i>	<i>на-апостола,</i>	<i>на-лице то,</i>
Д.	<i>на вода та,</i>	<i>на потокать</i>	<i>на-апостолать</i>	<i>на лице то</i>
В.	<i>вода та</i>	<i>потокать,</i>	<i>апостолать</i>	<i>лице то</i>
Зв.	<i>водо</i>	<i>поточе</i>	<i>апостоле,</i>	<i>лице</i>
Множественное число				
И.	<i>води те</i>	<i>потоцы те,</i>	<i>апостоли те,</i>	<i>лица та</i>
Р.	<i>на-води те,</i>	<i>на-потоцы те</i>	<i>на-апостоли те,</i>	<i>на-лица та</i>
Д.	<i>на води те,</i>	<i>на потоцы те,</i>	<i>на апостоли те</i>	<i>на лица та</i>
В.	<i>води те,</i>	<i>потоцы те,</i>	<i>апостоли те,</i>	<i>лица та</i>
Зв.	<i>води</i>	<i>потоцы,</i>	<i>апостоли,</i>	<i>лица</i>

Таблица 8

Единственное число			
И.	<i>младыо,</i>	<i>млада та,</i>	<i>младо то</i>
Р.	<i>на-младыа,</i>	<i>на-млада та,</i>	<i>на-младо то</i>
Д.	<i>на младыать,</i>	<i>на млада та,</i>	<i>на младо то</i>
В.	<i>младыать</i>	<i>млада та,</i>	<i>младо то</i>
Зв.	<i>младыи,</i>	<i>млада,</i>	<i>младое</i>
Множественное число			
И.	<i>млади те,</i>	<i>млады те,</i>	<i>млади те</i>
Р.	<i>на-млади те,</i>	<i>на-млады те,</i>	<i>на-млади те</i>
Д.	<i>на млади те,</i>	<i>на млады те,</i>	<i>на млади те</i>
В.	<i>млады те,</i>	<i>млады те,</i>	<i>млади те</i>
Зв.	<i>млади</i>	<i>млады,</i>	<i>млада</i>

формой типа *на-земныа* (*величина та на-земныа шарь, окружность та на-новыа градь*), а не *на-земныать шарь, на-новыать градь*⁹³. Вот как выглядит система падежей прилагательных с членными формами у Неофита (табл. 8).

Такова система падежей, которые Неофит предлагает дифференцировать с помощью членных форм (для муж. рода ед. числа) и черточки в сочетании с частицей *на*. Нужно отметить, что сам Неофит свою точку зрения на такие решения вопросов о падежах и о членных формах как показателях отдельных падежей не считал единственно правильной и единственно приемлемой. Он не настаивал на ней, указывая, что это "лишь мнение, а не непреложное определение" и что он готов изменить свою точку зрения и присоединиться к другой, если та "окажется лучшей и более основательной"⁹⁴.

Нетрудно заметить совершенно искусственный, надуманный характер такой системы, внутренне противоречивой, и, вопреки ожиданиям Неофита, довольно сложной и трудной для усвоения учащимися школ⁹⁵.

Основное внутреннее противоречие такой системы заключается в том, что она построена не для всех существительных, а также прилагательных и числительных, в одинаковом объеме и на одном и том же основании. Если оставить в стороне предложенную Неофитом черточку (дефис) как графическое средство различения род. и дат. падежей, то все остальные различия касаются по существу только слов муж. рода в ед. числе, падежи которых дифференцируются посредством разных членных форм. Слова муж. рода во мн. ч. и слова жен. и ср. родов в ед. и мн. числе остаются внешне столь же недифференцированными, как и слова муж. рода в ед. числе без членных форм. Совершенно ясно, что такое решение вопроса никак нельзя назвать последовательным и имеющим какую-либо опору в живом, народном языке.

В концепции Неофита разграничения падежей ед. числа слов муж. рода любопытна и другая цель, которую он хотел достичь и которая была весьма существенна в то время, а именно: "удовлетворить претензии" приверженцев разных членных форм. Его предложением, как отмечал и сам Неофит⁹⁶, наиболее употребительные членные формы не изгонялись из языка, а закреплялись как показатели определенных падежей.

Тем не менее точка зрения Неофита о падежах заслуживает полного внимания не только потому, что это первое в болгарской грамматической литературе решение вопроса о падежах и к тому же решение довольно остроумное и оригинальное, хотя и противоречивое, но и потому, что она, по существу, уже заключает в себе те элементы, которые вскоре стали предметом оживленных споров между болгарскими грамматистами. Здесь следует указать на следующее. Во-первых, Неофит совершенно ясно и определенно выступил за то, что старых ("славенских") падежей, различаемых с помощью окончаний, в болгарской грамматике нет (он, правда, был бы не против введения некоторых из них, но это сильно удалило бы такую грамматику от народного языка, и поэтому отказывается от таких падежей). Во-вторых, несмотря на отсутствие падежей, различающихся окончаниями, он устанавливает пять падежей, которые отличаются не окончаниями, а наличием/отсутствием частицы *на*, а также членными формами. Здесь важно подчеркнуть, что уже Неофит рассматривает сочетания *на* с именем как падеж — род. и дат., а не как обычное сочетание предлога с именем. В этой связи следует обратить внимание на то, что Неофит в свою систему падежей не включает такие сочетания имени с предлогами, которые следовало бы рассматривать как тв. и местн. падежи. В-третьих, Неофит по существу не различает формально (=орфографически) им. и вин. падежи без членных форм и с членными формами жен. рода (им. п. *вода*, *вода та*, *воды*, *воды те*; вин. п. то же самое), как не различает он им. и вин. падежей мн. числа с помощью разных (орфографически) членных форм (им. и вин. п. *апостоли те*, *воды те*). И, наконец, в-четвертых, Неофит первым из болгарских грамматистов предложил дифференцировать им. падеж и все другие (косвенные) падежи в ед. числе слов мужского рода посредством разных членных форм. Это

предложение нашло в принципе поддержку у многих болгарских грамматистов, хотя и не все они использовали те же членные формы и для тех же падежей, какие предложил Неофит.

В связи с последним нужно заметить, что автором самой идеи разграничения разных падежей с помощью разных членных форм был, по-видимому, не Неофит, а Хр. Павлович. Во всяком случае, еще в книге "Арифметика или наука числительна", вышедшей в свет в 1833 г., т.е. за два года до "Болгарской грамматики" Неофита Рильского, Хр. Павлович довольно последовательно употребляет членную форму *-о* как показатель им. падежа, а членную форму *-а* — как показатель косвенного падежа. В такой же функции эти же членные формы употребляет Хр. Павлович и в "Письменнике общепольном" (1835), например: "Дойдохъ въ нужда да вы смыслимъ за да исплатите свой-а долгъ, на кого-то уреченный-о день уже мина" (с. 37).

Точка зрения Неофита на падежи в болгарском литературном языке не была поддержана и воспринята последующими грамматистами во всем ее объеме. Кроме его предложения о различении падежей с помощью трех разных членных форм, не нашло поддержки также и его предложение разграничивать род. падеж с предлогом *на* от дат. падежа с тем же предлогом с помощью черточки (дефиса) между *на* и именем. По поводу такого различения род. и дат. падежей Г. Крыстевич писал, что независимо от наличия или отсутствия черточки смысл сочетаний с предлогом *на* не меняется и не может измениться, и поэтому постановка черточки в этих случаях излишня⁹⁷.

Однако другие и, пожалуй, более важные положения концепции падежей Неофита были приняты и нашли отражение в грамматических трудах сторонников новоболгарской основы литературного языка. К таким положениям следует отнести констатацию отсутствия падежей в болгарском языке в целом при наличии падежей некоторых имен, включение в систему склонения сочетаний имен с предлогом *на* в значении род. и дат. падежей и установление системы склонения из пяти или менее падежей.

Отсутствие падежей в болгарском языке констатировалось после Неофита многими грамматистами и другими книжниками. Уже на следующий год после выхода его "Болгарской грамматики". В. Априлов писал в известном "циркулярном письме", что "наш язык имеет только один падеж — именительный"⁹⁸. Зная общую концепцию В. Априлова создания литературного языка, можно заключить, что он первоначально не считал нужным вводить в литературный язык падежи, которых нет в народном языке. Впоследствии он, правда, придерживался несколько иной точки зрения (см. ниже). Об отсутствии в болгарском старых падежей, отличающихся окончаниями, говорят потом многие авторы грамматических работ того времени. Так, Г. Крыстевич отмечает (1844—1858), что падежами являются окончания имен, которые, кроме рода и числа, показывают "некоторые другие отношения", и что в языке столько падежей, сколько окончаний имеют склоняемые слова⁹⁹. Исходя из этого, он констати-

рует, что в болгарском имеется только одно "такое окончание", которое, кроме рода и числа, указывает на "различные отношения", поэтому в нем имеется "только один истинный падеж"¹⁰⁰. Г. Миркович решительно предлагает (1860) выбросить из болгарских грамматик всякие падежи, ибо их нет в болгарском языке¹⁰¹. И. Момчилов указывает (1868), что падежи с разными окончаниями в болгарском языке не сохранились, кроме немногочисленных архаизмов¹⁰². С. Филаретов говорил (1854) о том, что "в новоболгарском языке, за исключением немногих случаев, почти что нет падежей"¹⁰³ и подчеркивает, что в нем все падежи в ед. и мн. числе "совершенно сходны с именительным"¹⁰⁴. Подобные утверждения находим и у многих других авторов. Все они, будучи сторонниками чисто народной основы литературного языка, считали, что такое "состояние" падежей должно быть закреплено в литературном языке и что введение старых падежей вместо "падежей, общих с именительным", противоречило бы самому характеру болгарского языка.

Вместе с тем почти все грамматисты и некоторые другие книжники, касавшиеся вопроса о падежах, считали нужным сохранить старые падежи для некоторых разрядов существительных. Что касается того, какие конкретно падежи и от каких именно существительных должны выступать и в литературном языке, мнения писавших были разные.

Многие грамматисты, по примеру Н. Рильского, устанавливают систему склонения из пяти падежей.

Так, И. Богоров писал (1844), что в "болгарском языке имеется пять падежей: именительный, родительный, дательный, винительный и звательный"¹⁰⁵. Формально все эти падежи, кроме звательного, не различаются: для всех них имеется одна и та же форма. Им. и вин. падежи слов м. рода, за исключением собственных имен мужского пола, и слов ср. рода всегда совпадают. Дат. и вин. падежи слов м. и ср. родов отличаются от им. и вин. падежей только наличием *на* и между собой формально не различаются¹⁰⁶, кроме собственных имен мужского пола. Для последних И. Богоров указывает форму род. падежа на *-а* (*-ж*) только в сочетании с *на* (*на Драгоа, на Марка*). Для дат. падежа этих имен он устанавливает две параллельные формы — одну, тождественную только что указанной форме род. падежа, и другую — со старым окончанием *-у* (*-ю*). При этом остается не ясным, какой из них И. Богоров отдает предпочтение: в одном случае он первой приводит форму *на Драгана*, давая лишь в скобках и возможную форму на *-ну* (*Драгану*), а в другом случае первой приводит форму на *-у* (*-ю*) (*Драгою, Марку*), рядом с которыми даны и *на Драго, на Марка*¹⁰⁷. Такие же формы И. Богоров указывает и для слов *бог* и *господь*. От нарицательных слов м. рода, обозначающих родство, он устанавливает для вин. п. форму на *-а* (*-ж*) (*сына, брата, мжжа, кржстника, зета*), для род. падежа форму типа *на сына*, для дат. падежа — в одних случаях форму, тождественную с формой род. падежа с предлогом *на* (*на брата, на кржстника, на зета*), в других случаях — параллельные формы: сочетания *на* или с общей формой (*на сын, на*

мжжъ) или с формой на *-а* (на сына, на мжжа)¹⁰⁸. В отличие от Неофита, Богоров не приводит подобных форм для одушевленных существительных нарицательных, род. и дат. падежи которых у него имеют только аналитическую форму (на славейтъ, на старецъ ть и под.)¹⁰⁹.

Для слов жен. рода И. Богоров предлагает в общем такую же систему падежей, с той только разницей по сравнению с именами муж. и ср. родов, что он вводит орфографическое различие между им. и вин. падежами: в им. падеже окончание *-а* (*-а*) и *а* в членной форме (*душата, робыната, Мара, Мариа*), в вин. падеже — окончания *-ж* (*ж*) и *-ж* в членной форме (*душжтж, робыжтж Марж, Мариж*) также и у существительных на согласный: *радостьж*¹¹⁰. Дат. и род. падежи слов ж. рода также имеют аналитическую форму *на+* общая форма, типа *на Марица, на Мариа, на душата*, и только собственные имена, обозначающие лиц женского рода и имена родства имеют, по И. Богорову, дат. падеж на *-и* наряду с обычной аналитической формой, *Мари* и *на Мара, Мари* и *на Мариа*, также и *Богородици* и *на Богородица*, но для слова *свекжрва* первой выступает аналитическая форма: *на свекжрва* и *свекжрви*¹¹¹.

Изложенную в 1-м издании грамматики точку зрения на падежи И. Богоров повторяет и во втором ее издании (1848)¹¹². Позднее, однако, он отказался от орфографического различия им. и вин. падежей.

Пять падежей приводит в своей грамматике также И. Момчилов, несмотря на более чем определенное утверждение его о том, что в болгарском языке падежей с разными окончаниями нет и что вместо них употребляются сочетания имен с предлогами. Однако и он "для более легкого определения отношений"¹¹³ между "названиями предметов" устанавливает для болгарской грамматики 5 падежей — именительный, родительный, дательный, винительный и звательный. Формально Ив. Момчилов различает от им. падежа только зв. падеж, имеющий особое окончание. Во всех остальных падежах выступает одна и та же общая для всех них форма имени. При этом им. падеж полностью совпадает с вин. падежом, род. и дат. падежи, отличающиеся от им. и вин. наличием *на*, в свою очередь тоже совпадают¹¹⁴. Важно подчеркнуть, что И. Момчилов, в отличие от Богорова, Й. Груева и других грамматистов и писателей, не устанавливает орфографического различия между им. и вин. падежами слов жен. рода ед. числа и им. и вин. падежа мн. числа. Вот как выглядит система падежей по Момчилову¹¹⁵ (табл. 9).

Так склоняются, по Момчилову, нарицательные существительные. Так же в принципе, т.е. без различий в окончаниях, склоняются и прилагательные и числительные¹¹⁶, с той лишь разницей, правда, весьма существенной, что им. падежи ед. числа слов муж. рода имеют членную форму *-ять* (*новыять поясъ*), а остальные падежи членную форму *-я* (род. и дат. падежи — *на новыя поясъ*, вин. падеж — *новыя поясъ*)¹¹⁷, т.е. так же, как и в современном литературном языке.

Что касается собственных имен, то для них Ив. Момчилов также

Таблица 9

Единственное число			
И.	<i>соколь</i>	<i>гора,</i>	<i>лице</i>
Р.	<i>на соколь</i>	<i>на гора,</i>	<i>на лице</i>
Д.	<i>на соколь</i>	<i>на гора,</i>	<i>на лице</i>
В.	<i>соколь</i>	<i>гора</i>	<i>лице</i>
Зв.	<i>соколо,</i>	<i>горо</i>	<i>лице</i>
Множественное число			
И.	<i>соколы,</i>	<i>горы,</i>	<i>лица</i>
Р.	<i>на соколы,</i>	<i>на горы,</i>	<i>на лица,</i>
Д.	<i>на соколы</i>	<i>на горы,</i>	<i>на лица,</i>
В.	<i>соколы</i>	<i>горы</i>	<i>лица,</i>
Зв.	<i>соколы,</i>	<i>горы</i>	<i>лица</i>

Таблица 10

	муж. род	жен. род
И.	<i>Драгань</i>	<i>Неда</i>
Р.	<i>На Драгана,</i>	<i>на Неда,</i>
Д.	<i>на Драгану,-ну,</i>	<i>На Неда, Неду,</i>
В.	<i>Драгана,</i>	<i>Неда</i>
Зв.	<i>Драгане,</i>	<i>Недо.</i>

устанавливает 5 падежей, но уже с различиями в окончаниях им. падежа и косвенных падежей. Эти различия видны из следующих примеров¹¹⁸ (табл. 10).

О прилагательных в сочетании с собственными именами Ив. Момчилов отмечает, что они "употребляются в косвенных падежах со старыми окончаниями", например, им. *Светый Ивань*, род. *на светого Ивана*, дат. *на светого Ивана* или *светому Ивану*, вин. *светого Ивана*, зв. *светый Иване*, и что обычно еще говорят: *покани дъртыго дядя, бих пиеньго Петка* — вин. падеж; *поклони са злomu като светому* — дат. падеж¹¹⁹.

К числу падежных архаизмов, унаследованных, как пишет Момчилов, от древнеболгарского языка и употребляемых в настоящее время в старых песнях и в некоторых выражениях, он относит такие примеры, как: род. падеж — *из Будима града, засбираль оть мокра пжна, излъзе изь кжци, осемь стотинь*; дат. падеж — *моли са богу, мама Стояну думаше, Стоян мами думаше, Петко Ради пръстенъ даде*, а также старые падежные формы, употребляемые ныне как наречия: *снощи, довечера, удома* (род. п.), *редомь, даромь, тихомь, мълкомь, денемь, нощемь* (тв. п. и др.)¹²⁰.

В принципе такую же систему склонения приводит и Н. Пырванов (1868), который пишет, что "мы имеем три или в более строгом смысле слова только два падежа: именительный и звательный"¹²¹. Однако для выражения именем "всех отношений", по его мнению,

"нужны пять падежей", а именно: именительный, родительный, дательный, винительный и звательный, которые он называет и порядковыми числительными (первый, второй и т.д.)¹²². Как и Ив. Момчилов, он также не устанавливает орфографического различия между им. и вин. падежами ед. числа слов жен. рода (*гора-та*) и им. и вин. падежей слов муж. и жен. рода во мн. числе (*човѣци, учители-тѣ; власти; гори-тѣ*)¹²³.

Так же поступает несколько позднее и Т. Шишков (1872), который отмечает, что из пяти падежей (им., род., дат., вин., зв.), существующих в болгарском языке, лишь два падежа — им. и зв. — имеют особые формы, а другие образуются с помощью разных предлогов¹²⁴. Он, правда, для дат. падежа указывает наряду с аналитической (типа *на народа*) старую форму на -у не только для собственных имен (*Андрею*), но и для нарицательных (*народу*), замечая лишь, что такая форма употребляется без предлога, и ничего не говоря о сфере ее употребления¹²⁵. Как и Ив. Момчилов, Т. Шишков тоже отмечает "некоторые падежные архаизмы", встречающиеся "только в старых народных песнях и в некоторых других выражениях", например, род. п. — *изъ Будима града, отъ кѣщи вѣнь, ума нѣмашъ*; дат. п. — *мама Стуяну думаше, сынъ мами си дума*, тв. п. — *редомъ, тихомъ, даромъ*, выступающие уже как наречия, и *сбогомъ* — как междометие¹²⁶.

Раньше Т. Шишков (1859) указывал лишь два падежа — им. и зв., которые он называет "общими", т.е. свойственными всем именам существительным. Кроме них он отмечает также и два "частных" падежа — дат. и вин., которые образуются только от собственных имен и имен, обозначающих родство, муж. и жен. рода (*Боян, Ганчо, Стойка, Неда; братъ, сестра* и под.). Эти существительные склоняются "по-староболгарски" и имеют окончания в дат. падеже -у, -ю (м.р.) и -и, -ѣ (ж.р.), в вин. падеже -а, -я (м.р.), -а, -я (муж. и жен. род). Т. Шишков отмечает также, что некоторые из существительных, имеющих только им. и зв. падежи, "принимают образ староболгарского творительного падежа на -ъмъ или -емъ", становясь наречиями, например, *родомъ, ночью, сбогомъ*. Все прилагательные и числительные также имеют только им. и зв. падежи, кроме *един* и *други*, имеющих дат. *едному, другому* и вин. *едного, друго*. Такие же падежи образуются и местоимениями *мой, твой, свой, наш, ваш, този, онзи* в ед. числе, если они относятся к существительным, обозначающим только лиц мужского рода¹²⁷.

Систему склонения из пяти падежей вводит в свою грамматику и Т. Хрулев. Он отмечает, что в болгарском языке есть им., род., дат., вин. и зв. падежи, характеризующиеся особыми окончаниями¹²⁸. Кроме совпадающих аналитических форм род. и дат. падежей (типа *на орела, на вода та*), Т. Хрулев приводит также и формы со старыми падежными окончаниями: род. *орла, орловъ, воды, водъ*; дат. *орлу, орломъ; водж, водамъ*. Кроме того, он разграничивает им. и вин. падежи ед. числа слов жен. рода (*вода-та* и *водж-тж*), а аналитическую форму род. и дат. падежей ед. числа слов муж. рода с окон-

чанием *-а* (на *орела*) разграничивает от совпадающей формы им. и вин. падежей (*орель-ть*). Правда, Т. Хрулев указывает (без каких-либо оговорок) и параллельные формы род. и вин. падежей на *-а* (*орела*)¹²⁹. Вводя старые падежные формы, особенно род. и дат. падежей и для нарицательных имен (*орел, вода, земля, воевода* и пр.), Т. Хрулев, таким образом, значительно архаизирует именное склонение, хотя наряду с ними и указывает аналитические формы.

В отличие от названных выше грамматистов Й. Груев, автор популярного в 50—70-е годы учебника (I изд. — 1858 г.), устанавливает для болгарского языка четыре падежа — им., дат., вин. и зв. Он, как видим, не указывает род. падежа. Он также признает падежами окончания имен, с помощью которых выражаются отношения предметов друг к другу¹³⁰.

Вин. падеж, по Й. Груеву имеют все слова муж. и жен. родов, так как этот падеж имеет особое окончание. В словах муж. рода ед. числа выступает *-а*, если "речь идет о предмете определенном и известном"¹³¹, в противном случае употребляется форма, совпадающая с им. падежом; во мн. ч. выступают окончания *-ы* или *-и* в зависимости от характера основы (при соотв. *-и* и *-я* в им. п.). Слова жен. рода в вин. падеже ед. числа имеют окончание *-ж* или *-яж* (ср. *-а, -я* в им. п.), а вин. падеж мн. числа совпадает с именительным.

О дат. падеже Й. Груев высказывает в разных изданиях грамматики несколько различное мнение. В 1-м издании он отмечает, что этот падеж в болгарском употребляется только в ед. числе у имен муж. рода и у собственных имен жен. рода¹³², например, *прѣстолу, учителю, Стояну* (м.р.) и *Ради, Велици* (ж.р.). У нарицательных имен жен. рода и всех имен ср. рода функцию дат. падежа выполняет "винительный падеж в сочетании с предлогом *на*"¹³³. Во 2-м и последующих изданиях Й. Груев характеризует употребление дат. падежа иначе, а именно, что дат. падеж "употребляется только в ед. числе у собственных имен и у имен, показывающих родство, например: *Стояну, Ради, Николчу, баю, страни, лели* и др."¹³⁴. Здесь, таким образом, употребление дат. падежа ограничивается только собственными именами муж. и жен. родов, а из нарицательных имен — только именами, обозначающими родство.

Относительно других падежей — родительного, творительного и предложного — Й. Груев замечает, что в болгарском языке обнаруживаются лишь их следы, например: *заходь сльнца, много годинь; съ богомь; въ кжци, на врѣмени* и под. Значения этих падежей в болгарском выражаются сочетанием предлогов с вин. падежом¹³⁵. О род. падеже Й. Груев потом (по-видимому, не без влияния статьи упоминавшейся выше о падежах Г. Крыстевича) специально отмечает, что этот падеж в болгарском языке "выражается в большинстве случаев с помощью притяжательного прилагательного, например: *Петровъ сынъ, бащина кжца* вместо *сынъ на Петра, кжца на бацж*"¹³⁶.

Таким образом, для нарицательных, исключая родственные, имен

Таблица 11

	Муж. р.			Жен. р.			Ср. р	
Ед. ч. И	ъ	ь	й	а	я	ь	о	о
В.	ъ, а	ь, я	й, я	ж	ж	ь		
Зв.	е у	ю	ю	о	е	е		
Мн. ч. И.	и	ѣ	е	ы	и	и	а	} а, я, ста, сна
В.	ы	и	и	ы	и	и		
Зв.	и	ѣ	е	ы	и	и		

Таблица 12

	Муж. род.		Жен. род	
Ед. ч. И.	ъ,	й	а	я
Д.	у,	ю	и	и
В.	а,	я	ж	ѣж
Зв.	е	е	о	о

Й. Груев фактически устанавливает склонение из трех падежей с окончаниями¹³⁷ (см. табл. 11).

Первоначально Й. Груев, как сказано выше, включал в парадигму склонения также и дат. падеж слов муж. рода на -у(-ю).

В общем же, если исключить из этой парадигмы окончания вин. падежа муж. рода -а, -я, фактически являющиеся членными формами, то показателями вин. падежа у Й. Груева выступают только орфографические варианты окончаний: -ж, -ѣж в ед. числе слов жен. рода и -ы, -и — во мн. числе слов муж. рода.

Для собственных имен и имен, обозначающих родство, Й. Груев предлагает систему падежей¹³⁸ (см. табл. 12).

Для этих имен Й. Груев, таким образом, устанавливает систему из четырех падежей, каждый из которых имеет свои окончания. Здесь обращает на себя внимание тот факт, что для вин. и дат. падежей Й. Груев приводит только формы, различающиеся окончаниями.

В принципе такую же систему склонения устанавливает Й. Груев и для прилагательных, с той лишь разницей, что краткие формы муж. рода в вин. падеже совпадают с им. падежом, а полные формы муж. рода (полные формы жен. и ср. родов, по Груеву, в болгарском языке не употребляются) имеют в вин. падеже старое окончание -аго (старого), а в дат. падеже -ому (старому)¹³⁹, которое впоследствии им было исключено из системы склонения¹⁴⁰.

Склонение из четырех падежей (им., дат., вин., зв.) устанавливают, вслед за Й. Груевым, и некоторые другие грамматисты, например, Д. Войников¹⁴¹, Я. Кочов¹⁴². Д. Войников также отмечает, что дат. падеж встречается только в народных песнях, а в разговорной речи почти не употребляется¹⁴³. В другом месте он говорит, что дат. падеж имеют собственные имена и имена, обозначающие родство, и что он употребляется только в песнях¹⁴⁴.

Г. Крыстевич, посвятивший вопросу о падежах одно из своих "Писем", исходит также из того, что в болгарском языке имеется только "один истинный падеж" (ед. ч. *добрь человекъ, добра жена, добро дѣте*; мн. ч. *добры человекъци, добры жены, добры дѣца*), который употребляется с членной формой или без нее во всех случаях, где в других языках употребляются разные окончания. Он, однако, как и другие грамматисты, а вслед за ними и многие писатели, все же не отказывался от разграничения им. и вин. падежей ед. числа у слов жен. рода посредством орфографически разных окончаний: им. п. *-а, -я*, вин. п. *-ж, ѝж* и этих же падежей мн. числа у слов муж. рода: им. п. *-и*, вин. п. *-ы*¹⁴⁵. Таково общее правило, которое, по Г. Крыстевичу, имеет два исключения: 1) слова муж. и жен. рода в ед. числе имеют два падежа: *человѣкъ — человекѣ, жена — жено*, 2) собственные имена "отчасти ("частично") склоняются по староболгарски и имеют три или четыре падежа: *Ненко, Ненку, Ненка; Божиль, Божилу, Божила, Божиле* и под.¹⁴⁶. Кроме того, имеются падежи у местоимений. О формах дат. падежа *Ненку, Пенку, Божилу, Драгану, Гани, Мариу, Цони, Ради* и под. Г. Крыстевич замечает, что они "употребляются обычно в песнях и в стихотворениях"¹⁴⁷. Интересно, что подобного рода оговорки относительно форм типа *Ненка, Божила*, т.е. вин. падежа, Г. Крыстевич не делает, считая, видимо, их вполне обычными. Кроме того, он указывает, что от некоторых имен муж. и ср. родов "очень редко" употребляется и форма тв. падежа, например: *оставай съ богомъ, именемъ Феодоръ, родомъ Котлянецъ, редомъ, даромъ, тихомъ, денемъ и ношемъ* и под.¹⁴⁸, т.е. в застывших фразеологизмах или наречиях.

Об употреблении некоторых падежей от собственных имен говорит также С. Филаретов (1854). Прочие (несобственные) имена, по его мнению, имеют в болгарском языке только окончания им. и зв. падежей¹⁴⁹. У собственных же имен он выделяет род. п. (*богъ, Петра* наряду с *на бога, на Петра*), дат. п. (*богу, Петру* наряду с *на бога, на Петра*), вин. п. (*бога, Петра*), даже тв. п. (*с богомъ* — вероятно, отражение предложного словосочетания как фразеологизма; срв. *съ Петра, а не съ Петромъ!*); для пр. (местн.) указано сочетание формы на *-а* с предлогом (*за, зарад бога, Петра*)¹⁵⁰.

Относительно прилагательных С. Филаретов считает, что они не склоняются, за исключением тех случаев, когда сочетаются с собственными именами. В таких сочетаниях они "принимают окончание" падежей имен, например: *Петаръ Велики, на Петра Великаго, Петру Великому, съ Петра Великаго (?)*, *за, зарадъ Петра Великаго* и даже *о Петре Велики (!)*¹⁵¹.

Возможность закрепления старых падежей в болгарском литературном языке не исключал С. Радулов, который видел основу этого языка в современных балканских говорах. Он писал (1853), что вопрос о том, "примет ли болгарский язык свои утраченные падежные окончания" или нет, должно решить молодое поколение болгар¹⁵². Сам он в некоторых своих произведениях (см., например, "Галерею из Монтионовских премий", 1857) довольно часто употребляет падежные формы. Это вызвало даже положительный от-

зык неизвестного автора, отметившего, что С. Радуловым здесь "падежи славянские с понятностью употреблены"¹⁵³, и что вообще язык переведенной книги ему очень нравится ("нямъ много угодива този начин языкъ")¹⁵⁴. Правда, сам С. Радулов в предисловии к этой книге отмечает лишь, что встречающиеся у него "дательные падежи на месте родительного не являются новизной болгарского языка" и что такое употребление их он рассматривает как "применение в книжном языке тех падежей, которые существуют в старинных песнях и кое-где в разговорном языке"¹⁵⁵.

Р. Жинзифов (1863), употреблявший падежи "в некоторых местах в своих переводах" в "Новобългарска сбирка", также ссылаясь на наличие падежей в народном языке. Он отмечает, что, употребляя падежи, "мы не переступили законов (насколько мы знаем) болгарского языка"¹⁵⁶, ибо они еще известны в народном языке, в чем можно убедиться, если посмотреть народные песни. Именно народные песни покажут, "сохранил ли наш язык падежи или не сохранил"¹⁵⁷.

Нужно отметить, что за утверждение в литературном языке старых падежей выступали даже некоторые из книжников, решительно отстаивавших его народную основу, включая и такую характерную его особенность, как употребление членных форм. В этом отношении очень показательным мнением В. Априлова, одного из выдающихся приверженцев народной основы литературного языка. Первоначально (1836) В. Априлов, как сказано выше, считал, что в литературном языке падежей, различающихся окончаниями, не должно быть. Позднее (1846—1847 гг.) он изменил свою точку зрения и уже определенно заявляет, что старые падежи болгарскому литературному языку нужны. Осуждая Хр. Павловича за стремление утвердить в Болгарии литературный язык с несвойственными народному языку особенностями, В. Априлов в частности и в это время решительно выступает за защиту изгнанных Хр. Павловичем членных форм и звука *ъ* (у него: *ж*), советует также не употреблять введенных Хр. Павловичем причастий настоящего времени. Однако в вопросе о падежах В. Априлов соглашается с Хр. Павловичем: "Что касается староболгарских падежей, то мы согласны, чтобы они удержались наряду с новыми, ибо они сохранились в притчах и песнях и облегчают писание"¹⁵⁸. В другом месте, рассматривая недостатки грамматики И. Богорова, В. Априлов пишет, что эта грамматика была бы лучше, если бы И. Богоров в частности в ней, "положил и словенские падежи"¹⁵⁹.

Точка зрения В. Априлова обращает на себя внимание двумя моментами. Во-первых, он считает целесообразным утвердить старые падежи (с флексиями) наряду с новыми падежами, которыми он признавал сочетания имен с *на* (и, вероятно, с другими предлогами). В. Априлов, таким образом, в отличие от Хр. Павловича, не лишает полностью болгарский литературный язык важнейшей новоболгарской особенности — аналитического склонения. Во-вторых, интересны и те причины, которые заставили В. Априлова согласиться с Хр. Павловичем и принять старые падежи. Главная причина для

него, в отличие от Хр. Павловича, состоит не в том, что эти падежи употреблялись в староболгарском языке или употребляются в других славянских языках, а в том, что они еще встречаются в произведениях народного творчества, т.е. и в живом языке народа. Иначе говоря, идя на компромисс с Хр. Павловичем только в вопросе о падежах, В. Априлов полагал, что сам он опирается на народный язык и не изменяет своему основополагающему тезису о создании литературного языка на базе народной речи. Другая причина примитивного отношения В. Априлова к старым падежам заключается в том, что он не был уверен в возможности писать "сладко и гладко" без старых падежей. Его, по-видимому, смущало однообразие конструкций с *на* и другими предлогами, которое могло привести к их нагромождению в тексте и в результате этого — к искажению смысла. Здесь, может быть, сказалось влияние прежде всего Хр. Павловича, но не только его. О неясности смысла, якобы происходящего из-за отсутствия старых падежей, еще раньше писал Неофит Рильский.

В вопросе о падежах В. Априлов, таким образом, занимает не совсем последовательную позицию, советуя утвердить в качестве нормы литературного языка и старые падежи, сохранившиеся в произведениях народного творчества, как известно, лишь как архаизмы. Данного вопроса В. Априлов касается бегло, поэтому судить более определенно о его мнении относительно характера употребления старых падежей и их соотношения с новыми (аналитическими) не представляется возможным. Важно тем не менее подчеркнуть, что доводы, которые выдвигал В. Априлов в пользу употребления падежей, находим позднее и у других грамматистов и книжников, допускаящих употребление старых падежных форм.

Оригинальное объяснение необходимости закрепления в литературном языке двух старых падежей — дат. и род. — приводит Е. Васкидович (1852). Употребление этих падежей, по его мнению, необходимо просто потому, что этот язык (он говорит о письменном языке) должен непременно чем-то отличаться от языка простонародного¹⁶⁰. Всего же, по Е. Васкидовичу, в болгарском языке имеется пять падежей — им., род., дат., вин. и зв.¹⁶¹ И здесь обращает на себя внимание тот факт, что болгарский книжник вводит именно род. и дат. падежи, остатки (следы) которых, особенно у имен собственных, еще встречались в народном языке того времени.

Итак, многие авторы грамматических трудов и другие книжники того времени, рассматривая отсутствие падежей как характерную особенность болгарского языка и вводя в литературный язык аналитическую систему склонения имен, в то же время предлагали закрепить в литературном языке и отдельные старые падежи.

По вопросу о том, какие именно и от каких имен следует закрепить падежи, были, как видно из вышеизложенного, разные точки зрения. Большинство писавших о падежах авторов считало, что в литературном языке должны употребляться старые формы дат. и вин. падежей, но не от всех существительных, а лишь от собственных имен и имен, обозначающих родство. При этом обычно признавалось, что старые падежи от этих имен употребляются параллельно с но-

выми (аналитическими) формами. Реже указывался старый род. падеж. Что касается твор. и предл. (местн.) падежей, то они сторонниками народной основы литературного языка рассматривались как архаизмы, которые могут употребляться лишь в определенных сочетаниях, а также в качестве наречий. Предложения некоторых книжников утвердить в литературном языке все старые падежи, наряду с аналитическими формами склонения, успеха не имели.

В доказательство того, что в литературном языке должны употребляться и отдельные формы старых падежей, сторонники народной основы приводили два аргумента.

Основной их аргумент сводится к тому, что в народном языке, кроме им. и зв. падежей, употребляются и другие падежи. Таковы прежде всего дат. и вин. падежи от имен собственных и имен, обозначающих родство. Кроме того, в народном языке встречаются и формы других падежей, выступающие уже преимущественно в качестве наречий. Именно эти падежи предлагалось закрепить и в литературном языке. Таким образом, предлагая утвердить их в качестве нормы литературного языка, наряду с аналитическими формами, грамматисты как бы поступали в соответствии с принятым ими принципом создания литературного языка на народной основе. В этой связи нужно подчеркнуть, что многие грамматисты и другие книжники ссылались также на употребление отдельных падежей и в произведениях народного творчества. Ссылка на язык фольклора, в частности песен, вообще говоря, не всегда может быть убедительной, так как известно, что фольклорные произведения сохраняют и такие языковые черты, которые в разговорном народном языке в данное время могут уже отсутствовать. Однако обращение к языку фольклорных произведений показательно в том отношении, что употребление падежей в них, как в собственных произведениях болгарского народа, свидетельствовало об этих падежах как о формах, присущих именно болгарскому языку.

Другой аргумент в пользу утверждения в литературном языке некоторых старых падежей заключается в том, что, по мнению книжников того времени, падежи, во-первых, устраняют смысловую неясность в ряде случаев, проистекающую якобы из-за нагромождения сочетаний с предлогом *на*, и, во-вторых, способствуют стилистическому разнообразию языка.

Однако не все грамматисты придерживались той точки зрения, что указанные падежи могут иметь место в литературном языке. Выказывалось также мнение, что никаких падежей, кроме им. и зв., в этом языке быть не должно. Такой взгляд изложен, например, в грамматике Г. Мирковича (1860). В предисловии к этой грамматике Г. Миркович писал, что поскольку в болгарском языке падежей нет, то, следовательно, их описание в грамматиках болгарского языка "как противное природе языка представляет собой заблуждение и ненужное" ("празно") затруднение для детей¹⁶², устранить которое можно выбросив "падежи и вместо них изложить правила, определяемые природой языка"¹⁶³. В соответствии с этим Миркович говорит лишь об им. и зв. падежах (последний только в ед. числе)

и отмечает, что другие падежи выражаются или посредством сочетания *на* и им. падежа или только им. падежом (другими словами — общей формой), например, вместо род. и дат. падежей — *на человекъ*, вместо вин. падежа — *человекъ*. Относительно употребляемых некоторыми писателями форм прилагательных на *-му* и *-аго*, Г. Миркович замечает, что это свойство ("идиотизм") "славянского или русского, а не болгарского языка"¹⁶⁴.

Таким образом, Д. Миркович, в отличие от большинства грамматистов того времени, для всех имен без исключения устанавливает только две формы — им. и зв. падежи.

Эта крайняя для того времени точка зрения встретила возражения других книжников. Так, Т. Стоянов-Бурмов в рецензии на грамматику Д. Мирковича отмечает, что собственные имена и имена, обозначающие родство, кроме им. и зв. падежей, имеют еще один падеж¹⁶⁵ и что в разговорном болгарском языке и особенно в песнях встречаются и другие падежи, в частности дат. п. (*Стояну, Радъ, майцъ*)¹⁶⁶. Он считает поэтому, что в болгарский язык нужно, кроме им. и зв. падежей, "допустить" и другие падежи, которые, однако, должны употребляться не во всех случаях вместо предлогов, а лишь иногда — для "облегчения и разнообразия", как это имеет место также в "разговорном и песенном языке"¹⁶⁷.

В этой связи нужно отметить, что не все грамматисты были согласны и с чисто орфографическим различием некоторых падежей, прежде всего им. и вин. падежей ед. числа слов жен. рода и им. и вин. падежей мн. числа (точнее: в обоих случаях речь должна идти не о вин. падеже как таковом, а об общей форме косвенных падежей). Из сказанного выше видно, что такого разграничения падежей, следуя традиции, придерживались многие книжники, в том числе и авторы известных трудов по грамматике (И. Богоров, Й. Груев, Г. Крыстевич и др., не говоря уже о приверженцах "славянской" школы). В то же время некоторые грамматисты (И. Момчилов, Н. Пырванов, Г. Миркович) считали, что, поскольку в болгарском языке нет падежей, нет оснований и для разграничения каких-либо падежей с помощью разных окончаний. Такого же мнения придерживался и Хр. Сичан-Николов, который говорил о необходимости единообразного обозначения слов жен. рода в значении им. и косвенных падежей (с окончанием *-а*)¹⁶⁸.

Эта точка зрения, хотя и не стала общепризнанной, к 70-м годам находит все больше сторонников, в том числе и среди тех, кто раньше орфографически разграничивал отдельные падежи. Здесь можно сослаться на И. Богорова, который еще в 40-е годы (в грамматиках 1844 и 1848 г.), как уже отмечалось выше, писал им.падеж с окончанием *-а*, а вин. падеж — с окончанием *-ж*. Теперь же (1870) он принимает в обоих случаях окончание *-а* на том основании, что в болгарском языке "нет падежей"¹⁶⁹.

Подытоживая сказанное выше о падежах, следует подчеркнуть следующее:

1. Попытки некоторых грамматистов и других книжников эпохи Возрождения утвердить в болгарском литературном языке всю ста-

рую систему падежей, представленную в церковнославянском или древнеболгарском языке, не увенчались успехом. Причина этого лежит в том, что в народном языке старых падежей, за редким исключением, не было, поэтому их введение ("восстановление") резко противоречило бы характеру живого, народного языка, положенного большинством книжников в основу литературного языка, удаляло бы литературный язык от народного языка.

2. В болгарском литературном языке установилась аналитическая система склонения, свойственная и народному языку. Однако в рассматриваемые десятилетия еще сравнительно часто употреблялись отдельные падежи, образуемые от некоторых групп существительных, прежде всего дат. и вин. падежи собственных имен и имен, обозначающих родство, что нашло отражение в грамматиках и других трудах многих авторов. Объективной причиной, объясняющей употребление в литературном языке того времени указанных падежей, является то, что эти падежи еще были живы в народном языке и встречались в произведениях народного творчества. Что касается других падежей — род., тв., предл. — то они уже в то время большинством авторов рассматривались как архаизмы и допускались сторонниками утверждения народно-разговорной основы литературного языка лишь в составе определенных выражений или же в функции наречий.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. "Славяноболгарское детоводство. Крагуевац, 1835. Ч. 3. С. 20.

² Павлович Хр. Грамматика славеноболгарска. Изд. I. В Будиме, 1836, с. 7, 14 и след.

³ Павлович Хр. Грамматика славеноболгарска. Изд. 2. Белград, 1845, с. 6.

⁴ Андреев И. [Богоров]. Първичка българска словница. С. 7. Однако в 1-м издании грамматики (1844) И. Богоров понятие падежей не связывает с окончаниями (см. ниже).

⁵ Груев Й. Основа за българска граматика. Белград, 1858. С. 7.

⁶ Там же.

⁷ Хрулев Т. Българска граматика. Букурещ, 1859. С. 12.

⁸ Рилски Н. Болгарска граматика сега перво сочинена. В Крагуевце, 1835. С. 60.

⁹ Там же. С. 58.

¹⁰ Там же. С. 58—59.

¹¹ Там же. С. 64.

¹² Неофит отмечает, что для выражения "неопределенного разума", т.е. значения неопределенности, в случаях, когда отсутствуют членные формы, "мы не имеем различных окончаний в падежах" (Указ. соч. С. 62).

¹³ Не все грамматисты, однако, разделяли мнение Неофита о разграничении предлога *на* и частицы *на*. Высказывалось мнение, что такое разграничение и по существу и терминологически едва ли состоятельно. Так, Г. Крыстевич (1844—1858) отмечал, что вряд ли Неофит был прав, утверждая, будто *на* в сочетаниях с именем, имеющих значение род. и дат. падежей, не является предлогом (см. Български книжници, 1858. Ч. III. С. 254). Однако сам Г. Крыстевич, хотя и утверждает, что в этих сочетаниях *на* "явственно" выступает как предлог, не доказывает это утверждение ничем, кроме сопоставления старых род. и дат. падежей с соответствующими им в новоболгарском сочетаниями *на*+имя. Г. Крыстевич, таким образом, не понял всей глубины семантического различия между сочетанием *на*+имя в значении род. и дат. падежей и *на*+имя (как и сочетанием других предлогов с именем) в значении других падежей.

- ¹⁴ *Андреев И. (Богоров)*. Първичка българска граматика. С. 11. Во 2-м издании грамматики (1848) И. Богоров, как упоминалось выше, связывает понятие падежа с различием в окончаниях, однако и здесь по-прежнему включает сочетания *на+имя* в систему склонения как род. и дат. падежи.
- ¹⁵ Там же.
- ¹⁶ *Момчилов Ив.Н.* Грамматика за новобългарския език. Русчук, 1868. С. 16.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Там же. С. 16—17.
- ¹⁹ *Пръванов Н.* Извод из българската граматика. (Законете на българският език). Русчук, 1870. С. 8.
- ²⁰ *Филаретов С.* Основные правила новоболгарского языка // Карманная книга для русских воинов, находящихся в походах против турок по болгарским землям. СПб., 1854. С. 122.
- ²¹ *Пръванов Н.* Бележки врѣх Грамматиката за новобългарския език от Ив.Н. Момчилова. Русчук, 1868. С. 18.
- ²² Нужно, впрочем, отметить, что Н. Пырванов здесь не указывает точно, что речь у него идет именно о сочетании *на* с именем как о род. падеже. Поскольку у И. Момчилова для собственных имен приведена и форма род. п. на *-а(-я)*, типа *Петка, Радея*, то можно было бы думать, что речь здесь идет именно об этих формах род. падежа. Это, однако, противоречит общим взглядам Н. Пырванова на основу литературного языка.
- ²³ *Миркович Д.* Кратка и методическа българска граматика. Цариград; Галата, 1860. С. II.
- ²⁴ См. Турция. Г. IX, N 16. 16.VI. 1873.
- ²⁵ Об известном противоречии в таких суждениях этих грамматистов, которого они сами, вероятно, не замечали, говорит следующий пример. И. Момчилов, приведя образец парадигмы из пяти падежей — соколь, на соколь, на соколь, соколь, соколо (*Момчилов И.* Указ. соч. С. 18), в примечании отмечает, что в последующих примерах склонения "излагаются падежи только с разными окончаниями, а другие падежи, ради экономии места, не приводятся" (с. 19). И в дальнейшем И. Момчилов указывает только "общую форму" и зв. падеж.
- ²⁶ *Павлович Хр.* Грамматика славеноболгарска, 1836, с. 8. Любопытно, что эта таблица приводится под заголовком "Члены", а о самих падежах Хр. Павлович говорит, что они "разумеются из следующей таблицы членов" (с. 7).
- ²⁷ Окончание зв. падежа *о* для слов всех трех родов и обоих чисел указано Хр. Павловичем в таблице ошибочно. В приведенных ниже в грамматике образцах склонения указаны разные окончания: *е, -у, -ю* — ед. ч. м.р., *-е, -и* — мн. ч. м.р., *-е, -о* — ед. ч. ж.р., *-и, -ы* — мн. ч. ж.р.; *-е* — ед. ч. ср. р., *а* — мн. ч. ср. р.
- ²⁸ *Павлович Хр.* Грамматика славено-болгарска, 1836. С. 8.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Там же. С. 8.
- ³² Там же. С. 3.
- ³³ Там же. С. 1.
- ³⁴ Там же. С. 6—7.
- ³⁵ Там же. С. 3.
- ³⁶ *Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838. С. 33.
- ³⁷ В неизданной "Грамматике нынешнего болгарского наречия" Ю. Венелин отмечает, что старые падежи в живом болгарском языке встречаются редко и что вместо них употребляются так называемые "обороты", т.е. сочетания имен с предлогами, составляющие "оборотное склонение", в котором он, кроме именительного, различает падежи родительный, дательный, творительный и звательный. Однако "оборотное" (т.е. аналитическое) склонение он рассматривает как искажение болгарского языка, а не его природное свойство. Ю. Венелин здесь считает, что в болгарском литературном языке должны быть восстановлены все падежные формы церковнославянского языка, отождествляемого им с древнеболгарским (Подробнее о падежах в "Грамматике" Ю. Венелина см. в статье: *Лунина М.В.* Грамматика нынешнего болгарского наречия Ю.И. Венелина // Славянская филология. М., 1951. С. 113—115).
- ³⁸ *Венелин Ю.* О зародыше... С. 46. Почти дословно эту же мысль позднее, ссы-

- лаясь на Ю. Венелина, излагает и Н. Палаузов, который "настоящую и существенную причину" утраты в болгарском падежах также усматривает в употреблении членных форм (см.: *Палаузов Н.Х.* Няколко мысли заради българското правописание // ЦВ. Г.
- ³⁹ *Венелин Ю.* О зародыше... С. 46.
- ⁴⁰ Там же. С. 49.
- ⁴¹ См. предисловие П. Пиперова к кн.: Приключения Телемаха сына Одиссея. Виенна, 1845. С. 22.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Константинов И. Ъ, ж, ѝ* литери болгарски // ЦВ. Г. В. N 83. 26.IV. 1852. В этой связи он одобительно отзывается о переводе П. Пиперова "Приключений Телемаха", в котором широко употребляются старые падежи, отмечая, что "все мы обязаны его поблагодарить за падежи" (Там же). См. также: *Константинов И.* Не е право хладнокровие да показуваме върху наше славено-българство // ЦВ. Г. В. N 92. 19.VII. 1852. Здесь И. Константинов, между прочим, отмечает, что препятствием к употреблению старых падежей являются членные формы, которые "не оставляют совсем места падежам прислонить голову". Ср. с этим точку зрения Ю. Венелина, видевшего в членных формах причину утраты старых падежей.
- ⁴⁴ *Горский Ст.* Към българският народ за самозвания критик // ЦВ. Г. 9. N 453. 17.X. 1859.
- ⁴⁵ См. примечания А. Бешкова к книге: *Хруловский [Хрулев] Т.* Буквар или начальное учение. В Будине. 1850.
- ⁴⁶ *Раковски Г.* Забележание // ЦВ. Г. 10. N 472. 27.II. 1860.
- ⁴⁷ Там же.
- ⁴⁸ Там же.
- ⁴⁹ *Сичан-Николов Хр.* Месецослов или календарь вечный. Букурещ, 1840. С. 7.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же. — Сам Сичан-Николов в своем "Месецослове" употребляет падежи только в той части предисловия, которая написана на церковнославянском языке (ср., в частности, приведенные выше цитаты из этого предисловия), и при описании дней церковного календаря, где он следует нормам церковнославянского языка: оуѣкновѣние честнаѣ главы Іоанна крестителя (с. 26) и под. В остальных частях книги, написанных на болгарском языке, старые падежные формы не употребляются.
- ⁵² См., например, отзыв Т. Стоянова-Бурмова в: *Български книжици.* 1860. Ч. III. С. 14.
- ⁵³ См.: ЦВ. Г. 7. N 315. 9.II. 1857.
- ⁵⁴ *Михайловский Н.* За новобългарския език // ЦВ. Г. 7. N 320. 16.III. 1857. — Годом позднее Н. Касапский писал о "разрешителен (аналитически)" характере болгарского языка (*Касапски Н.* Мисли // *Български книжици.* Г. I. Ч. 3. 1858. С. 83).
- ⁵⁵ *Кръстевич Г.* Писма за някои си мъчности на българското правописание. Писмо III. За падежити // *Български книжици.* Г. I. Ч. 3. 1858. С. 214.
- ⁵⁶ Там же. С. 217.
- ⁵⁷ Там же. С. 218.
- ⁵⁸ Там же. С. 219.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Там же. С. 220—221.
- ⁶² Там же. С. 258.
- ⁶³ Там же. С. 258—259.
- ⁶⁴ Там же. С. 259.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ *Касапски Н.* Мисли // *Български книжици.* Г. I. 1858. Ч. III. С. 83.
- ⁶⁷ Приводим здесь падежи без членных форм. У Неофита в образцах склонения даны примеры с членными формами, что, учитывая точку зрения Неофита на распределение членных форм муж. рода ед. числа дает несколько иную картину.
- ⁶⁸ *Рилски Н.* Болгарска граматика. С. 91.
- ⁶⁹ Там же. С. 87.
- ⁷⁰ Там же. С. 83.

- ⁷¹ Там же. С. 91—92. — По мнению Неофита, слова *богородица, троица (свѣта)*, а также *богъ, господь, дѣхъ (свѣтый)* изменяются как собственные имена (с. 91).
- ⁷² Там же. С. 91.
- ⁷³ Там же. С. 58, сноска
- ⁷⁴ Там же. С. 94.
- ⁷⁵ Там же. С. 59.
- ⁷⁶ Там же.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ По мнению Л. Милетича, Неофит рекомендует ввести род. падеж в литературный язык под влиянием языка дамаскинов (*Милетич Л.* От. Неофит Рилски като филолог // Училищен преглед, Г. XI. 1906. Кн. 1. С. 79—80). Вслед за Л. Милетичем это же повторяет и Ст. Чилингиров (*Чилингиров Ст.* Неофит Рилски // Български писатели. С. [1929]. С. 102). Попутно отметим, что указание Л. Милетича на то, что будто Неофит рекомендует употреблять прилагательное с членной формой и, следовательно, без падежного окончания, если прилагательное употреблено в качестве "обычного атрибута", и прилагательное в форме род. падежа, если оно употреблено в функции "украшающего эпитета" (*Милетич Л.* Указ. соч. С. 80), не находит подтверждения у самого Неофита.
- ⁷⁹ *Н. Рилски.* Указ. соч. С. 57, сноска.
- ⁸⁰ Там же. С. 111.
- ⁸¹ Там же. С. 61.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же. С. 62.
- ⁸⁴ Там же. С. 62—63.
- ⁸⁵ Там же. С. 153.
- ⁸⁶ Там же. С. 164.
- ⁸⁷ Там же. С. 64—65, сноска.
- ⁸⁸ Там же. С. 65
- ⁸⁹ Неофит пишет, что им. падеж "всегда пишется с *и*" в отличие от *ы* в вин. падеже (Там же. С. 65). Однако в образцах склонения приводит и им. падеж на *-ы* (*попocy те, старцы те*) и вин. падеж на *-и* (*апостоли те*). (Там же. С. 85—86). В других местах он указывает на им. падеж с окончанием *-е* (*монастыре, кокашаре, говедаре* и др.; Там же. С. 90—91). Ср. с этим и его замечание о том, что от *ракъ* формой мн. числа является *рацы*, а не *раки*, которое употребляется "в некоторых местах неправильно" (Там же. С. 87).
- ⁹⁰ Там же. С. 86.
- ⁹¹ Там же. С. 65.
- ⁹² Там же. С. 77.
- ⁹³ Там же. С. 164; См. также с. 102, 110.
- ⁹⁴ Там же. С. 66.
- ⁹⁵ Вряд ли усвоение школьниками предложенной Неофитом системы разграничения падежей существительных и других имен с членными формами было проще и легче, чем усвоение ими падежей без членных форм. Если, как пишет Неофит, ученик не может различить им. и вин. падежи до тех пор, пока он "не поймет, какие глаголы переходные, а какие — непереходные" (Указ. соч. С. 61), то этот же ученик не сможет правильно употреблять членные формы *-о* в им. падеже и *-ать* в вин. падеже также до тех пор, пока не усвоит этих же глаголов.
- ⁹⁶ Там же. С. 63.
- ⁹⁷ *Кръстевич Г.* Писма за някон си мъчности... С. 254, 259.
- ⁹⁸ См.: Мнение на Василий Априлов относно просветата на народа // Изв. на Архивния ин-т. 1957. Кн. 1. С. 221.
- ⁹⁹ *Кръстевич Г.* Писма за някон си мъчности... С. 214.
- ¹⁰⁰ Там же. С. 216.
- ¹⁰¹ *Миркович Г.* Кратка и методическа българска граматика. С. 11.
- ¹⁰² *Момчилов И.* Грамматика на новобългарския език. С. 16.
- ¹⁰³ *Филаретов С.* Основные правила новоболгарского языка. С. 119.
- ¹⁰⁴ Там же.
- ¹⁰⁵ *Андрев [Богоров] И.* Първичка българска граматика. С. 11.

- ¹⁰⁶ Там же. С. 14—18, 23—25.
- ¹⁰⁷ Там же. С. 19.
- ¹⁰⁸ Там же. С. 27—28.
- ¹⁰⁹ Там же. С. 14—17 — В этой связи нужно отметить, что И. Богоров приводит для род. падежа и формы на *-а, -а* (*гжлжба, славец, старца, царя* и под.). Однако эти формы он приводит в парадигме форм мн. числа и, таким образом, рассматривает их, видимо, как формы так называемого множественного определенного. Такие же формы на *-а, -а* Богоров указывает и для существительных неодушевленных, например, *облака, кожуха, края, подлога* (Там же).
- ¹¹⁰ Там же. С. 20—23.
- ¹¹¹ Там же. С. 20—23, 29.
- ¹¹² *Андреев И. [Богоров]*. Първичка българска словница. Стамбол, 1848. С. 4. и след.
- ¹¹³ *Момчилов И.* Указ. соч. С. 16.
- ¹¹⁴ О род. падеже Ив. Момчилов пишет, что он может выражаться с помощью предлога *от* (Там же. С. 18, сноска).
- ¹¹⁵ Там же.
- ¹¹⁶ Там же. С. 34 и след.
- ¹¹⁷ Там же. С. 35. — О числительном един Ив. Момчилов говорит, что, если оно относится к лицу, то оно в косвенных падежах принимает старые окончания *го, му; на одного, едному, одного* (Там же. С. 39).
- ¹¹⁸ Там же. С. 37.
- ¹¹⁹ Там же. С. 38.
- ¹²⁰ Там же. С. 27—28. — Отметим, что Момчилов здесь не совсем точно наравне с приведенными примерами старых падежей как падежный архаизм квалифицирует и форму на *-а* слов муж. рода в сочетании с числительными типа *три вола, петь хляба* — форму, которая и теперь широко употребительна и в обычном разговорном языке, а не только "в старых песнях и некоторых выражениях".
- ¹²¹ *Пръванов Н.* Извод из българската граматика. С. 8.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Там же. С. 12 — Ср., впрочем, в примере: Чет книг (Там же).
- ¹²⁴ *Шишков Т.* Начална българска граматика. Цариград, 1872. С. 10—11.
- ¹²⁵ Там же. С. 12.
- ¹²⁶ Там же. С. 22.
- ¹²⁷ *Шишков Т.Н.* За българската книга или за азбуката и правописанието на новобългарският език // Български книжици. 1859. Ч. III. С. 785—789.
- ¹²⁸ *Хрулев Т.* Българска граматика. С. 12.
- ¹²⁹ Там же. С. 12—17.
- ¹³⁰ *Груев Й.* Основа за българска граматика. С. 7.
- ¹³¹ Там же. С. 15. — Фактически это *-а* здесь выступает как членная форма, воспринимаемая им как падежное окончание.
- ¹³² Там же. С. 8.
- ¹³³ Там же.
- ¹³⁴ *Груев Й.* Основа за българска граматика. Изд. 2. Виена. 1872. С. 7.
- ¹³⁵ Там же. Изд. 1. С. 8.
- ¹³⁶ Там же. Изд. 2. С. 7.
- ¹³⁷ Там же. Изд. 1. С. 8 и след. Изд. 2. С. 9 и след.
- ¹³⁸ Там же. Изд. 1. С. 14 и след. Изд. 2. С. 14 и след.
- ¹³⁹ Там же. Изд. 1. С. 24. — Й. Груев здесь указывает для вин. падежа также и окончание *-ья* (*старья*), которое фактически представляет собой членную форму. Во 2-м изд. (с. 24) указано окончание *-ый*, т.е. то же окончание, какое имеет у него и им. падеж.
- ¹⁴⁰ Там же. Изд. 2-е. С. 24.
- ¹⁴¹ *Войников Д.* Кратка българска граматика. Пловдив, 1864. С. 7—38.
- ¹⁴² *Кочов Я.* Словосъчинение. Цариград, 1868. С. 34—37.
- ¹⁴³ *Войников Д.* Указ. соч., с. 7—8.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 30. — В одной статье, опубликованной несколькими годами раньше, Д. Войников отмечает, что в новоболгарском языке сохранились дат. и вин. падежи ед. числа. Правда, он не уточняет здесь, от каких имен образуются эти падежи и сколь широко они употребляются, а также не указыва-

- ет и их окончаний. См.: *Попов Д. В.* [Д. *Войников*]. За употреблението на члена // Български книжици. 1860. Ч. I. С. 213.
- ¹⁴⁵ *Кръстевич Г.* Писма за някои си мъчности на българското правописание. Писмо III. За падежити // Български книжици. Г. I. 1858. Ч. III, с. 253.
- ¹⁴⁶ Там же. С. 216—217.
- ¹⁴⁷ Там же. С. 217, сноска.
- ¹⁴⁸ Там же. Сноска 2.
- ¹⁴⁹ С. Филаретов, сравнивая склонение имен в русском и болгарском языках, приводит и для болгарского языка семь падежей (им., род., дат., вин., зв., тв. и предл.), делая при этом оговорку, что эти семь падежей, "совершенно сходные с именительным", он "приспосабливает" к падежам русского языка. Кроме обычных и у других грамматистов падежей, С. Филаретов указывает, таким образом, даже тв. (*съ поясъ-тъ, съ конь-ать*) и предл. (*за* или *зарадь поясъ-тъ, конь-ать*) падежи. Такая "полная" парадигма здесь объясняется, вероятно, чисто практической целью: показать наглядно русскому читателю различие в склонении в русском и болгарском языках. О значениях ("падежные оттенки") падежей С. Филаретов говорит, что они выражаются в болгарском предлогами (*Филаретов С.* Указ. соч. С. 119—122).
- ¹⁵⁰ Там же. С. 126—127.
- ¹⁵¹ Там же. С. 131. Следует, однако, отметить, что С. Филаретов, хотя и констатирует полное сходство косвенных падежей с именительным (за исключением указанных здесь случаев), по-видимому, все же различал им. падеж и косвенные падежи ед. числа слов жен. рода. Об этом свидетельствует разная графическая передача этих падежей в примерах; срав.: им. п. *гора-та, земля-та*, а косвенные падежи — *горѣ-та, земѣ-та* (с. 122), где знаками *ѣ, ѣ* передается звук *ь*.
- ¹⁵² См. предисловие С. Радулова к книге: *Нравоучение за деца*. Одесса, 1853. С. VIII.
- ¹⁵³ См. заметку под рубрикой "Книжевност" в газете: ЦВ. Г. 10. N 456. 7.XI. 1859.
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ См. предисловие С. Радулова к книге: *Галерея из Монтионовски премии*. Одесса, 1857. С. XXIV.
- ¹⁵⁶ *Новобългарска сбирка*. М., 1863. С. 64.
- ¹⁵⁷ Там же. С. 64—65.
- ¹⁵⁸ *Априлов В.* Мисли за сегашното българско учение. Одесса, 1847. С. 34.
- ¹⁵⁹ Там же. С. 35.
- ¹⁶⁰ *Васкидович Е.* Детинско прибавление или различии поучения и нравоучителни истории. Цариград, 1852. С. 12.
- ¹⁶¹ Он же. Перва понятия за детинско употребление. Белград, 1847. С. 78.
- ¹⁶² *Миркович Г.* Кратка и методическа българска граматика. С. II.
- ¹⁶³ Там же.
- ¹⁶⁴ Там же. С. 9.
- ¹⁶⁵ [*Стоянов-Бурмов Т.*] За българската граматика на г. Мирковича // Български книжици. 1860. Ч. II. С. 225. Сам Т. Стоянов-Бурмов здесь не называет этого падежа, о котором он пишет: "назовите его как хотите: родительный ли, дательный или винительный".
- ¹⁶⁶ Там же. С. 226.
- ¹⁶⁷ Там же. С. 227.
- ¹⁶⁸ *Сичан-Николов Хр.* Грамматика или буквеница словенска. Цариград; Галата, 1858. С. III.
- ¹⁶⁹ *Богоров И. А.* Второ упътване за българский език. Виена, 1870. С. 7. — Отзываясь неодобрительно о языке болгарских газет, издаваемых в Константинополе, И. Богоров пишет, что издатели (редакторы) этих газет "зажгли свечу в полдень и ищут винительные падежи, чтобы писать их с юсами, ибо в этом якобы заключается свойство болгарского языка" (С. 14).

§3. ИНФИНИТИВ НА *-ти* В ИСТОРИИ НОРМАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Отсутствие старого инфинитива на *-ти* — характерная особенность новоболгарского языка, отличающая его от языка церковнославянского и древнеболгарского и от других современных славянских языков. Естественно поэтому, что и данная грамматическая форма привлекла внимание первых болгарских грамматистов и других книжников, при этом главным образом в первой половине XIX в., когда решался вопрос об основных путях нормализации нового литературного языка и роли церковнославянского языка в этом процессе.

У первых книжников эпохи Возрождения инфинитив на *-ти* — еще часто встречающаяся форма. Так, Паисий Хилендарский в "Истории славяноболгарской" употребляет ее гораздо чаще (примерно в два раза), чем конструкции *да*+личная форма глагола¹. Но уже у Софония Врачанского инфинитив на *-ти* встречается редко. В его "Недельнике" (1806) она составляет менее 1,5% случаев возможного ее употребления, в других сочинениях — их еще меньше или же она употреблена лишь в цитатах из богослужебных текстов, а в третьих их вообще нет². Так, в "Житии и страданиях грешного Софония" инфинитив на *-ти* употреблен только в заключительных фразах (*сподобити, получити*), "выдержанных вообще в духе церковнославянского языка"³. Почти не употребляет инфинитив на *-ти* в своих писаниях Й. Кырчовский: формы типа *оубивати, оугасити* в его авторских текстах очень редки⁴.

Позже, с возникновением филологических споров по вопросам устройства литературного языка, инфинитив на *-ти* не был в числе тех грамматических форм (падежи, членные формы и др.), по которым развернулась острая дискуссия. Объясняется это тем, что даже сторонники создания архаизированного типа литературного языка не настаивали на его закреплении в литературном языке. Показательно, например, что вводя в язык своих сочинений старые падежные формы, вместо инфинитива на *-ти* они употребляли свойственные народной речи *да*-конструкции. Так, Хр. Павлович во втором издании "Грамматики славяноболгарской", в котором изложены его принципы создания архаизированного типа литературного языка, в числе наклонений глагола указывает и "неопределенное" (инфинитив), но иллюстрирует его не формами на *-ти*, а формами так называемого сокращенного инфинитива (без *-ти*) — *станова, учи* и др.⁵

Отдельные приверженцы такого пути создания литературного языка употребляли старый инфинитив и позднее, но непоследовательно и без всякой перспективы на его закрепление в качестве нормы нового языка. Например, в большей части "Предисловия" (с. 3—20) к переведенной П. Пиперовым книге "Приключения Телемаха сына Одиссея" (1845) находим только инфинитив на *-ти* — *говорити, писати, услышати, превождати* и др. Это "Предисловие", датированное 2 ноября 1844 г., написано на сильно архаизированном, по существу очень близком к церковнославянскому (с характерным для него грамматическим строем) языке. Ср.: "Настоящая історія, пріятели соотечественницы, коея мудрое содержаніе мя ободри *презрѣти* вся труды и неудоб-

ности яже срѣтохъ въ преведеніи ея, необдѣланнаго ради нашего языка”⁶. В следующем же за этим предисловием кратком обращении (с. 21—23), начинающемся словами “Любезніи читатели!” (оно было написано, очевидно, отдельно от “Предисловия”) инфинитив на *-ти* встречается редко — всего в двух случаях — *не може разумѣти, внимати* — при 14 случаях употребления *да*-конструкций вместо старого инфинитива; ср.: “Тиі примѣри ны увѣщаха *да преведемъ* Телемаха съ древныя наша члены за *да се предава* въ училищахъ за *да успѣять* скоро и удобно *да разумѣвать* церковная писанія и *да се обучать* и въ сочиненіяхъ”⁷. Язык цитируемого обращения, как видим, гораздо ближе к народному языку, чем к церковнославянскому.

Не считали необходимым закрепить в литературном языке инфинитив на *-ти* и те книжники, которые в устройстве его опирались в целом на живую речь, но в решении некоторых вопросов ориентировались в той или иной мере и на церковнославянский. В этом отношении показательна позиция Неофита Рильского, который допускал употребление в сформировавшемся литературном языке только инф. *быти* в сочетании *можетъ быти*⁸.

Что касается многочисленных книжников, выступавших за создание литературного языка на чисто народной основе, то все они регулярно вместо инфинитива на *-ти* употребляют *да*-конструкции, а в определенных случаях и сокращенный инфинитив типа *ти, каза*. Существуют лишь единичные высказывания о желательности введения данной формы в целях придания литературному языку большей выразительности. Так, В. Стоянов-Берон в самом конце 50-х годов писал, что “новоболгарский наш язык” стал бы “намного более гладким и красивым, если ввести (в него) неопределенное наклонение”, т.е. инфинитив на *-ти*⁹. Любопытно, однако, что в описании форм глагола в цитируемой “Болгарской грамматике” В. Стоянов-Берон инфинитив включить не решился. “...По совету некоторых наших друзей, — писал он, — чтобы не стала наша грамматика затруднительной, мы не дерзнули сделать это сразу же; но было бы желательно ввести его. Вместо него мы употребили настоящее время изъявительного наклонения или же использовали подходящие предлоги и другие частицы согласно нынешней народной речи”¹⁰.

В общем, как видим, инфинитив на *-ти* в истории формирования современного литературного языка безболезненно уступил свое место столь характерным для народной речи *да*-конструкциям и в особых случаях — сокращенному инфинитиву. Последний, также употреблявшийся (и употребляющийся и в настоящее время) в народной речи, вошел в литературный язык в конструкциях с некоторыми глаголами — *мога, смея, недей(те)* и др. (например, *мога писа, недей пита*) и в формах так называемого будущего неопределенного времени (типа *писа ща, писа щеш* и т.д.). Сокращенная форма инфинитива была отмечена почти во всех возрожденческих грамматиках болгарского языка, изданных до Освобождения Болгарии¹¹. Однако в литературном языке, вероятно, рано проявилась и тенденция к постепенному сужению сферы ее употребления (ср., в частности, замену ее в сочетаниях с глаголом *мога* обычной *да*-конструкцией)¹².

Любопытно, однако, что и в XX в., когда грамматическая структура литературного языка уже окончательно стабилизировалась, иногда все же раздавались голоса сожаления, что этот язык лишен старых инфинитивных форм на *-ти*. Выдающийся болгарский писатель Иван Вазов незадолго до своей смерти, указав на "прелестную форму" дееспричастий типа *чакайки*, *мислейки*, вошедшую в литературный язык из "македонского наречия", писал в 1921 г. в статье "Наш поэтический язык": "Как жаль, что в каком-либо уголке Болгарии не сохранилось неопределенное наклонение в его полной форме"¹³.

Очевидно, инфинитив на *-ти* относится к тем утраченным в ходе развития болгарского языка грамматическим формам, отсутствие которых в современном литературном языке отдельными создателями и носителями его долгое время воспринималось внутренне как известный его недостаток. Однако устранить этот недостаток введением в литературный язык старого инфинитива на *-ти* даже эти представители творческой интеллигенции не решались.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Андрейчин Л.* Езикът на Паисиевата "История славеноболгарская" и начало на новобългарския книжовен език // Български език. 1962. № 6. С. 487.

² *Ничева К.* Езикът на Софрониевия "Неделник" в историята на българския книжовен език. С., 1965. С. 12, 50, 216—217.

³ Там же. С. 223.

⁴ *Селищев А. М.* Хаджи Йоаким и язык его книг // Македонски преглед. Г. Х. Кн. 1—2. 1936. С. 140; *Цойнска Р.* Езикът на Йоаким Кърчовски. С., 1979. С. 224.

⁵ *Павлович Хр.* Грамматика славено-болгарска. Белград, 1845. С. 29, 31.

⁶ Приключения Телсмаха сына Одисееваго. Сочинение Фенелона... Преведе се от французский на славяноболгарский язык от П. Г. Пиперова. Виена, 1845. С. 17.

⁷ Там же. С. 22—23.

⁸ *Рилски Н.* Болгарска граматика сега перво сочинена. В Крагуевце, 1835. С. 123.

⁹ *Стоянов-Берон В.* Първа българско-френска граматика с едно изложение за българското правописание. Букурещ, 1859. С. XVI.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Първев Хр.* Очерк по историята на българската граматика. С., 1975. С. 315.

¹² *Андрейчин Л.* Синтаксически вопросы формирования современного болгарского литературного языка в XIX веке // *Otázky slovanské syntaxe*. Pr., 1962. С. 110.

¹³ *Вазов И.* Събрани съчинения в двадесет тома. С., 1957. Т. 18.

ПРОБЛЕМА ВЫБОРА ДИАЛЕКТНОЙ ОСНОВЫ БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА В ЭПОХУ ВОЗРОЖДЕНИЯ

Относительно диалектной базы формировавшегося в эпоху Возрождения литературного языка книжниками того времени было высказано много соображений и предложений. В обсуждении этой проблемы приняло участие большое число учителей, грамматистов, издателей и др. Уже одно это обстоятельство свидетельствует о том, что решению вопроса о диалектной базе формировавшегося литературного языка деятели Возрождения придавали исключительно большое значение. Они понимали, что от конкретного решения этого вопроса зависит не только утверждение того или иного облика общebolгарского литературного языка (особенности его грамматики, звукового строя и др.), но и дальнейшее развитие образования, литературы, других областей формировавшейся национальной культуры на всей болгаро-язычной территории.

Многие деятели Возрождения отдавали себе ясный отчет и в том, что выбор конкретной диалектной базы литературного языка тесно связан и с общей задачей национального сплочения и единения всех болгар.

На исключительную важность выбора диалектной базы болгарского литературного языка указывал уже русский ученый Ю. Венелин. "Если народу пришла пора приниматься за грамоту, — писал он (1838), — если его язык распался на несколько наречий, если неизбежен выбор одного из них для литературы, то сочинители должны быть весьма осторожны и разборчивы в этом выборе"¹. Ю. Венелин считал, что выбор всеми книжниками какого-либо одного диалекта в качестве литературного языка — крайне маловероятное дело, которое может быть приписано "счастливому случаю". Если же такой случай не представился и если появились грамматики разных наречий и книги на этих наречиях, то никто из сочинителей книг "не имеет права свой жаргон навязывать другому"². Возникшие между сочинителями разногласия должны решаться не ими самими, а, как пишет Венелин, "судом высшей филологии"³. Эти положения Венелина спустя почти полтора десятилетия дословно повторил Н. Палаузов⁴.

Венелин в общем предугадал, как будет ставиться и разрешаться болгарскими книжниками вопрос о выборе диалектной основы литературного языка. У них не оказалось того "счастливого случая", который помог бы им с самого начала развития литературного языка утвердить в качестве его основы определенное наречие и потому они писали сначала, ориентируясь каждый на свое наречие, или, что в общем то же самое, подвергали литературной обработке свое наречие. Это естественно породило острые споры по вопросу о том, какое именно наречие и почему следует предпочесть при формировании единого для всех болгар литературного языка и допустимо ли вообще строить

последний на базе одного наречия. "За" и "против" того или иного наречия или синтеза особенностей разных наречий высказывалось много книжников. Споры между ними, однако, были разрешены не "судом высшей филологии", как предполагал Венелин, т.е. не в результате признания всеми разработанного учеными-филологами пути устройства литературного языка, а самим ходом развития языка в разных общественных сферах его приложения в середине XIX в.

Рассмотрим некоторые из наиболее важных вопросов, которые ставились и решались деятелями Возрождения в рамках обсуждения широкой проблемы диалектной базы литературного языка.

§ 1. ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДИАЛЕКТНОЙ ДРОБНОСТИ БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКА И ОСНОВНЫХ ЕГО НАРЕЧИЯХ

Сложность решения проблемы диалектной базы определялась тем, что болгарский язык на территории своего распространения имеет значительные местные различия, отличается большой диалектной дробностью. Эта особенность болгарского языка была в общих чертах хорошо известна книжникам эпохи Возрождения, хотя их конкретные знания местных различий и диалектного членения языка были, по понятным причинам, ограничены, неполны и часто случайны. Рассмотрим сначала кратко, что говорили они о диалектном разнообразии болгарского языка, который, согласно их собственным представлениям, соответствовавшим и взглядам ученых того времени, занимал территорию исторических областей Мизии, Фракии и Македонии. Поэтому высказывания уроженцев всех этих областей о местных наречиях, их выступления по тем или иным вопросам устройства литературного языка и собственная литературно-языковая практика рассматриваются здесь, как и в ранее опубликованных наших работах, как деятельность, направленная на создание единого литературного языка для данных областей. Возможность такого подхода при анализе истории формирования болгарского литературного языка в эпоху Возрождения, в частности при рассмотрении языка книг, написанных уроженцами Македонии, допускают и те ученые, которые в книжной деятельности некоторых из этих уроженцев видят зарождение македонского литературного языка в прошлом веке. Так, Н.И. Толстой пишет, что "конкуренцию между литературной обработкой македонских наречий и литературной обработкой восточно-болгарских наречий (наряду с обработкой западноболгарских наречий) можно рассматривать не только порознь, но и совместно, представив ее в рамках одного процесса борьбы за один литературный язык Болгарии и Македонии"⁶.

Уже Неофит Рильский, автор первой болгарской грамматики (1835), привел большое количество фонетических, грамматических, акцентных и лексических различий, какого, по его мнению, не имеют другие языки⁷. Он, правда, не связывал их распространение с определенной территорией. Впоследствии о больших различиях в языке писали многие. Так, Партений Зографский (1857) отмечал, что бол-

гарский язык имеет "много местных наречий или говоров", что почти в каждой епархии имеется "свой говор"⁸. Несколько раньше один корреспондент "Цариградского вестника" писал (1851), что различается не только язык жителей Скопле и Тырнова, разделенных значительным расстоянием, но и язык тырновцев и их соседей загорцев имеет различия⁹. Некто Т.Р. указывал (1862), что "язык на востоке Болгарии — не тот же язык, который употребляется на западе, так же как и язык, на котором говорят в придунайских областях, не тот же самый язык, который господствует в южных краях"¹⁰.

Отмечалось также, что различается язык не только больших и территориально удаленных областей, но что даже в языке отдельных городов и сел наблюдаются те или иные различия. Газета "Цариградский вестник" в одной из редакционных заметок, например, писала (1853), что почти в каждом болгарском городе и селе говорят по-разному¹¹. Такого же мнения был и Петко Славейков. Указав на целый ряд фонетических особенностей восточных говоров, он писал (1859), что говоры отдельных сел и городов характеризуются многими различиями и что даже язык отдельно взятого населенного пункта дает много примеров сосуществования разных особенностей. В тырновском крае ("Тырновия"), по его мнению, вообще царит полная неразбериха, смешение разных особенностей ("найголяма бабилонщина"). В самом Тырнове можно услышать различное произношение одних и тех же слов, грамматических форм и др.¹². Подобную мысль высказывал и И. Богоров (1869): "Вообще признано, что болгары повсюду говорят на одном языке, они повсюду различают, что такое *принось* и что такое *прѣньось*, но часто человек находит какую-нибудь небольшую разницу в языке соседних говоров и сел; даже в языке одного и того же села, нижней и верхней его частей, имеются некоторые различия"¹³.

В связи с таким состоянием болгарского языка неоднократно высказывалось мнение, что существующие в языке различия создают некоторые и даже существенные затруднения во взаимном общении и понимании. И. Добровский (1850), например, отмечал, что болгары разных областей употребляют в своей речи слова, даже не турецкие или другие иноязычные, а собственно болгарские, которые жители других областей не могут легко понять. Поэтому у населения данной области складывается впечатление, что жители другой области говорят не на чистом, а на испорченном болгарском языке¹⁴. Особенно часто указывалось на затруднительное понимание болгарскими Македонии языка жителей Северо-Восточной Болгарии и наоборот. Так, газета "Право" (1869) отмечала, что македонские болгары понимают наречие придунайских болгар, а придунайские болгары понимают наречие македонское хуже, чем те и другие понимают церковнославянский¹⁵.

Приведенные и другие подобные суждения о многочисленных различиях языка соседних областей, городов и сел, как и о существовании разных особенностей в языке даже одного города или села, отражали действительное состояние болгарского языка на территории его распространения. И если в отдельных случаях

книжники прошлого столетия и преувеличивали глубину различий между говорами отдельных сел и городов или между наречиями обширных областей, как и степень затруднений понимания — ввиду этих различий — при взаимном общении жителей разных мест, все же следует признать, что в целом представление книжников эпохи Возрождения о своем языке как о языке со множеством местных различий в фонетике, грамматике и лексике было обосновано. Но именно такое состояние языка и явилось объективной причиной сложности выбора диалектной основы литературного языка.

Констатируя существование различий в языке болгар разных областей, многие книжники эпохи Возрождения указывали и основные (главные) диалекты, или наречия, как тогда обычно писали.

Первоначально ими было высказано мнение о делении болгарского языка на два основных наречия. Впервые это сделал Хр. Сичан-Николов (Костович) в 1845 г., разделивший болгароязычную территорию на две части — восточную и западную — и указавший целый ряд языковых различий между ними¹⁶. Правда, он еще не называет наречия этих частей восточным и западным, но по существу установленное им двуделение болгароязычной территории принято и в современной диалектологии. Позже о двух основных наречиях говорили и другие книжники, называя их по-разному. Так, К. Петкович (1852), указав на "множество разноречий", на которые распадается болгарский язык, писал, что эти "разноречия" группируются "на два главных наречия — на юго-западное и северо-восточное"¹⁷. Он указал территорию, занимаемую этими наречиями и ряд их особенностей¹⁸. Два наречия выделял П. Зографский (1857): верхнеболгарское ("горно-болгарско"), на котором говорят в Болгарии (т.е. нынешней Северной Болгарии), Фракии и в некоторых местах Македонии, и нижнеболгарское ("долно-болгарско"), на котором говорят "в Македонии вообще или в старой Болгарии"¹⁹. Каждое из этих двух наречий имеет свои поднаречия. В другой статье (1858) П. Зографский нижнеболгарское наречие называет македонским, а верхнеболгарское оставляет без локального определения, называя его, в отличие от македонского, просто "другим наречием"²⁰. В 60—70-е годы В. Стоянов (1865) называл эти наречия восточным и западным, или македонским²¹, В. Друмев (1872) — восточным и западным²², П. Оджакев (1866) — болгарским и македонским²³, К. Шапкарев (1868) — верхнеболгарским, или восточноболгарским, и македонским²⁴, а Т. Икономов — балканским, или восточноболгарским, и македонским, или западноболгарским²⁵.

Ряд книжников выделял три главных наречия. По-видимому, три наречия имел в виду А. Гранитский (1859), когда говорил о балканском наречии, на котором говорят и пишут "балканские болгары", т.е. болгары, живущие в области Балканских гор, и о других болгарских наречиях — наречии "македонских болгар" и наречии "болгар в окрестностях Пловдива и в этом городе", т.е., надо полагать, о македонском и фракийском²⁶. Хр. Данов (1869) в качестве главных наречий указывал мизийское, фракийское и македонское²⁷. Эти же наречия называли К. Шапкарев (1870)²⁸ и Л. Каравелов (1872), который

вместо мизийского указывал дунайское и отмечал также, что кроме этих основных существуют и более мелкие местные наречия — карловское, сопотское, копривштенское и др.²⁹

Иначе производил диалектное членение Й. Ковачов (1875). По его мнению, "главными наречиями" являются северо-восточное (или балканское), южноболгарское (или македонское) и среднеболгарское (или шопское)³⁰. Он, таким образом, не выделяет в качестве главного фракийское наречие, которое, по-видимому, "делит" между северным (балканским) и южным (македонским) наречиями, но зато в ранг главных возводит шопское наречие. Это наречие, по его мнению, занимает промежуточное положение между двумя другими.

В начале 70-х годов ряд авторов говорил о четырех главных наречиях. Некто Бичов (1871) указывал такие наречия: фракийское (пловдивское или копривштенское), старопланинское, македонское и родопское³¹. Иной состав называл П. Иванов (1871): балканское, фракийское, македонское и шопское³².

Таковы в общих чертах суждения книжников эпохи Возрождения о характере местных различий и об основных наречиях болгарского языка.

Следует отметить, что, говоря о наличии множества местных различий языка и его наречиях, болгарские книжники неизменно подчеркивали его единство в целом. Вот что писал, например, И. Добровский (1850) о многообразии местных различий и единстве языка болгар, населяющих разные области Балканского полуострова. "Если какой-нибудь болгарин из центра Болгарии, например, из Софии, услышит как говорят дунайские болгары, болгары Черноморского и Эгейского побережья, например, солунские, а затем услышит других болгар из пределов нынешнего греческого государства..., а затем, если услышит как говорят болгары из Албании, то он увидит, что все эти болгары говорят по-болгарски и они могут понимать друг друга. Но он заметит в то же время, что каждый из них имеет в своей речи некоторые различающиеся слова, правда, не турецкого и не другого какого-либо языка, а болгарские слова, которые он легко не сможет понять. Он скажет тогда, как у нас в таком случае обычно говорят о тех болгарях, которые не понимают очень легко, что они говорят на испорченном болгарском языке"³³. Эту же мысль о единстве болгарского языка, выступающего в диалектном многообразии, очень хорошо выразил и Райко Жинзифов (1863). Он писал: "Мы считаем болгарским языком тот язык, на котором говорят во всей Македонии, Фракии и Болгарии и среди говоров которого имеется больше или меньше различий"³⁴. Он считал, что нельзя говорить о словах македонских и фракийских (например, *вода*, *рѣка*) и о словах болгарских (например, *водá*, *рѣкá*), потому что "нет македонцев, нет фракийцев как отдельных народов, а есть только славяноболгары, которые живут в указанных местах и имена которых, возможно, имеют право на употребление в географии, но не как обозначение народности. Короче говоря, есть один неделимый народ бол-

гарский и один язык болгарский, который как и любой другой язык, распадается на наречия"³⁵.

Представление книжников эпохи Возрождения о болгарском языке как о едином целом, выступающем в многообразии местных разновидностей, и о единстве народа как носителя этого языка имело огромное значение во всей их деятельности, направленной на создание единого литературного языка.

В условиях значительного диалектного разнообразия при отсутствии уже выработанных и общепризнанных традицией норм вопрос о том, по какому пути должно идти формирование вновь создаваемого литературного языка, был одним из главных, вставших перед книжниками эпохи Возрождения вопросов. Следует ли этот язык строить на основе одного какого-либо наречия или же для этого необходимо использовать богатство разных наречий или даже всего народного языка — вот как стоял вопрос. Каждый из книжников — сознательно или бессознательно — должен был этот вопрос решать прежде всего для себя, приступая к переводу или сочинению собственных книг, статей и т.д. Но многие из них выступали с объяснением собственных и (или) критикой чужих взглядов по этому вопросу, что и составило обширную литературу по этому вопросу.

§ 2. ВЫСТУПЛЕНИЯ ЗА МОНОДИАЛЕКТНУЮ ОСНОВУ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА И КРИТЕРИИ ЕЕ ВЫБОРА

Часть книжников полагала, что литературный язык должен строиться и развиваться на основе одного, конкретного наречия. Пожалуй, можно утверждать, что большинство авторов эпохи Возрождения опиралось в общем на одно наречие, подвергая его большей или меньшей литературной обработке. Однако далеко не все они выступали с доказательствами и объяснением такого подхода, хотя выбор ими конкретного наречия определялся просто: они писали или литературно обрабатывали свое родное наречие. Даже авторы популярных в середине XIX в. грамматик болгарского языка — Й. Груев, Г. Миркович, И. Момчилов и др. — не говорили о необходимости предпочтения всеми болгарами того наречия, которое легло в основу утверждаемых ими правил литературного языка.

Отсутствие соответствующего обоснования выбора того или иного наречия иногда ставилось даже в вину авторам книг и грамматик. Так, Т. Стоянов-Бурмов (1860) упрекал Г. Мирковича за то, что тот в своей грамматике³⁶, написанной на господствующем в письменности восточноболгарском наречии, не объяснил, почему он предпочитает именно это наречие и оставляет в стороне другие. По мнению критика, доводами в пользу данного наречия (а возможно и только балканского) могло бы служить то, что, во-первых, это наречие "более распространено, более употребительно среди болгар", а, во-вторых, оно представляет собой "прямого потомка

("една права линия чедо") древнеболгарского языка, сохранившегося в памятниках"³⁷, т.е. что это наречие, надо полагать, ближе остальных к древнему языку болгар. Он подчеркивает, что такое обособление необходимо было привести для того, чтобы "его (Мирковича. — Г.В.) грамматика приняла характер всеобщей для всех болгар, а ее наречие представлялось бы действительно достойным предпочтения. Это помогло бы и устранению притязаний тех болгар, которые не считают его общим, и придало бы ему больше веса"³⁸.

Но были и такие книжники, которые считали нужным привести необходимые с их точки зрения аргументы в пользу однодиалектной основы. Так, С. Радулов (1853) указывал, что в основе любого литературного ("письменного") языка обязательно лежит отдельное наречие, а не "наречие всего государства", например, в основе русского литературного языка — московское наречие, в основе французского — парижское. Так же обстояло дело и с древнеболгарским письменным языком, в основе которого, по Радулову, лежало наречие столицы древней Болгарии и близлежащих областей по обе стороны центральной части Балкан. Так же, т.е. на основе одного наречия, должен быть построен, по его мнению, и современный болгарский литературный язык, в основу которого болгарам, по примеру их предков, лучше всего следовало бы положить "наречие, наиболее согласное с древнеболгарским"³⁹.

Гораздо больше было таких книжников, которые не ставили в общем плане вопроса об устройстве литературного языка на базе одного наречия, но, предлагая в качестве таковой конкретное наречие ввиду тех или иных его преимуществ, фактически этим и доказывали свою приверженность такому пути создания языка.

Трудность выбора конкретного наречия в качестве основы общего литературного языка на практике заключалась прежде всего в том, что разные книжники избирали разные наречия (как правило, каждый свое, родное), доказывая, что именно основанный на предлагаемом ими наречии литературный язык будет одинаково понятен для болгар разных областей. Эту трудность понимали и сами книжники. Известный издатель Хр. Данов писал (1869): "Есть люди, которые хотят, чтобы их наречие было принято за основу нашего письменного языка; другие же хотят, чтобы писали так, как говорит народ (т.е. без строгой единой нормы. — Г.В.). Но чье наречие нужно принять сначала и как нужно писать, чтобы народ мог понимать этот язык?"⁴⁰ Указав на три главные болгарские наречия — мизийское, фракийское и македонское, Хр. Данов спрашивал: какое из этих трех наречий должно быть положено в основу литературного языка, если сторонники каждого из них настаивают на своем⁴¹.

Пожалуй, господствующим среди сторонников монодиалектного пути формирования литературного языка было мнение о том, что основу языка должно составить наиболее чистое болгарское наречие. Сама по себе эта мысль вполне естественна. Она связа-

на с общим движением болгар за национальное самоутверждение, важной опорой которого было существование болгарского языка как самостоятельного в ряду других славянских и неславянских языков. Нет ничего удивительного поэтому в том, что диалектная пестрота, с одной стороны, и желание дать возрождающейся нации достойный ее прошлого и будущего литературный язык, который должен быть максимально чисто болгарским, с другой, — наталкивали грамматистов и прочих книжников прежде всего на мысль о том, что в основу этого языка следует положить наиболее чистое болгарское наречие.

Такое решение одной из важнейших проблем создания литературного языка казалось, на первый взгляд, простым и привлекательным. На деле же оно не могло не столкнуться с целым рядом трудностей, в чем отдавали себе отчет и книжники того времени. Одна из них заключалась в том, как определить, какое из существующих наречий объективно является наиболее чистым. Мнения книжников по этому вопросу существенно расходились как потому, что у них не было строгих критериев определения сравнительной чистоты разных наречий, так и потому, что само знание ими всех наречий было весьма ограниченным.

Что касается самого понятия чистоты наречия, то большинство книжников связывало его обычно с отсутствием иноязычных (прежде всего, турецких и греческих) слов, а также некоторых других элементов языка (например, членных форм *-o*, *-e*, которые рассматривались иногда как сербизмы). Такое понимание чистоты наречия связано с тем, что само диалектное разнообразие нередко рассматривалось как результат "неправильного" развития, обусловленного неблагоприятными внешними обстоятельствами — турецким игом и греческим духовным господством, в силу которых в болгарский язык (его наречия) проникло много иноязычных элементов⁴². Именно отсутствию иноязычных слов, как важнейшему показателю чистоты наречия, придавали первостепенное значение такие поборники народной основы литературного языка, как В. Априлов, И. Богоров и др.

Идея о наиболее чистом наречии как об основе литературного языка зародилась, вероятно, одновременно с первыми попытками болгарских книжников в 20—30-е годы подвергнуть этот язык нормализации. Во всяком случае, Неофит Рильский в 1835 г. отмечал как раз эту идею, которая жила в умах некоторых его современников⁴³. Сам Неофит Рильский выбор такого наречия считал делом нереальным, однако его авторитетное суждение не убеждало приверженцев такого пути формирования литературного языка и не удержало их от "поисков" наиболее чистого болгарского наречия.

Такой взгляд развивал, например, неизвестный автор, который писал (1858), что, если болгарский язык той области, где он сохранился в наиболее чистом виде, будет принят "в качестве общего для всего народа", то будет нетрудно сделать "по нему все-

общую болгарскую грамматику, которая будет содержать все его правила и в соответствии с которой должен писать и говорить каждый ученый и культурный болгарин⁴⁴.

Важно отметить, что наиболее чистым многие деятели Возрождения считали вообще язык сельского болгарского населения, которое этнически было более однородно и в язык которого, по их мнению, проникало меньше турецких и греческих слов. О том, что крестьяне говорят на самом чистом болгарском языке, писал уже В. Априлов в своем знаменитом циркулярном письме, разосланном им образованным соотечественникам в 1836 г. Призывая их к созданию "общей системы", т.е. общеболгарского литературного языка, В. Априлов рекомендовал опираться при этом на язык крестьян⁴⁵. Точку зрения В. Априлова разделял и Г. Крыстевич, который, соглашаясь, что в селах "воистину" говорят на более чистом болгарском языке, чем в городах, вместе с тем ставил вопрос, о каких именно селах идет или должна идти речь, и выражал все же сомнение в большей правильности крестьянской речи⁴⁶. Гораздо позднее, в 70-е годы, И. Богоров отмечал: "Всюду у нас крестьяне говорят по-болгарски более чисто и лучше произносят слова, между тем как горожане, смешанные с разными народностями, испортили свой язык и употребляют много слов чужих — турецких, греческих и др., так что для нас, болгар, родной язык — это сельский народный язык, живущий и поныне"⁴⁷.

Любопытно, что среди книжников эпохи Возрождения распространено было мнение, что наиболее чисто по-болгарски говорят помаки (болгары-магометане), которые якобы вообще или меньше других из болгароязычного населения испытали влияние языка турок, греков, сербов и др. Так, Е. Васкидович, отстаивая необходимость утверждения традиционного правописания в качестве "твердого доказательства того, что ж, џ, њ, њ, њ, и в болгарском языке — естественные и не подлежащие изъятию буквы", приводил "живую грамматику, которая ежедневно звучит в ушах наших и особенно у помаков, которые ни турецких, ни сербских, ни русских, ни валашских и греческих слов не знают"⁴⁸. На особую чистоту языка помаков указывал также И. Богоров⁴⁹, а автор одной статьи даже считал, что помаки говорят якобы на лишенном сербизмов шопском поднаречии шопско-дебырского наречия, которое характеризовалось им как единственное из всех славянских наречий, сохранившееся в своей первоначальной чистоте без примеси чужих слов⁵⁰.

Теперь, когда болгарские народные говоры, в том числе и говоры помаков, достаточно хорошо изучены, мы знаем, сколь преувеличены приведенные здесь суждения об исключительной чистоте языка помаков. Но в то время, когда еще обсуждался вопрос о выборе конкретного наречия в качестве основы литературного языка, такое мнение о языке помаков могло показаться заслуживающим доверия и внимания, хотя и тогда отмечалась неопределенность общего положения об особой чистоте языка этой части болгароязычного населения. Так, в редакционном примечании к цитируемой выше статье из журнала "Читалище" указывалось, что неясно, о каких помаках идет речь в статье, и что ловчанские и прискирские по-

маки, составляющие якобы их наибольшую часть, говорят, как правило, на "дунайском балканском наречии", а родопские (разложские, неврокопские) помаки — тоже на совсем другом, а не шопском или дебърском наречии⁵¹.

Некоторые книжники говорили не о наиболее чистом, а о наиболее правильном болгарском наречии как основе литературного языка, понимая под этим, вероятно, по существу то же самое — прежде всего отсутствие иноязычных слов и других элементов, нарушающих чистоту и ясность языка. Так, в начале 50-х годов Н. Геров указывал, что "хорошим письменным языком", т.е. литературным, должно стать "более правильное и более чистое наречие", которое можно установить путем сравнения местных особенностей всех наречий⁵². Таково же было и мнение Л. Каравелова, который уже позднее, в начале 70-х годов, предлагал в качестве литературного языка принять то наречие, которое при сравнении всех наречий "окажется более правильным"⁵³. Подобной точки зрения придерживались и другие деятели Возрождения⁵⁴.

Достаточно распространенным было мнение, что при выборе конкретной диалектной основы литературного языка следует руководствоваться наибольшей близостью наречия к древнеболгарскому языку. При этом одним из показателей такой близости современного наречия также считалось, как правило, отсутствие в нем иноязычных слов. Естественно, что наречие, ближайшее к древнеболгарскому языку, рассматривалось одновременно и как наиболее чистое и правильное.

Обращение к древнеболгарскому языку как к своего рода арбитру при выборе конкретной диалектной базы литературного языка вполне понятно. Этот язык был предметом законной гордости всех болгар, независимо от того, какую роль они отводили ему в формировании современного литературного языка. Даже наиболее радикальные сторонники чисто народной основы литературного языка (например, В. Априлов, И. Богоров и др.) отдавали должное древнеболгарскому языку и рассматривали его как один из источников обогащения и совершенствования формировавшегося литературного языка, в частности его лексики. Авторитет древнеболгарского языка был в середине XIX в. среди болгарских деятелей уже настолько велик, что доказательство большей близости с ним какого-либо наречия уже как бы само собой предreshало, по мнению многих книжников, вопрос о преимущественной роли этого наречия в устройстве литературного языка.

В истории современного болгарского литературного языка "арбитражная функция" древнего языка в решении спорных вопросов была выдвинута уже автором первой грамматики. Именно Неофит Рильский выдвинул и обосновал идею о том, что в условиях многочисленных диалектных различий единственно возможным критерием отбора форм и слов для литературного языка может быть лишь большее соответствие их древнеболгарским ("славянским") формам и словам. Но если Неофит рекомендовал обращаться к древнему языку лишь при решении конкретных вопросов нормализации литератур-

ного языка, то другие книжники позднее стали обращаться к нему как к "нелживому свидетелю", говоря словами Неофита, и в решении такого общего вопроса, каким является выбор диалектной основы.

На данный критерий уже в конце 30-х годов указывают В. Априлов и Н. Палаузов в письме Неофиту Рильскому от 30 июня 1837 г.: "Произношению (т.е. речи в широком смысле слова. — Г.В.) той части Болгарии, где говорят ближе к старому языку, должны следовать и ученые"⁵⁵. Эту же мысль высказывал и Г. Крыстевич⁵⁶, Г. Раковский⁵⁷, Б. Петков⁵⁸, С. Радулов⁵⁹.

О популярности этой точки зрения свидетельствует и тот факт, что газета "Цариградски вестник", сообщая в 1853 г. о намерении издать собрание народных песен, загадок и других произведений народного творчества, сочла нужным специально отметить, что эти произведения позволят каждому "смотреть и сравнивать, где язык более чист и приятен и к древнеболгарскому (славенскому) приближается"⁶⁰.

Выдвигался и критерий наибольшего благозвучия, которым должно обладать наречие, избираемое в качестве основы литературного языка. Обычно благозвучие называлось как сопутствующее другому свойству, но иногда оно рассматривалось и как важнейшее качество такого наречия. Так, например, П. Зографский, предложил за "главную основу" общего письменного языка взять македонское наречие "по той причине, что оно более полнозвучно, более плавно и стройно, а во многих отношениях полнее и богаче"⁶¹. П. Зографский, правда, не настаивал на том, что литературный язык должен базироваться исключительно на македонском наречии, а отводил ему только главную роль в устройстве этого языка благодаря его особому благозвучию.

Некоторыми книжниками, например, П. Славейковым поднимался вопрос о "среднем" и общепонятном для всех наречии⁶² как об основе литературного языка; такое решение вопроса, по его мнению, было бы "и правильным, и разумным, и полезным", ибо способствовало бы сохранению "единства нашего народа"⁶³.

Более подробно эту же точку зрения развивал И. Ковачов, предлагавший избрать для литературного языка "такую форму (наречие. — Г.В.), которая занимала бы среднее положение между остальными и была бы ближе к каждой из них"⁶⁴. Кроме этого, Ковачов придавал большое значение также общепонятности соответствующего наречия и его чистоте.

Называлась также и наибольшая распространенность наречия. Предполагалось, что наречие, на котором говорит большинство болгар, более достойно предпочтения при создании общebolгарского литературного языка, чем те, носители которых составляют меньшую часть населения. На этом критерии настаивал, например, Т. Стоянов-Бурмов⁶⁵.

Таковы критерии, которые выдвигались разными деятелями эпохи Возрождения для выбора конкретного наречия в качестве основы общebolгарского литературного языка. Уже само разнообразие этих критериев говорит о значительном интересе, который проявляли

книжники к этому вопросу, о большом значении, которое они ему придавали, о глубокой их заинтересованности в наиболее целесообразном, правильном его решении, которое отвечало бы задачам и нуждам в развитии национальной культуры и упрочении единства народов. С другой стороны, разнообразие выдвинутых критериев свидетельствует о сложности самой задачи, которую в меру своих знаний и ее понимания пытались решить деятели Возрождения, — выбрать достойное во всех отношениях наречие, на основе которого следовало бы строить и развивать литературный язык. Каждый из рассмотренных выше критериев казался тем, кто его выдвигал, достаточно обоснованным, целесообразным и правильным. Но для других книжников, выдвигавших свой критерий, он был произвольным, необоснованным и потому неприемлемым.

Как видим, в качестве основных или главных болгарских наречий указываются, как правило, два наречия — наречие современной Северной Болгарии и наречие Македонии. Македонское наречие иногда включается в состав западного наречия вообще, в этом случае противопоставлявшегося восточному, в которое, кроме мизийского или восточноболгарского, включалось и наречие фракийское в Южной Болгарии. Считалось, что наиболее существенные различия существуют между македонским и мизийским наречием, в то время как различия между последним и фракийским в общем признавались менее значительными. Такое представление о диалектном членении нашло свое отражение и в выборе книжниками эпохи Возрождения конкретной основы формировавшегося литературного языка.

Рассмотрим теперь вопрос о том, какие конкретно территориальные наречия предлагались грамматистами и другими книжниками в качестве диалектной базы нового литературного языка.

§ 3. ПРЕДЛОЖЕНИЯ О ВОСТОЧНОБОЛГАРСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ОСНОВЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Чаще всего в качестве основы литературного языка предлагалось наречие Северной Болгарии и Балкан (Старой Планины) с тем или иным уточнением его локализации.

Впервые как будто с таким предложением выступил И. Богоров (1846), грамматика которого (I изд. — 1844 г., II изд. — 1848) и отражает особенности балканского наречия. Но Богоров и прямо призывал к устройству литературного языка на основе северо-восточного (включая и балканское) наречия. Он писал, что "самым приятным является тот язык, который народ, слушая или читая, хорошо понимает"⁶⁶ и считал таковым наречие Северной Болгарии ("същинска България") и Старой Планины⁶⁷.

В статье "О всеобщей болгарской грамматике" (1858) неизвестный автор предлагал принять в качестве "общего для всего народа" язык всей Северной Болгарии и Балкан ("от Видин до Варна и от сам българскити подпланински места") и считал, что "всеобщая болгарская грамматика", т.е. грамматика единого литературного языка, может без

особого труда быть составлена на базе наречия данной территории, несмотря на имеющиеся местные особенности ("местности") языка⁶⁸.

Вероятно, наречие Северной (а может быть только Северо-Восточной) Болгарии и Балкан имел в виду и Т. Стоянов-Бурмов (1860), когда говорил о "почти исключительно господствующем в нашем письменном языке" наречии. По его мнению, это наречие "действительно достойно предпочтения" хотя бы потому, что оно, во-первых, более распространено и более употребительно среди болгар и, во-вторых, представляет собой результат непосредственного развития древнеболгарского языка, сохранившегося в памятниках письменности⁶⁹.

Т. Шишков (1869) не сомневался в том, что в качестве литературного языка в конечном счете утвердится "наречие болгар Северо-Восточной Болгарии", потому что оно "более гладкое и свободное от архаизмов и неологизмов — двух погрешностей, которые больше всего мешают ясности любого языка"⁷⁰.

Некоторые деятели ограничивали основу литературного языка только балканским наречием, распространенным в центральной части Старой Планины и прилегающих районах. Так, С. Радулов (1853) доказывал преимущество этого наречия, исходя из того, что основой любого литературного языка является отдельное наречие какой-либо области, а не "наречие всего государства" (см. выше)⁷¹.

Примерно так же мотивировал выбор балканского наречия и Б. Петков (1857). Он писал, что наречие, занимающее центральные области Болгарии и Фракии по обеим сторонам Старой Планины, во-первых, представляет собой "самый чистый болгарский язык", и, во-вторых, меньше других отошло от древнеболгарского ("старий писменний") языка. В этой области болгарский язык звучит наиболее чисто, "живо и прилично"; удаляясь отсюда в разных направлениях, он постепенно изменяется и, надо думать, становится менее чистым и более далеким от древнеболгарского языка⁷².

Преобладание восточного (или уже — северо-восточного и балканского) наречия в общем объеме издававшихся болгарских книг было замечено книжниками очень рано. Уже Ю. Венелин (1838) писал: "Очень замечательное обстоятельство в первом зарождении болгарской литературы есть в том, что первые, которые начали кое-что издавать, принадлежат к наречию *атъ*"⁷³. Наречием *атъ* Венелин называет говоры, в которых употребляется членная форма *атъ* (т.е. *-ат*, *-ъм*), а эту форму, по его мнению, "чаще всего употребляют жители восточной Болгарии, реже жители начиная от Тернова к западу"⁷⁴.

Положение, однако, изменилось в 40-е годы. В это время северо-восточное (и в частности — балканское) наречие стало заметно брать верх во все увеличивавшемся числе болгарских изданий. Это было связано в большей мере с тем, что в книжную деятельность в это десятилетие активно включилась большая группа молодых болгар — воспитанников преимущественно русских университетов, семинарий и других учебных заведений. Как правило, эти болгары были уроженцами Восточной Болгарии — балканских городков и селений.

Явное преобладание книг, авторами и переводчиками которых были уроженцы Восточной Болгарии, особенно из района Старой Пла-

нины и прилегающих районов, очевидно. Это было ясно и книжникам того времени. Партений Зографский (1858), например, даже констатировал, что все болгарские книги, изданные к тому времени, были написаны на наречии "верхнеболгарском", т.е. на наречии Болгарии и Фракии, и что книги на македонском — другом главном наречии — не издавались совсем. Причину этого он усматривал в том, что возрождение болгарской письменности шло "сверху вниз", т.е. из Северной Болгарии на юг, к Македонии⁷⁵. Мнение П. Зографского о том, что книги на македонском наречии вообще не издавались, не совсем точно. Как известно, уже в начале XIX в. было напечатано несколько книг К. Пейчиновича и Й. Кырчовского, отражающих в большей или меньшей степени особенности македонского наречия.

Постоянное увеличение изданий, отражающих восточноболгарское наречие, естественно, порождало у многих читателей и самих авторов убеждение в том, что это наречие является господствующим в письменности (и не только в письменности) и что, таким образом, практически вопрос о диалектной основе литературного языка уже к началу 50-х годов был решен. Так, некто А.Нп.Т. (1851) писал, что язык стихотворения "Рай божий" И. Константинова, отражающий особенности македонского наречия, сильно отличается от "нашего письменного и разговорного языка"⁷⁶, т.е. достаточно хорошо определившимся критик признает язык, опирающийся на восточноболгарское наречие, или само это наречие.

Т. Стоянов-Бурмов (1860) в рецензии на грамматику Г. Мирковича писал, что это грамматика того наречия, которое в то время было наиболее употребительно в издаваемой литературе, которое "почти исключительно господствует теперь в нашем письменном языке"⁷⁷. Эту же мысль высказывал и один македонский учитель (некто Николай П.Ф.), который писал (1868), что изданные к тому времени учебные пособия были "переведены на так называемый болгарский (балканский) язык"⁷⁸. Для него, как, впрочем, и для некоторых других представителей интеллигенции в Македонии, оформлявшийся на этом наречии литературный язык не был приемлем в качестве общего и понятного для всех болгар язык⁷⁹.

Несмотря на безусловное преобладание книг, изданных на языке, в основу которого положено северо-восточное и главным образом балканское наречие, далеко не все книжники даже к началу 70-х годов считали вопрос о диалектной базе литературного языка решенным и были довольны таким ходом его развития. Многие считали, что литературный язык должен базироваться на всех наречиях, учитывать в частности особенности и македонского наречия. Даже не у всех книжников, писавших на северо-восточном наречии, была полная уверенность в том, что это наречие уже возобладало в болгарской письменности. Так, Т. Шишков (1869) в предисловии к учебнику по математике, отметив, что этот учебник написан на наречии болгар, живущих севернее Старой Планины ("болгар Северо-Восточной Болгарии"), выражал уверенность в том, что "рано или поздно это наречие возьмет верх над другими наречиями"⁸⁰.

§ 4. ПРЕДЛОЖЕНИЯ О ЗАПАДНОБОЛГАРСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ОСНОВЕ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Известно, что авторами части книг на болгарском языке, изданных уже в первые десятилетия прошлого века, были уроженцы западных областей болгароязычной территории — Й. Кырчовский, К. Пейчинович, Неофит Рильский, Хр. Павлович и др. В языке их книг широко представлены многие особенности говоров места их рождения.

Первым же, кто выступил с обоснованием установления литературного языка с необходимым учетом особенностей западноболгарских говоров, был Неофит Рильский в известной "Болгарска грамMATика сега перво сочинена" (1835). Давая широкую аргументацию необходимости единого литературного языка и принципов отбора или нормализации его звукового строя, грамматики и лексики, Неофит, правда, не ссылаясь прямо на западноболгарское наречие и не доказывая его преимуществ перед восточноболгарским наречием. Он, как известно, считал, что при "исправлении" болгарского языка в случае, когда речь идет о различиях между говорами, нужно ориентироваться на "словенский" (церковнославянский) язык. На практике же Неофит устанавливает ряд правил, отражающих соответствующие явления западноболгарского наречия, например, екавое произношение гласного на месте ѓ, отсутствие редукции безударных гласных *e, o*, окончания *-м* и *-ме* форм I л. ед. и мн. чисел настоящего времени глаголов и др. Однако другие предлагавшиеся им правила учитывают и отдельные особенности иных наречий или представляют собой искусственно созданные самим Неофитом, например, употребление трех различных членных форм мужского рода для разграничения падежей (см. выше) и др. Поэтому, строго говоря, Неофита Рильского и нельзя считать грамMATистом, который последовательно отдавал предпочтение западноболгарскому наречию или части этого наречия в качестве основы формировавшегося литературного языка.

Впоследствии, в 50—70-е годы, ряд книжников выступил за устройство болгарского литературного языка на диалектной основе того или иного западноболгарского ареала. Впервые о целесообразности создания общеполгарского литературного языка на македонской диалектной основе писал П. Зографский (1858). О том, что данные этого наречия следует принимать во внимание при создании грамматики литературного языка, книжники отмечали и до него, но в общей форме — в том смысле, что при создании такой грамматики необходимо опираться на все наречия. Зографский же первым из болгарских книжников поставил вопрос не о том, что особенности этого наречия не следует игнорировать при формировании единого литературного языка, а о том, что македонское наречие следовало бы положить в его основу: "Македонское наречие не только не должно и не может быть исключено из общего письменного языка, но и было бы хорошо, если бы оно было воспринято как главная его основа"⁸¹. П. Зографский выступает с таким предложением, несмотря на то, что, как он и сам отмечает, все изданные до того времени книги были написаны на наречии Болгарии и Фракии, а о македонском наречии,

кроме жителей Македонии, никто ничего определенного не знал. Вряд ли и сам Зографский рассчитывал на то, что его предложение будет поддержано если не всеми, то многими болгарскими книжниками. Однако он, как и многие другие, убежденный в том, что без учета особенностей всех наречий не может быть создан единый литературный язык, не только указывает некоторые характерные особенности македонского наречия, но и заявляет — не без чувства местного патриотизма, что оно "полнозвучнее, более плавно и более стройно, а во многих отношениях — полнее и богаче" других наречий и что по этой причине его следовало бы положить в качестве "главной основы" литературного языка⁸². Он предполагал написать грамматику этого наречия, в которой хотел рассмотреть "все его общие и местные идиотизмы" (т.е. особенности) в сопоставлении с другими болгарскими наречиями. К сожалению, это намерение П. Зографского не было осуществлено.

Рассматривая целый ряд особенностей звукового и грамматического строя македонского наречия в сопоставлении с восточноболгарским, он установил, что "первое и наиболее существенное различие между этими наречиями" касается места ударения: в македонском ударение падает обычно на начало слова, в другом наречии — на конец слов. Поэтому в македонском никогда нельзя встретить слово с ударением на последнем слоге, в то время как в другом наречии в большинстве слов ударение падает на окончание.

В области фонетики им указываются следующие особенности: 1) отсутствие шипящих *ж, ш* перед *д, т*; вместо *жд, шт* (<*dj, *tj) выступают или смягченные или твердые *д, т*; 2) отсутствие редукции безударных гласных *а, е, о*: *а* "всегда сохраняет полное и ясное произношение, но не произносится отрывисто и полугласно, как в другом наречии"; *е* и *о* "ни в каких случаях не изменяют своего произношения", в отличие от другого наречия, где *е* изменяется в *и*, а *о* в *у*; 3) старые *ѣ, ѝ* "сохранили свое полугласие" там, где они сохранились и в другом наречии (т.е. произносятся как *ѣ*); только в одном из македонских поднаречий на их месте произносятся *о*: *корсть, цорковь, ворвь, полнь, торга* вместо *кърсть, църковь, къртъ* и др.; фактически, как это следует из примеров, П. Зографский имеет здесь в виду произношение старых *ѣ, ѝ* только в сочетании с плавными между согласными, а не вообще в любой позиции; 4) на месте *ѣ* всегда, без исключения произносится чистое *е* и никогда не звучит 'а (у него: А), как это имеет место в другом наречии; 5) согласный *х* или совсем утрачивается (например, *ода, убаво, оро, арно, пишеа, одеа* вместо *хода, хубаво, и под.*) или же изменяется в *ф* (*пишефъ, читафъ, прафъ, фала* вместо *пишехъ, прахъ* и под.) и в (*уво, бълва* вместо *ухо, бълха*); 6) "рогатая буква *ж*" в македонском произносится как чистое *а* или — в некоторых местах — как *о* (*рака, мака, лажа* или *рока, мока, ложа* вместо *ржка, мжка, лъжа* и под.); только в одном поднаречии эта буква "сохранила" свое произношение (т.е. имеется в виду современный гласный *ѣ*), как это наблюдается и в другом наречии и то лишь в корне слова типа приведенных.

Из морфологических особенностей македонского наречия П. Зограф-

ский указывает следующие: 1) членные формы м.рода ед.ч. *овъ* и *онъ*; 2) сохранилось склонение собственных имен ("склонения - *та* на собственни-те имани поуцелеле въ Македонското наречие, отколи въ друго-то"); 3) существительные ср. рода на -*ре*, -*ле* и все уменьшительные оканчиваются во мн. числе на -*ина*: *поле* — *полина*, *море* — *морина*, *момче* — *момчина*, *книже* — *книжина*, в то время как в другом наречии такие существительные во мн. числе имеют окончание -*ета*; 4) окончания 3 л. ед.ч. настоящего времени глаголов -*тъ*; 5) различные — в зависимости от класса глаголов — окончания 3 л. мн.ч. настоящего времени; 6) наличие деепричастий.

Таковы особенности македонского наречия в сравнении с "другим" наречием (Болгарии и Фракии), которые П. Зографский считал, видимо, возможным утвердить и в литературном языке. В общем эти особенности характерны для западномакедонских говоров, в частности, галичникского — родного говора П. Зографского, особенности которого широко представлены в его произведениях, особенно в "Краткой священной истории" (1857).

Последующие споры о месте и роли македонского наречия в формировании болгарского литературного языка велись, главным образом, в рамках общей идеи о создании такого языка на полидиалектной основе (см. ниже).

В середине 70-х годов И. Ковачовым был поднят вопрос о шопской диалектной основе литературного языка. Исходя из того, что в болгарском представлены три основных наречия — балканское, македонское и шопское, которые, по его мнению, имеют незначительные различия в лексике и семантике и более существенные в морфологии, И. Ковачов предлагал избрать для литературного языка такую "живую форму, которая бы занимала среднее положение ("място") между остальными формами и которая бы ближе стояла к каждой из них"⁸⁴. Выбор "среднего" наречия, такой "средней" формы, наиболее близкой к другим наречиям, позволил бы одинаковое содержание, передаваемое по-разному в данных наречиях, выразить "на одном народном говоре, на одном общем языке". Такой "средней" формой, по мнению И. Ковачова, является шопское наречие, представленное в Кюстендиле и его окрестностях⁸⁵. Именно промежуточное (в языковом отношении) положение шопского (точнее здесь: кюстендилского) наречия среди других наречий — вот главный аргумент И. Ковачова в пользу шопской основы литературного языка. К этому он добавляет, что данное наречие и территориально расположено в "средоточии нашего народа", что обуславливает его "естественный переход одного наречия в другое"⁸⁶.

В пользу шопского наречия говорит, далее, то, что оно, по его мнению, наиболее чистое из всех болгарских наречий, лучше других сохранило собственно болгарские особенности и меньше всех испытало иноязычное влияние и, благодаря этому, отличается от других наречий "гладкостью, ясностью, полнозвучностью и ритмичностью"⁸⁷ — качествами, которыми, по мнению И. Ковачова, должен обладать литературный язык.

Далее, шопское наречие — общепонятно для всех жителей Бол-

гари. Куда бы ни пошел житель Кюстендила или Пиянца, отмечает И. Ковачов, его всюду хорошо понимают, так же как и он хорошо понимает любое наречие. Именно это обстоятельство⁸⁸, а не пустое оригинальничанье ("салтанат") и произвол, должно играть решающую роль в утверждении данного наречия в качестве основы литературного языка. В этой связи И. Ковачов отмечает, что недостатком исключительного употребления современного литературного языка, а по существу — балканского наречия, является его неясность и невразумительность для большинства болгар. Нужно подчеркнуть, что И. Ковачов, в отличие от многих болгарских книжников как до него, так и после него, придавал большое значение тому, чтобы единый литературный язык был близок и к македонскому наречию, и, тем самым, был понятен жителям Македонии. Писатели Болгарии, заключает И. Ковачов, "очень хорошо сделают, если начнут впредь употреблять шопское наречие. Тогда они будут уверены, что их бедные братья, читая их сочинения, уже не будут говорить: "Много красно, виде се, ми врешш, / Но не знам, братенце, що ми велеш!"⁸⁹.

Наконец, шопское наречие имеет, согласно Ковачову, еще и то преимущество, что оно не представляет особых трудностей для овладения: достаточно лишь указать его особенности, чтобы их усвоил тот, кто "более или менее знает грамматику балканского наречия"⁹⁰.

И. Ковачов указывает и целый ряд особенностей кюстендилского говора (главным образом, морфологических), которые, надо думать, он хотел бы утвердить и в литературном языке. Приведем здесь лишь некоторые из перечисленных им особенностей: членная форма м. рода *-ът* (у него: *жт*), местоимения 1 л. ед.ч. *аз* и *яз*, 3 л. *он*, *она*, *оно*, *они*; указательные местоимения *той*, *тая*, *тия*, *онай*, *оная*, *оня* (т.е. не с частицей *-зи*, типа *тази*, *онази*, как в балканском наречии); относительное местоимение *що* для всех родов и чисел (*който*, *която* и под. — в балканском наречии); притяжательное местоимение *си* для всех родов и чисел (вместо *му*, *ми*, *ти*, *и*, *ни*, *ви*, *им*), когда оно относится к подлежащему; местоимение *всички* имеет членные формы *всет*, *всета*, *всето*, *всит*; членная форма ж. рода, прилагательные, числительные и местоимения ж. рода никогда не имеют "в дополнении" окончания *ж*, *јж* (т.е. во всех случаях употребляется общая форма и членная форма только на *-а*); все глаголы в 1 л. ед.ч. наст. вр. имеют окончания *-ам* (*-ям*); почти все глаголы на *-вам*, *-ввам* в балканском наречии оканчиваются в шопском на *-увам* (*зимувам*, *напредувам*); формы аориста имеют ударение на окончании (*-ах*, *-их*, *-ох* и т.д.); аористные причастия оканчиваются на *-ле* (ср. *-ли* в балканском), частица будущего времени *шче* или *че*; сравнительно редкое употребление форм пересказательного наклонения; после *не дей* или *не мой* употребляется *да* + личная форма настоящего времени (*не дей да хвацаш*); употребление деепричастия на *-айки*, *-ейки*. Из других особенностей, указываемых И. Ковачовым, отметим любопытное "благозвучие", не допускающее стечения одного и того же звука или слога на стыке слов; вместо *он ми мисле злото*, но *аз си мълчам* нужно *он ми злото мисли*, но *си яз мълчам*. По этой же причине — ради благозвучия — не повторяются

энклитики, союзы, предлоги и пр., относящиеся к ряду слов: *да яде и не, они се мотат и сжрдат* вместо *да яде и да не* и под.

Только в одном делает И. Ковачов уступку балканскому наречию. Правда, эта уступка касается очень важного диалектного различия. Речь идет о произношении *ǎ*, который, по мнению И. Ковачова, должен в литературном языке произноситься не по-шопски, т.е. как *e*, а так, как он произносится в балканском наречии: *'a* и *e*. Делает он эту уступку потому, что и в македонском наречии он встретил произношение *'a* на месте *ǎ* (*цана, трава, неваста, ляп*), из чего заключил, что произношение *'a* (у него: *я*) — "характерная черта болгарского языка"⁹¹.

Введение "шопской формы" народного языка в качестве литературного будет иметь, по мнению И. Ковачова, ряд преимуществ, в частности, значительно облегчит изучение учениками глагола, позволит ясно распознавать слова неболгарского происхождения и легко находить в народном языке слова для замены русских заимствований⁹².

Понимая, что шопское наречие при всех его преимуществах, по сравнению с балканским и македонским не свободно, "может быть, от некоторых мелких недостатков, однако со временем наука и особенно поэзия сгладит их и гораздо быстрее и удачнее, чем недостатки других форм", — писал И. Ковачов⁹³.

Этой идее И. Ковачова не суждено было сбыться. Будь она высказана не в середине 70-х годов XIX в., а в 30—40-е годы, когда только рождались споры о путях формирования нового болгарского литературного языка, она, возможно, нашла бы резонанс в возникшей вскоре атмосфере разногласия по вопросу о диалектной основе. К этому нужно добавить и то, что и в то время у части книжников ощущалось известное пренебрежение к шопскому наречию. Об этом может свидетельствовать, например, замечание П. Иванова (1871) о том, будто шопское наречие, как и македонское, "вызывает смех" у остальных болгар⁹⁴. Критикуя В. Мачуковского (1872) за намерение издать "болгарскую грамматику на македонском наречии" тот же П. Иванов писал: "Едва ли бы вы, г-н Мачуковский, не стали смеяться, если бы однажды утром увидели объявление о том, что издается болгарская грамматика и на шопском наречии"⁹⁵. Такое отношение к шопскому наречию со стороны даже некоторых книжников вряд ли могло способствовать тому, чтобы призыв И. Ковачова, обратившего на него внимание соотечественников, имел сколько-нибудь значительный шанс быть поддержанным. К середине 70-х годов судьба нового болгарского литературного языка уже прочно была связана с восточно-болгарским (главным образом балканским) наречием. Однако сам факт выступления И. Ковачова в пользу шопской диалектной основы литературного языка остается любопытной страницей в его истории.

§ 5. КРИТИКА ИДЕИ МОНОДИАЛЕКТНОЙ ОСНОВЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Попытки и предложения отдельных книжников об устройстве литературного языка на основе одного наречия наталкивались нередко на сопротивление (иногда очень резкое) других. При этом, — и это следует подчеркнуть, — возражая против таких предложений, они исходили не с позиций сторонника некоего общеполгарского наддиалектного или междиалектного койне (такого в то время не было), а с позиций приверженца тоже конкретной, но иной диалектной базы литературного языка. Иными словами, взамен негодной, неприемлемой для одних диалектной основы предлагалась другая конкретная диалектная база, которая в свою очередь по тем же причинам отвергалась другими книжниками.

О том, насколько сильны и непримиримы были противоречия по вопросу о конкретной диалектной базе, свидетельствуют сами высказывания многих деятелей тех десятилетий. В конце 60-х годов, когда, казалось, вопрос о диалектной базе уже был решен самым ходом развития школьного дела, литературы, журналистики и под., например, Хр. Данов еще писал, что приверженцы мизийской основы языка (т.е. сторонники так называемой тырновской школы) рассматривают книги на фракийском наречии как отраву для детей, а приверженцы фракийской основы языка (т.е. представители пловдивской школы) такой же отравой считают книги, изданные на мизийском наречии⁹⁶.

В качестве основного аргумента против нормализации языка на основе одного диалекта или (что в сущности почти одно и то же) установления данного диалекта в качестве общего и единого литературного языка выдвигалось положение, что такой язык не будет понятен для всех болгар. Общепонятность же литературного языка рассматривалась как совершенно необходимая черта, без которой он не может претендовать на право быть "общим", т.е. всенародным или, как сейчас мы бы сказали, национальным. Материалы эпохи Возрождения дают этому много свидетельств. Сошлемся на мнение нескольких видных деятелей.

Г. Раковский в одной из статей подчеркивал (1860), что литературный язык должен быть "понятен всем болгарам и особенно македонцам" и что поэтому при его создании нельзя "ограничиться одним только местным наречием"⁹⁷. Он ссылался и на опыт европейских народов (немцев, итальянцев, французов), который говорит, по его мнению, о нецелесообразности устройства литературного языка, как общепонятного по своему назначению, на базе одного наречия. "Было бы совсем неправильно, чтобы мы, болгары, теперь не обратили на это внимание!"⁹⁸. Мнение Раковского в данном случае особенно интересно, так как он, в отличие от многих единомышленников в этом вопросе, не только констатировал невозможность устройства общепонятного языка, опирающегося на одно наречие, но и показал пример создания языка, отвечающего, как ему казалось, требованию общепонятности. Правда, опыт Раковского оказался явно

неудачным, и его язык подвергся справедливой критике прежде всего за то, что он был непонятен.

О неправомерности предпочтения одного наречия при создании общего для всех болгар литературного языка уже на рубеже 60—70-х годов неоднократно писал К. Шапкарев, указывая, что при "образовании и выработке" языка нельзя "предпочитать исключительно то или иное наречие (например, мизийское, фракийское или македонское), на котором были воспитаны книжники и которое они пытаются представлять как болгарский язык вообще, видя в других лишь помеху устройству единого языка. Шапкарев, в отличие от Раковского, считает необудительной ссылку на западноевропейской языки тех авторов, кто доказывает необходимость однодиалектной базы и для болгарского литературного языка, ибо европейские языки и народы не имеют ничего общего с болгарским языком и народом"⁹⁹.

Мысль о том, что создаваемый литературный язык не может базироваться на одном наречии, неоднократно высказывал И. Богоров, подчеркивая, что никто не имеет права "писать книгу для всего народа на местном наречии"¹⁰⁰. Показательно в этом отношении и мнение З. Княжевского. Отметив, что все славянские народы пишут согласно твердым правилам своих языков, он еще в 1869 г. указывал на противоположное отношение болгар к своему родному языку. "Прежде всего — мы не стараемся приводить частные разноречия ("разноговорения") к более общему обработанному ("питомен") и употребительному говору; мы больше стараемся расчлнять общий язык, руководствуясь каждый собственным частным языком своего места рождения — клинчовским или шопским, наполовину сербским или македонским, который в Румынии и Фракии совершенно не понимают. Одним словом — вавилонское столпотворение!"¹⁰¹. "Клинчовским" (или "клинковским") З. Княжевский и некоторые другие возрожденцы неодобительно называли говор Копривщицы, отраженный в грамматических трудах и других изданиях уроженцев этого горного городка, прежде всего Найдена Герова, Иоакима Груева и др.

Осуждались решительно попытки тех книжников, кто стремился навязывать свое наречие всем болгарам. "Некоторые же, — писал Богоров, — идут дальше, желая навязать свое наречие как якобы более правильное всем болгарам"¹⁰². Богоров видел в этом одно из серьезных препятствий на пути к скорейшему созданию действительно единого и общепонятного литературного языка. Такие попытки, как и практика издания книг на местных наречиях, "приносят немалый вред успеху" и болгарской литературе, прежде чем они будут изжиты¹⁰³. С этих позиций он подвергал резкой критике язык многих авторов и особенно Й. Груева. Богоров, вероятно, не сомневался в том, что попытки отдельных лиц утвердить их собственное наречие в качестве общего литературного языка в конечном счете потерпят неудачу, и видел подтверждение этому в крахе имевших место подобных начинаний. Так, причину непродолжительного существования в 40-е годы журнала "Любословие" Богоров усматривал в том, что его редактор, К. Фотинов, "очень сильно

придерживался своего местного наречия”, хотя предназначал этот журнал для всего народа¹⁰⁴.

Обусловленное привязанностью критиков к своему родному наречию неприятие той диалектной основы, на которой настаивали другие писатели и грамматисты, нередко распространялось не только на язык этих авторов, но и на изданные ими грамматики. Это можно показать на примере Богорова и Й. Груева. Выше уже говорилось об отношении Богорова к языку Й. Груева. Такое же отрицательное отношение к нему высказывали и другие известные деятели. Достаточно сослаться здесь на протокол собрания группы видных учителей и книгоиздателей, состоявшегося в Тырнове 11 мая 1869 г. Собравшиеся, среди которых были Н. Михайловский, И. Момчилов, Петко Славейков и др., констатировали, что в своей книге “Основа за българска граматика” Й. Груев “нагромоздил кучу несуразностей”, что в ней он “не составляет правила согласно свойствам болгарского языка и не заботится о его постепенной обработке, а, наоборот, хочет раз и навсегда подчинить наш язык своим собственным правилам”¹⁰⁵. Участники собрания пришли к заключению, что настала пора издавать книги не на “груевском” языке, а на настоящем болгарском языке¹⁰⁶.

Не менее резким нападкам подвергался также язык и грамматики Богорова — “Първичка българска граматика” (1844) и “Първичка българска словница” (1848). В литературе обычно отмечается критика современниками его пуристических и словотворческих увлечений. Однако объектом нападков, порой грубых и далеко не всегда справедливых, был и его язык в целом. Так, некто Драгойский писал в 1851 г. (т.е. в то время, когда пуристические и словотворческие тенденции у Богорова носили еще умеренный характер), что такой язык, на котором пишет Богоров, ему приходилось слышать только “от некоторых совсем старых и несчастных беззубых балканских старух и греков”, что это гнусавый и вызывающий смех и вообще не чисто болгарский, а “просто-старо-бабо-вляхо-въртинарско-цигано-болгаро-никаквий” язык¹⁰⁷. Драгойский здесь явно намекает на балканское наречие, которое в сочетании с индивидуальными особенностями языка и орфографии Богорова и представляет, по его мнению, не болгарский язык, а невообразимую смесь.

Столь же резко, сколь и несправедливо, оценивал язык ранних книг Богорова и Н. Геров. Говоря о “Краткой математической географии” Богорова, он писал (1851), что Богоров “совсем не знает болгарского языка”, что он “ломает (“кълчи”) и мнет его так, как ему вздумается”¹⁰⁸. Геров возмущался тем, что изданная дважды грамматика Богорова — это перевод русской грамматики Н. Греча, а не болгарского языка и что Богоров “в такие лохмотья хочет одеть болгарский язык, нисколько не задумываясь над тем, что такой колпак не годится для этой головы”¹⁰⁹.

Подобного рода обвинения направлялись по адресу языка Богорова и позднее. Если отвлечься от чрезмерных увлечений в области словотворчества, объясняемых его пуристическими настроениями, то следует признать, что язык Богорова — глубоко народный, гораздо более

чистый, чем язык многих его современников. Отвергая несправедливые обвинения Н. Герова в полном незнании болгарского языка, Богоров писал (1851): "Неужели тот, кто старается, насколько возможно, писать согласно свойствам своего родного языка, достоин осуждения?"¹¹⁰.

То, что язык и грамматики отдельных авторов отвергались критиками с позиции их собственного наречия или грамматик, которые они, в свою очередь, сами хотели утвердить в качестве "общей" нормы, было очевидно и тогда.

Еще в 30-е годы налицо была тенденция отдельных книжников всячески превозносить достоинства собственного наречия и поносить чужое, что уже и в то время вызывало справедливые возражения других книжников. Неофит Рильский, например, писал (1835) о таких авторах, что они предпочитают "свое местное наречие без каких-либо оснований и доказательств и только свое местное наречие защищают и расхваливают, а чужое — плохое или хорошее — без разбору укоряют и унижают"¹¹¹. В последующие десятилетия отношение некоторых книжников к чужим наречиям мало изменилось. Д. Войников (1860) с горечью констатировал, что любой болгарский писатель и переводчик услышал в свой адрес гораздо больше упреков, чем похвалы, причем упреков за то, что он в своем творчестве не следовал наречию и правописанию своего критика или соответствующего "ученого"¹¹². Еще позднее К. Шапкарев (1870) писал, что многие книжники принимали за "более общее" (т.е. литературный язык) восточноболгарское наречие только потому, что они были воспитаны на этом наречии и поэтому отрицательно относились ко всяким попыткам использования других наречий"¹¹³.

К этому следует добавить, что отрицательное отношение к тому или иному наречию как основе литературного языка могло иногда диктоваться и утвердившимся в народе данной области и разделявшимся отдельными авторами пренебрежительным отношением к наречию соседей и вообще других областей как к наречию неправильному, не чисто болгарскому и под.

Вместе с этим надо подчеркнуть, что неприятие грамматик и языка произведений отдельных авторов мотивировалось не только привязанностью к собственному наречию.

Некоторые авторы, как уже сказано выше, были всерьез озабочены тем, что утверждение какого-либо одного наречия в качестве основы общего литературного языка сделает последний в действительности непонятым для части болгар и лишит его этим самым важнейшей функции. Характерным в этом смысле было отношение ряда деятелей Возрождения, особенно уроженцев Македонии (К. Шапкарева и др.), к балканскому наречию, ставшему господствующим в письменности уже в 50-е годы. Еще в самом начале 60-х годов XIX в. некто Т.Р. писал редактору "Цариградского вестника", что жители Македонии ("македонцы-те"), наиболее отсталая в образовании часть болгарского населения, "испытывают наибольшее затруднение в понимании нынешнего письменного языка"¹¹⁴. Показательно в этом отношении и мнение И. Ковачова, который даже в середине 70-х годов

писал о "неудовлетворительности исключительного употребления одного только наречия и особенно нашего современного литературного языка или, что одно и то же, балканского наречия", характер которого делает его непонятным для многих болгар¹¹⁵. Однако сам Ковачов, как уже говорилось выше, не мог предложить взамен балканского наречия ничего иного, кроме ... своего родного, кюстендилского наречия, которое, как ему казалось, одинаково понятно жителям Северной Болгарии, Фракии и Македонии.

Немалое число книжников эпохи Возрождения, таким образом, видели в настойчивом следовании своих современников родным диалектам (говорам) преграду на пути создания единого общеполитического литературного языка. Нежелание идти на компромиссы в выборе общеприемлемой диалектной основы расценивалось обычно как одна из причин ширившегося разнобоя в предлагавшихся грамматистами и другими книжниками правил языка.

§ 6. ВЫСТУПЛЕНИЯ ЗА СИНТЕЗ НАРЕЧИЙ КАК ОСНОВЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Идея устройства единого литературного языка на основе разных наречий (диалектов), путем своего рода синтеза их особенностей была у болгарских книжников эпохи Возрождения довольно популярна. Такой путь создания литературного языка защищали многие деятели той поры, полагая, что именно таким путем болгары сумеют скорее всего решить задачу создания единого общеполитического литературного языка. Синтез особенностей разных наречий в едином литературном языке давал последнему, по мнению приверженцев такого пути, ряд важных преимуществ, пренебрегать которыми в условиях многодиалектной Болгарии его строители не имели права. Представлялось прежде всего, что язык, синтезирующий особенности разных наречий, был бы действительно "общим", а не "частным", отражающим особенности отдельного наречия; поэтому такой язык был бы и общепонятным или в равной мере понятным для жителей всех болгароязычных областей. Общепонятность же языка, как уже говорилось и выше, считалась важнейшей и неотъемлемой чертой литературного языка. Напомним мнение Г. Раковского (1860), подчеркивавшего, что, поскольку общий литературный язык "должен быть понятен всем болгарам и особенно македонцам", его "нельзя ограничивать одним только местным наречием"¹¹⁶.

Другое, не менее существенное, преимущество такого пути устройства литературного языка усматривалось в том, что он якобы устраняет существовавшие распри между приверженцами разных наречий, ибо открывает перед всеми наречиями как бы равные возможности в выработке единых норм.

Наконец, синтез особенностей разных наречий рассматривался как наиболее прочная преграда к утверждению ареальных вариантов литературного языка, а в связи с этим и как своего рода гарантия предотвращения разъединения народа. Последнее обстоятельство стало

особенно актуальным в конце 60-х—начале 70-х годов, когда обнаружили некоторые симптомы обособленной литературной обработки македонского наречия, ориентированной для нужд местных школ.

Ссылались также и на опыт создания литературных языков у других народов, который якобы недвусмысленно говорит в пользу устройства болгарского литературного языка путем синтеза особенностей разных наречий. Так, Г. Раковский указывал, что опыт европейских народов — немцев, французов, итальянцев — свидетельствует о нецелесообразности устройства литературного языка, который должен быть понятен всему данному народу, на базе какого-либо одного наречия. "Было бы совсем неправильно ("безместно"), — писал он, — если бы мы, болгары, теперь не обратили на это внимание!"¹¹⁷

Несмотря на, казалось бы, очевидные преимущества данного пути формирования литературного языка, его практическое осуществление наталкивалось на значительные трудности, которые в целом сводились к тому, каким образом добиться желаемого единства норм этого языка. Это был очень сложный для практического разрешения (в тогдашних условиях и объективно вряд ли вообще возможного) вопрос. К этому следует добавить и резко отрицательное отношение со стороны немалого числа деятелей Возрождения к наиболее ярким опытам соединения особенностей разных наречий. Тем не менее многие книжники, доказывавшие необходимость такого пути устройства литературного языка, предлагали те или иные конкретные пути и средства для его реализации, а некоторые из них своим языком дали и пример соединения разнодиалектных особенностей.

Хронологически первым, кто выступил с известным обоснованием учета данных разных диалектов (как и во многих других вопросах истории формирования литературного языка), был Неофит Рильский. Правда, Неофит нигде не формулирует это положение со всей определенностью, однако общая его концепция формирования литературного языка дает, на наш взгляд, достаточно оснований считать его и родоначальником идеи полидиалектной основы. Неофит довольно решительно выступал против издания книг на местных наречиях, восхваления одних наречий и неудержного поругания других. Он настойчиво доказывал, что первостепенной задачей образованных болгар является создание "общей, а не местной грамматики", правила которой были бы обязательными для всех пишущих¹¹⁸. Вместе с этим он был убежден, что в условиях многообразия наречий добиться "исправления" и "совершенства" ("сладост") единого литературного языка (он имел в виду письменный язык) невозможно, если слепо следовать во всем простонародной речи. Поэтому единственный выход Рильский видел в том, чтобы из всего многообразия речи (которую он не без сожаления называл "развращенным и невоздержанным языком") отбирать то, что может составить "правильный и настоящий болгарский язык"¹¹⁹. Создание такого языка, по мнению Неофита, невозможно, если не прибегнуть к помощи "славянского" (церковнославянского). "Ничто не может противоречить тому, — указывал он, — что [болгарский язык] от него должен принять свое исправление и восполнить свои недостатки"¹²⁰. Более того, он считал, что даже те,

кто защищает и восхваляет свои местные наречия, "должны всегда иметь наготове славенский в качестве истинного ("неложен") свидетеля и твердо его держаться, чтобы не заслужить порицание других"¹²¹.

Это совсем не означает, что Неофит при нормализации языка целиком опираться на "славенский". Последний для него служил прежде всего своего рода ситом при отборе для литературного (письменного) языка особенностей (главным образом лексических), представляющих различия по диалектам. Так, он предлагал закрепить в литературном языке слова *нога, ключь, риза, обьдь*, а не *кракъ, анахтарь, кошула, ручокъ*, поскольку первые встречаются в части наречий и представлены и в "славенском" и поскольку они, по его мнению, понятны всем болгарам в отличие от вторых, которые многим могут быть неизвестны¹²². Правда, Неофит не придавал исключительно большого значения общепонятности (в частности слов), так как считал, что отбрасывать ("да ги отmetaме") нужно и понятные ("удобовразумителни"), хотя и "неправильные" слова. Последними он признавал слова, которых не было в "славенском". Наиболее же ярким примером известного синтеза особенностей разных наречий у Неофита является, конечно, решение им проблемы членной формы мужского рода, о чем речь шла выше.

Точку зрения, близкую к изложенной, в начале 50-х годов развивал один неизвестный автор. Как и Неофит, он был против того, чтобы книжники писали так, как говорят в данном городе или селе, ибо в отдельных местах одно говорится "правильно", а другое — "неправильно". Чтобы создать "более правильное и более чистое наречие", которое могло бы служить "хорошим письменным языком", надо, по его мнению, следовать такому пути: каждый пишущий должен устанавливать и отбирать "правильное". Созданный таким искусственным образом язык не будет иметь особенностей, чуждых болгарскому языку, что, естественно, представляло бы большое преимущество литературного языка. Первоначально это был бы "общий разговорный язык ученых" (т.е. вообще образованных людей), который впоследствии оказал бы благотворное влияние на речь народа, "несколько исправив ее"¹²³.

Однако каковы критерии отбора различающихся элементов языка и окачествления одного (или нескольких) из них как правильного (правильных), этот автор не указывает. Лишь в отношении отбора слов он замечает, что руководство здесь может служить церковнославянский. Именно на него он рекомендовал ориентироваться ("да ся оправяме"), чтобы "узнать, что правильно и что неправильно в словах нашего разговорного языка"¹²⁴. Видимо, во всех конкретных случаях лексических различий между отдельными наречиями "правильным", с точки зрения этого автора, является слово того наречия, в котором оно соответствует церковнославянскому.

По-видимому, с известным синтезом особенностей разных наречий еще раньше связывал создание болгарского языка и Ю.И. Венелин. Он выступал (1838) решительно против того, чтобы данное наречие навязывалось всем книжникам и рассматривалось, таким об-

разом, как общий литературный язык. Вместе с этим он подчеркивал, что "грамматика (а следовательно, и литературный язык в целом. — Г.В.) не должна угождать и не в состоянии угождать всем жаргонам", т.е. языку всех писателей и всем наречиям¹²⁵. Необходимо издать грамматики местных наречий, сопоставив которые, "суд высшей филологии" сможет легко "выбрать все хорошее и составить хорошее и правильное целое, основанное на законах и достаточных причинах"¹²⁶. Такого пути создания литературного языка требует будущее болгарской литературы, и именно такой путь, по мнению русского ученого, избавит болгар от "раздора грамматического", господствующего у их западных соседей-славян¹²⁷. При этом собственный "суд высшей филологии" Венелина, с одной стороны, не признает "хорошими" некоторые характерные новоболгарские особенности (например, членные формы), а с другой, наделяет таким качеством другие, утраченные болгарским языком особенности. Свои представления о характере болгарского литературного языка Венелин попытался воплотить в оставшейся в рукописи "Грамматике нынешнего болгарского наречия". Точку зрения Венелина полностью разделял несколько позднее Н. Палаузов¹²⁸.

В первых выступлениях приверженцев синтеза особенностей разных наречий еще не было прямых указаний на то, какие именно наречия должны участвовать в отборе "хорошего", "правильного" для установления единых норм "общего" языка. Предполагалось, по-видимому, что в этом важнейшем общенародном деле могут и должны принять во внимание все наречия. Естественно, однако, что каждый книжник вольно или невольно старался утвердить в опытах создаваемого таким образом литературного языка обязательно особенности и своего наречия. В 50-е годы и позднее вопрос о необходимости синтеза особенностей разных наречий приобретает все более конкретный характер. Книжники уже не ограничиваются простой констатацией того положения, что в литературном языке должны быть учтены особенности всех наречий, а прямо указывают, какие именно главные наречия должны дать "строительный материал" для его воздвигаемой основы. При этом постепенно росло число книжников, указывавших на необходимость привлечения к построению такой основы и македонского наречия. И можно сказать, что основной смысл споров вокруг диалектной основы на рубеже 60—70-х годов касался именно роли и места македонского наречия в создававшемся литературном языке.

Так, известный синтез особенностей разных наречий, главным образом македонского и северо-восточного на основе церковнославянского предлагал Й. Константинов (Джинот), родом из Велеса. Он считал (1852), что язык, на котором он пишет, никому не вредит ("не криви"), а его правописание никого не смущает, и рассматривал как доступную пониманию каждого вещь, что его язык опирается на разные наречия ("е навикнат от различни наречия")¹²⁹. Константинов был убежден, что со временем язык, на котором он писал сам, встретит поддержку ученых обществ, и полагал, видимо, что такой язык и станет "общим" для болгар. Он говорил, что

нетрудно усвоить, например, *ще, ке и шче, гледайки, гледаюћи и гледающе, бывайки и бввающе, будуки и будучи, ученѣ и учение, послѣдуе и послѣдува*¹³⁰ и др., т.е. формы, одни из которых свойственны македонскому и шире — западному наречию, а другие — иным наречиям. Однако "ради общей пользы" он отказался, например, от частиц будущего времени *ке, ће*¹³¹, от дееспричастий типа *говорейки, существительных типа сѣиенѣ, мыенѣ* и др.¹³²

Опыт Константинова, как и подобные попытки других авторов, был встречен довольно критически, хотя идею отражения в общем литературном языке и македонских особенностей впоследствии развивали многие видные книжники.

О целесообразности создания литературного языка путем известного синтеза особенностей разных наречий и о больших преимуществах созданного таким путем языка писал в одной из статей и Партений Зографский (1857). Различая в болгарском два главных наречия — "верхнеболгарское", или македонское, и "нижнеболгарское", или восточноболгарское, каждое из которых распадается на поднаречия, он указывал, что "общее письменное наречие" нужно составить из выявленных особенностей ("частностей") всех наречий и поднаречий. Соединение этих "частностей" позволит создать язык "более полный, более богатый и более приятный", чем тот, который бы базировался на каком-либо одном наречии.¹³³ Такой язык, пишет Зографский в другом месте, будет "богат, разнообразен и всем приятен, свой и наш", ибо он будет включать такие особенности данного наречия, каких нет в других, и отдельные наречия в нем будут дополнять друг друга¹³⁴.

Опираясь на эти наречия, учитывая их особенности можно создать действительно общий для всех литературный язык. Такой язык был бы приемлем для жителей всех областей Болгарии, и каждый болгарин считал бы его "своим и нашим", т.е. видел бы в нем особенности и своего родного наречия и в то же время считал бы его общеполгарским. Данного пути формирования языка требуют "здоровый смысл, истина и правда, наша собственная польза и быстрый успех в науках"¹³⁵.

П. Зографский, однако, понимал, что создание "общего письменного наречия" таким путем — дело трудное и сложное. Для этого необходимо прежде всего изучить ("да се приведат в известность") все местные наречия с особенностями их лексики, фонетики, грамматики, так как различия касаются не только отдельных слов и произношения, но и "построения некоторых частей грамматики"¹³⁶. Без предварительного изучения и установления особенностей всех наречий какие-либо рассуждения о создании литературного языка Зографскому кажутся беспредметными. Но каким образом после этого должно практически произойти объединение разномаректных особенностей, каково соотношение особенностей отдельных наречий и какие именно особенности их должны быть закреплены в "общем письменном наречии", он не разъясняет. Его суждения о том, что должно войти в литературный язык из отдельных наречий, как правило, слишком общи и неконкретны. Он указывает, правда, два

важных условия, без которых начертанный им путь устройства литературного языка зайдет в тупик.

Во-первых, писал он, нужно отложить в сторону "любое при- страстие и самолюбие". Иными словами, надо отказаться от узко- местнических, лжепатриотических суждений о достоинствах родного наречия и неуважительного отношения к другим наречиям. Допуская возможность закрепления в литературном языке системы тройных членных форм, известной в македонском наречии, и как бы предупреждая возражения против таких форм тех болгарских книжников, кто не знает об их существовании, П. Зографский призывал приверженцев "верхнеболгарской" основы литературного языка "не бояться" таких форм, так как в других вопросах македонское наречие уступит "верхнеболгарскому". Он писал: "Не бойтесь, есть случаи и места..., где македонское наречие должно следовать другому", т.е. "верхнеболгарскому"¹³⁷. Вообще создание единых правил "общего письменного наречия" путем объединения особенностей этих главных наречий с их поднаречиями должно проходить, подчеркивал Зографский, "по-братски и по-христиански".¹³⁸

Во-вторых, необходимо участие многих сведущих в вопросах языка людей, потому что, писал Зографский, нет такого человека, который бы знал "все подробности всех наречий". В этой связи он призывал соотечественников относиться с уважением к мнению других, благожелательно и с благодарностью воспринимать замечания критиков, ибо замечания должны способствовать выработке единых правил литературного языка. С другой стороны, каждый должен свободно изложить свою точку зрения по любым вопросам языка, поправить и дополнить изложение по этим вопросам других авторов. Болгарин, имеющий свое суждение по вопросам языка и держащий его при себе, — это "враг и недоброжелатель своего народа"¹³⁹. Если обмена мнениями не будет, то нет и смысла вообще поднимать в печати вопросы создания "общего письменного наречия", чтобы "не сотрясать впустую воздух"¹⁴⁰.

Попытка сочетать особенности разных наречий была предпринята и Р. Жинзифовым (1863), который решительно подчеркивал, что существует "единый целостный народ болгарский и единый язык болгарский, который, как и любой другой язык, делится на наречия"¹⁴¹. Исходя из этого общего положения, он, вероятно, полагал, что особенности всех существующих наречий единого болгарского языка могут в равной мере выступать в языке писателей. Поэтому в его переводах и собственных сочинениях и отражены отдельные явления македонского и восточноболгарского наречия, например: *ржкá* и *ржка*, *водá* и *вода*, *планинá* и *плáнина*, *пжть* и *пать*, *мжчно* и *мачно*, *ржка* и *рака* и под.¹⁴² Параллельное употребление этих и других дублетных слов и форм у него — не случайно и ошибочно, а, следовательно, сознательный и обдуманый шаг. Он писал, что перечисленные различия в языке были ему более или менее известны и не являются "ошибками от незнания"¹⁴³. Как может быть оценен такой язык — "хорошо ли мы сделали или плохо", — это уже другой вопрос, указывал Жинзифов¹⁴⁴. Как

видим, Жинзифов не устанавливает каких-либо критериев отбора и соответственно синтеза разнодиалектных особенностей. Можно думать, что на первых порах создания литературного (у него: письменного) языка он считал уместным и правомерным употребление всего, что представлено в народном языке. "Перед народным языком мы не можем не молчать", — писал он¹⁴⁵.

По мнению В. Стоянова (1865), литературный язык должен быть основан на двух наречиях — восточноболгарском и западном или македонском. Однако никаких более конкретных суждений по данному вопросу он не высказывал¹⁴⁶. Хр. Данов (1869) писал, что "общая болгарская грамматика", создание которой является главной задачей книжников, должна охватывать "все главные местные наречия и поднаречия"¹⁴⁷, каковыми, по его мнению, являются мизийское, фракийское и македонское. Синтез особенностей этих наречий должен быть осуществлен на основе древнего языка, сохранившегося, как полагал Данов, почти без изменений в письменности и живой речи. "Хорошо было бы, — писал он, — взять за основу нашего письменного языка наш же общий язык, на котором говорили и писали в старое время и который и теперь используется в речи и письменности, обнаруживая совсем незначительные различия"¹⁴⁸. Однако как конкретно следовало осуществлять охват всех главных наречий и поднаречий на основе древнего языка Хр. Данов не разъяснял и вряд ли он себе это более или менее ясно представлял.

Более конкретной, хотя и не более реальной, выглядит точка зрения (1868) неизвестного автора — "одного македонца". По его мнению, создание единого литературного языка должно произойти путем сближения двух основных наречий — македонского и "верхнеболгарского" (или "фракийско-мизийского"). Автор считает, что до тех пор, пока эти наречия не сблизятся, не может быть создана "единая общая болгарская грамматика". Сближение же их (а следовательно, и создание общей грамматики) произойдет в том случае, если македонские болгары выбросят из своего наречия "растленное и излишнее" и заменят его тем из "верхнеболгарского" наречия, что "более благозвучно и более выразительно" (по стегноту) и что представлено в "первобытном", т.е. древнем, языке, и если подобным же образом поступят со своим наречием представители Мизии и Фракии. Только таким образом, по мнению неизвестного автора, может быть создан "единый общеписьменный болгарский язык"¹⁴⁹. Важной предпосылкой сближения обоих наречий и соответственно создания письменного языка он считает издание книг на македонском наречии.

"Один македонец", как видим, предлагал болгарам разных областей пойти на взаимные уступки, чтобы сближить свои наречия и создать таким путем единый письменный язык. Однако его предложение о том, как именно сближить эти наречия — отбирать для письменного языка из двух наречий лишь более благозвучное, более выразительное и имеющее соответствие в древнеболгарском, по существу, столь же мало конкретно, как и многие предложения

других книжников. В самом деле, указание на большую выразительность или большее благозвучие одних особенностей и "испорченный" характер других не имеет под собой строгих объективных критериев, руководствуясь которыми можно было бы "просеивать" всю массу существующих особенностей разных наречий. Гораздо важнее ссылка этого автора на наличие соответствующего явления современных наречий в древнеболгарском, показывающая, что он не мыслил устройства единого литературного языка без помощи древнеболгарского.

Более подробно о создании литературного языка путем сближения македонского и "верхнеболгарского" наречий говорил К. Шапкарев. Он был одним из самых твердых сторонников синтеза особенностей наречий как основы литературного языка. Шапкарев считал, что употребление в каждом районе книг на местном наречии "не полезно для народа и невозможно", ибо это тормозило бы прогресс болгарского народа¹⁵⁰. Вместе с этим Шапкарев был и против устройства единого литературного языка на базе одного наречия. Он подчеркивал, что "не следует предпочитать исключительно то или иное наречие", что литературный язык "не должен ограничиваться только одним каким-либо наречием — фракийским например, мизийским или македонским", что необходимо "учесть ("да земат пред очи") все наречия и поднаречия"¹⁵¹. К. Шапкарев указывал при этом на бездоказательность ссылок некоторых книжников на европейские языки, основанных якобы на одном наречии, ибо эти языки "не имеют никакого сходства" с болгарским, а европейские народы, говорящие на этих языках, не имеют "никакого подобия с происхождением нашего народа"¹⁵². В другом месте он также указывал, что "единый общий болгарский письменный язык" должен учитывать особенности двух главных наречий — "верхнеболгарского" и македонского.¹⁵³

Каким же образом можно было достичь такой цели? Шапкарев полагал, что единый литературный язык, учитывающий особенности названных наречий, будет создан в том случае, если из этих наречий будет взято то, что "может быть сходно с нашим языком", а остальное (следовательно, то, что не соответствует болгарскому языку) будет отброшено¹⁵⁴. Для этого необходимы взаимные уступки со стороны болгар разных областей, в том числе и уступки македонским болгарам. Шапкарев призывал тех, кто будет составлять грамматики общего языка и писать сочинения на этом языке, "уступить в чем-нибудь и из уважения к своим македонским братьям добавить в свое наречие немножко и македонской солицы"¹⁵⁵. Осуждая книжников, "презирающих все другие болгарские наречия как непотребную траву в оформлении нашего языка"¹⁵⁶, Шапкарев "с радостным сердцем" изъявлял готовность уступить со своей стороны "все, что нужно"¹⁵⁷. Поступая таким образом, книжники не только уменьшили бы трудности в изучении родного языка "потомками Кирилла и Мефодия", но и способствовали бы сближению "верхнеболгарского" (восточноболгарского) и македонского наречий в общем письменном языке¹⁵⁸. То, что будет

недоставать общему языку после устранения частных свойств отдельных наречий, т.е. свойств, не "сходных" с болгарским языком, должно быть восполнено "веществом какого-нибудь другого ближайшего к нашим славянского наречия", а не исключительно одного из болгарских наречий, принимаемого соответствующими книжниками за "более общее" наречие только потому, что они были воспитаны на этом наречии¹⁵⁹.

Таковы взгляды К. Шапкарева по вопросу о характере литературного языка, путях создания его и о месте в нем македонского наречия. Шапкарев предполагал составить грамматику с описанием особенностей македонского наречия в сопоставлении с "верхнеболгарским", а также словарь македонских слов и их "верхнеболгарских" соответствий¹⁶⁰, которые, по его мысли, должны были бы способствовать выявлению различий между этими наречиями, с одной стороны, и сближению их, с другой.

Практическим воплощением взглядов Шапкарева на, так сказать, синтезированный характер литературного языка является язык его собственных книг, определяемый им самим как "наречие более вразумительное для македонских болгар", в основе которого лежит охридский говор с целым рядом его характерных особенностей. Издавая книги на таком наречии, К. Шапкарев хотел, по его словам, быть "более вразумительным для своих юных соотечественников"¹⁶¹, ибо, приступая к учебе, они не могут с пользой принимать "никакую другую более твердую и более далекую пищу, кроме самого близкого молока своей естественной и домашней кормилицы"¹⁶². К. Шапкарев, однако, не называет язык своих книг собственно македонским наречием потому, что, во-первых, он базируется не на всем македонском наречии, а только на его части, именно на западном македонском поднаречии (охридском), и, во-вторых, это наречие (поднаречие) у него "смешано с современным письменным болгарским наречием"¹⁶³. Он указывает, что, создавая пособия на таком языке (или смешанном наречии), он "не имел намерения совсем удалиться от восточноболгарского и думать об особом македонском наречии (чего совершенно напрасно боятся некоторые из наших восточных братьев), так как это ("таково нешто") было бы губительным для нашего языка"¹⁶⁴. Нужно отметить, что язык книг Шапкарева, изданных в сравнительно небольшой отрезок времени (1866—1874), претерпел изменения в сторону сближения с "общим наречием", т.е. с уже утвердившимся в своей основе литературным языком на восточноболгарской диалектной базе, путем устранения некоторых особенностей македонского наречия. В предисловии к одной книге, вышедшей в 1870 г., он писал, что "более вразумительное для македонских болгар" наречие этой книги "сильно исправлено и сближено с общим наречием" по сравнению с языком первых книг¹⁶⁵. По его словам, он это "делал, следуя своей предначертанной мысли о постепенном сближении македонского с более общим наречием и о составлении общего правописания"¹⁶⁶.

Нужно сказать, что К. Шапкарев все же не настаивал до конца на предложенном им пути устройства единого литературного языка,

одинаково понятного жителям разных областей Болгарии и Македонии, пути соединения всех наречий. Он готов был и отказаться от него, если будут доказаны преимущества иного пути. Так, он писал (1870), что, если его мнение об устройстве литературного языка будет отвергнуто, а мнение Брайльского общества будет поддержано и одобрено учеными, то и он готов будет присоединиться к последнему¹⁶⁷.

Программа синтеза особенностей двух (или трех) основных наречий, предложенная Шапкаревым, в конечном счете тоже довольно обща и не отличается большой ясностью. Неясно, например, какие особенности отдельных наречий должны считаться "сходными" с болгарским литературным языком. Вероятно, он к ним относил общеполгарские особенности, например, наличие членных форм, отсутствие падежей и инфинитива на *-ти* и др. Но такие особенности, хотя и представляют вполне определенную базу нормализации отдельных фрагментов структуры языка, далеко не исчерпывают всей суммы языковых явлений, нуждающихся в нормализации, поскольку последние (по крайней мере, некоторые из них) характеризуются значительным разнообразием по диалектам. Неопределенно и предложение Шапкарева о заимствовании из близкородственных языков того, чего не хватает в болгарском: идет ли речь здесь о заимствовании только отдельных слов или же и о заимствовании недостающих (и каких именно) грамматических категорий (например, причастий).

Много внимания уделял македонскому наречию П. Славейков, который первоначально как будто вообще был против издания книг на этом наречии, а затем выступил в их поддержку. Издаваемая им газета "Македония" в редакционной заметке писала в 1868 г., что дело не столько в возникших спорах и препирательствах по поводу преимущества и недостатков македонского и восточноболгарского наречий, сколько в том, как "умнее и полезнее теперь поступить"¹⁶⁸. "У нас нет времени вдаваться в длинные споры и рассуждения и отвечать нашим соотечественникам в Македонии" на вопрос о том, как именно должен быть создан единый литературный язык". Как именно нужно поступить "умнее и полезнее", газета здесь не разъясняла, но отмечала, что, сочиняя книги на македонском наречии, писатели не должны отбрасывать местные слова, за исключением иноязычных, но должны избегать "форм, которые не согласуются со старым наречием"¹⁶⁹. Эта рекомендация, хотя и не очень ясная и конкретная, вряд ли оставляет сомнения в том, что "Македония" не отводила македонскому наречию существенного места в создании норм единого литературного языка. Это подтверждается и другой редакционной заметкой, которая, провозглашая важность создания единого языка, призывает книжников Македонии отказаться "не от наречия македонского, а от вновь выдуманного правописания" и рекомендует взять за основу правописание старых болгарских рукописей и грамматические формы языка этих рукописей. Газета "разрешает" употреблять македонским книжникам лишь местные слова, но и то потому, что их употребление в настоящее время не приносит вреда ("за сега ше кажем не вреди")¹⁷⁰.

Допуск в общеполитический литературный язык слов-македонизмов, как видно, газетой рассматривался как преходящее явление, тем более, что она подчеркивала, что в болгарском языке, как и в любом другом, правильным будет то, что наиболее употребительно¹⁷¹, а таковым уже в то время в болгарской литературе было восточноболгарское наречие.

Два-три года спустя, П. Славейков (1871) в статье "Македонский вопрос" отмечал полезность школьного преподавания на македонском наречии. "Мы не видим, — пишет он, — никакого вреда в том, что некоторые хотят, чтобы дети учились на своем родном наречии"¹⁷². Более того, такое желание свидетельствует, указывал он, о пробуждении ("свествание") народа. Но вместе с этим он подчеркивал и большой вред повсеместного преподавания на локальных наречиях. "Насколько плохо ("криво") то, чтобы македонские дети учились на наречии верхних болгар, — писал П. Славейков, — настолько же плохо и то, чтобы язык в школах дробился на всевозможные наречия и чтобы каждый следовал своему наречию, не обращая никакого внимания на другие"¹⁷³. Он признавал, что "верхние болгары", т.е. представители Мизии и Фракии, пишут на своем наречии, не обращая ни малейшего внимания на македонское, и что причина этого, по его мнению, заключается не в каком-либо превосходстве "верхних болгар" или неуважении к македонскому наречию, а просто в знании ими только своего наречия. В дальнейшем, когда изучение языка станет более глубоким и когда "станет ясной" ("са познае") необходимость в общем литературном языке", тогда, заключал П. Славейков, "мы с величайшей благодарностью будем писать на македонском наречии, если это будет к добру и полезно, или возьмем из него то, что необходимо для дополнения"¹⁷⁴. П. Славейков, таким образом, не исключал теперь возможности не только положить в основу литературного языка македонское наречие, но даже и просто писать на нем как общем для всех болгар литературно обработанном. Осуществление этой возможности связывалось им с рядом условий — углубление изучения языка; признание необходимости общего литературного языка; признание полезности писать именно на македонском наречии. Связывая утверждение македонского наречия в качестве основы литературного языка с признанием необходимости в общем литературном языке, П. Славейков как бы говорил, что эта необходимость еще не осознана, что в ее необходимости еще следует убеждать. Между тем не только в начале 70-х годов, но и раньше никто серьезно не оспаривал того, что болгарскому народу нужен единый, общий литературный язык. Да и сам П. Славейков едва ли был убежден в том, что, оставшись в стороне от пути, по которому уже шло создание литературного языка, македонское наречие в будущем действительно сможет сыграть существенную роль в утверждении единого литературного языка. Говоря о такой возможности, П. Славейков незаметно вступал в противоречие с самим собой, ибо в другом месте этой же статьи он призывал к выбору "среднего наречия", понятного жителям

всех болгароязычных областей в качестве литературного (или "учебного") языка. Но таким "средним" и, следовательно, понятным для всех не могло быть общепризнано македонское наречие.

На противоречивость суждений П. Славейкова по этому вопросу обратили внимание и его современники. Так, неизвестный автор писал (1871), обращаясь к П. Славейкову: "Странным нам показалось, что вы сами себе противоречите не только на словах, но и на деле; вы говорите, например, что даже немного не писали на македонско-болгарском наречии, потому что его не знали, и что, когда его изучите, тогда будете писать и на нем или заимствуете из него то, что будет нужно; вы говорите, что наш учебный язык нельзя дробить на много наречий и что нужно составить общий язык, понятный во всех областях. И то и другое очень хорошо и желательно, и мы полностью с вами согласны. Но я прошу вас нам ответить, как можете вы изучить это наречие и после писать на нем и как будет составлен общеболгарский язык, понятный во всех областях, если вы не благоволите увидеть перед глазами ни одного какого-нибудь букварика, изданного на македонском наречии? Следовательно, откуда вы возьмете его слова и каким образом станет понятным и средним этот язык, если ни слова, ни свойства одного его важного наречия вы не хотите и не имеете откуда черпать?"¹⁷⁵

Противоречивые в известной мере взгляды П. Славейкова, несомненно, отражают, с одной стороны, стремление болгарского поэта как-то ограничить распространение книг на македонском наречии и свести, если не к нулю, то к минимуму участие этого наречия в уже практически оформившемся болгарском литературном языке. С другой стороны, противоречивость взглядов П. Славейкова по рассматриваемому вопросу объясняется пониманием им того, что прямо высказанное отрицательное отношение и к книгам на македонском наречии и к вопросу об участии этого наречия в создании общего болгарского литературного языка могло бы иметь своим последствием усиление местных, македонистских настроений.

Одним из тех, кто в рассматриваемые десятилетия к вопросу о месте македонского наречия в устройстве общеболгарского литературного языка отнесся со всей серьезностью, был Г. Раковский. Еще в 1860 г. он подчеркивал необходимость учета особенностей и македонского наречия, чтобы литературный язык был понятен всем болгарам и особенно македонцам. Правда, у Раковского мы не найдем конкретных предложений, реализация которых сделала бы литературный язык особенно понятным для македонцев, и сам Раковский, как известно, создал свой, особый язык, который вряд ли им был более понятен, чем жителям других областей Болгарии. Здесь, однако, важно подчеркнуть озабоченность Раковского весьма вероятным усилением разногласий по вопросам литературного языка в том случае, если интересы македонского населения будут игнорированы: "Наши болгарские ученые должны знать, что много молодых людей из македонских

болгар тоже обучаются в разных местах и особенно в России; через некоторое время они начнут писать, как уже и писали некоторые кое-что, и это будет тамошний разговорный язык. Тогда, разумеется, возникнет еще большее разногласие между болгарскими а языке. Одни будут говорить, что наше (наречие) правильное, а другие — наше, и так родится еще больше затруднений и неприятностей в отношении этого предмета"¹⁷⁶.

То, что опасения Г. Раковского о возможном усилении разногласий по вопросам литературного языка в случае игнорирования македонского наречия имели под собой основание, показали споры уже в конце 60-х — начале 70-х годов о месте этого наречия в формировавшемся едином литературном языке. Практически речь шла о возможности создания локального варианта (македонско-болгарского) литературного языка с ограниченной территорией распространения. То, что тогда в Македонии мог сложиться такой вариант болгарского литературного языка, основанный на местном наречии, в конце 60-х годов уже воспринималось как возможное дело. Об этом свидетельствует и глубокая озабоченность некоторых авторов в связи с тем, что создание такого языка было чревато крайне нежелательными последствиями не только для судьбы единого для всех болгар литературного языка, но и для развития общеполгарской письменности, образования, литературы, а в конечном счете и для судьбы самого народа. Не случайно, надо думать, один из корреспондентов газеты "Македония", понимавший значение возможной локально обособленной литературной обработки македонского наречия, писал (1868): "Действительно, для нашего народа нет ничего более губительного, чем то, если македонцы воспримут совсем другое наречие", т.е. свое наречие, а не то, которое распространено в Восточной Болгарии и на котором издавна подавляющая часть книг и под. Если, указывает этот автор, не произойдет "сближения" македонского и восточноболгарского наречия в едином для всего народа литературном языке, то усилия по созданию такого языка окажутся бесплодными ("ни в телци ни в гоеда")¹⁷⁷.

Некоторые деятели Возрождения уже тогда ясно осознавали, что формирование в Македонии локального варианта болгарского литературного языка могло иметь и другие последствия. Так, П. Славейков писал (1871), что дело не столько в "отделении учебных книг", издаваемых македонскими книжниками, сколько в том, что "в раздробление включаются и другие цели, цели раскола ("разкъсване") еще неустроенного нашего народа". Такие цели, по мнению Славейкова, преследуют "некоторые из наших македонских братьев и эту цель они скрывают под покровом языка и его наречий". Эти цели, подчеркивает он, — зло, и "каждый должен противиться этому злу"¹⁷⁸.

С призывами к созданию "общего" языка с учетом всех наречий выступали и другие книжники. Так, в начале 70-х годов неизвестный автор писал: "Чтобы составить общий болгарский язык, понятный всем, нужно, по-нашему мнению, принять во внимание

все болгарские наречия"¹⁷⁹. В качестве предварительных условий этого он считал необходимым издание разных книг на разных наречиях и составление как можно большего числа грамматик, в том числе и грамматик разных наречий. После того, как будут составлены и приняты во внимание грамматики отдельных наречий, нужно "избрать в качестве основы одно наречие", которое было бы средним и более сходным, а в дополнение к нему следует взять из других наречий то, что в нем отсутствует, а в других сохранилось"¹⁸⁰. И только после этого может быть составлена "общая" грамматика. В подтверждение такого пути создания болгарского литературного языка и этот автор ссылается на опыт европейских народов, которые якобы тоже сначала составляли ряд грамматик разных наречий, а затем общую для всех грамматику, а не писали с самого начала на одном наречии.

Неизвестный автор, как видим, хотя и говорит о необходимости учета всех наречий, все же отводит этим наречиям явно неодинаковое место. Он все же определенно склоняется к тому, что в основу литературного языка должно быть положено одно наречие, занимающее среднее (территориально?) положение и, видимо, одинаково сходное (близкое) с остальными наречиями. Роль последних же, по его мнению, должна ограничиться лишь тем, чтобы дополнить основное наречие недостающими в нем особенностями.

Сходные мысли высказывал и П. Иванов (1872), который выступал против создания грамматик местных наречий (македонского, шопского, балканского) и настаивал на создании "единого правильного, чистого и литературного языка". Он указывал, что надо составить грамматику не отдельных местных наречий, а грамматику "болгарского наречия", занимающего как бы срединное положение ("посред") между указанными местными наречиями. Она должна быть "приспособлена, если это возможно, ко всем провинциализмам", т.е. местным наречиям¹⁸¹. Иными словами, П. Иванов предлагал на основе всех наречий составить нечто вроде интердиалектной или наддиалектной грамматики, по возможности "приспособленной" ко всем местным наречиям. Он не разъясняет, каким образом это следует сделать: какие особенности отдельных наречий должны найти отражение в грамматике, каким образом нужно "примирить" наречия в случаях, когда между ними представлены существенные и менее существенные различия и т.д.

Любопытно, однако, что П. Иванов выступал за известный синтез разнодиалектных особенностей скорее, видимо, на словах, чем на деле. Во всяком случае, он, так же как и упоминаемый выше автор, отводил отдельным наречиям разное место. Так, П. Иванов считал, что македонское наречие должно быть подведено ("да се сведе") под правила изданных болгарских грамматик¹⁸². Иными словами, македонское наречие им практически исключалось из составления "общей" грамматики "болгарского наречия", а в качестве основы дальнейшего развития литературного языка предлагались уже вошедшие в употребление в школах, книгоиздательской области и др. грамматики Й. Груева, И. Момчилова, Д. Войникова и других

авторов, закреплявшие особенности восточноболгарского наречия. Исключение македонского наречия из этого процесса отчасти диктовалось и несколько пренебрежительным к нему отношением П. Иванова, а также представлением о нем как о наречии сильно испорченном ("развален") под влиянием албанского, сербского, греческого и румынского языков. Естественно, что такое наречие вряд ли, с его точки зрения, следовало привлекать к созданию "единого правильного, чистого и литературного" языка. Признание П. Ивановым восточноболгарского наречия в качестве реальной основы литературного языка, таким образом, как будто легко угадывается, несмотря на его призыв создать грамматику, "приспособленную" ко всем наречиям.

Итак, в условиях, когда нормы литературного языка еще только складывались или уже в основном сложились, но еще не стали общепризнанными, стремление книжников утвердить в общеболгарском литературном языке особенности разных наречий представляет собой более или менее конкретную попытку создания этого языка как некоего синтеза особенностей всех или основных наречий. Выступления книжников в защиту такого пути создания литературного языка следует рассматривать не только как их естественное желание видеть свое родное наречие в качестве равноценного материала, из которого строится литературный язык, но — и это гораздо важнее — и как стремление к тому, чтобы этот язык с самого начала был действительно общеболгарским, а не основанным на одном из наречий и потому, как полагали многие, непонятным или малопонятным болгарам, говорящим на других наречиях.

Однако на практике создание такого "синтезированного", включающего особенности разных наречий литературного языка вряд ли было вообще осуществимо. Дело в том, что довольно рано (уже в 50-е годы) в формировании литературного языка определенно обнаружилась тенденция ориентации на восточноболгарское, главным образом — балканское наречие, которое в последующие десятилетия сравнительно легко и утвердилось в качестве основы литературного языка. Поэтому попытки некоторых книжников этого времени привлечь к созданию правил "общего" языка другие наречия и особенно македонское неизбежно наталкивались на сопротивление сторонников уже утвердившегося характера языка, рассматривавших подобные попытки как серьезное препятствие к скорейшему всеобщему его признанию как единого литературного языка болгар для всех областей их обитания.

§ 7. КРИТИКА ИДЕИ СИНТЕЗА НАРЕЧИЙ КАК ОСНОВЫ ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

Идея создания литературного языка путем некоего синтеза особенностей разных наречий принципиально отвергалась, как видно из сказанного выше, теми книжниками, кто доказывал необходимость его устройства на базе одного отдельного наречия. Рассмотрим теперь несколько подробнее те аргументы, которые приводились ими против самой этой идеи.

В противовес мнению приверженцев идеи соединения особенностей разных наречий, их оппоненты утверждали, что созданный таким образом язык на самом деле будет непонятным и более того, он вообще будет не болгарским, совершенно искусственным языком. Так, А. Гранитский (1850) указывал, что учитывать все наречия невозможно, ибо тогда болгары будут писать на языке, который он называет "тражелавским"¹⁸³. Подобного взгляда придерживался и некто А.Нп.Т. (1851), подвергший критике язык Й. Константинова (Джинота) и в частности его стихотворения "Рай божий", выступавшего за известный синтез разных наречий с учетом церковнославянского языка.

Это стихотворение опубликовано в газете "Цариградски вестник" (г.В.N55.6.X.1851). В качестве иллюстрации приводим первую строфу этого стихотворения.

Рано ставамъ и радостно поямъ,
сос гуслица царь Давида двоямъ;
Габровска та гимназія славимъ,
защо е първа въ Болгарія хвалимъ.
Плодъ постоянъ премного принесе,
и даровы пріятны разнесе.
Отъ азъ буки до ижица полно,
учебностни науки доволно.

Характеризуя язык данного стихотворения, этот критик писал, что он настолько отличается от "нашего письменного и разговорного языка", что тому, кто впервые прочитает это стихотворение, оно покажется "не только не понятным, но совсем разнородным"¹⁸⁴. Критик все же признает, что язык стихотворения ему кажется болгарским и "материя его, как и нашего языка, также взята из церковного письменного языка". Однако в "произношении слов и сочинении" этот язык имеет столько свойств и особенностей, что, по мнению А.Нп.Т., его легче изучить и правильнее говорить на нем сможет какой-нибудь иностранец, чем "единородный болгарин"¹⁸⁵. Любопытно, что сам Й. Константинов (1852) разъяснял этот, казалось бы, парадокс тем, что болгары "привыкли только к одному наречию и оттого они не могут понять" его язык¹⁸⁶. Хотя А.Нп.Т. и несколько преувеличивает непонятность языка стихотворения Й. Константинова, все же он правильно подметил его искусственный характер.

Такой же аргумент приводил и Л. Каравелов (1864) в своей критике языка переводов и собственных стихов Р. Жинзифова в

"Новобългарска сбирка". Л. Карвелов отмечал, что Жинзифов, чтобы подобрать рифмы, пишет на всех болгарских наречиях¹⁸⁷. Он указывал, что в переводе лишь одного стихотворения Т. Шевченко Жинзифов смешал *тжга, тагж* и *тога, мжка, макж, мака, мука* и *мока*, и восклицал, что в таком разное "И сам господь, сойди он с неба, не разберется!"¹⁸⁸. Вместо издания сборника, где искусственно смешаны особенности разных наречий, советует он Жинзифову, было бы гораздо лучше издать сборник на македонском наречии, что принесло бы большую пользу, ибо этим Жинзифов познакомил бы читателей с "богатством нашего болгарского языка и его разнообразным развитием"¹⁸⁹.

Иногда просто констатировалось, что путем некоего синтеза разнодиалектных особенностей создать литературный язык вообще невозможно. Один неизвестный автор, например, говоря об "общем правописании", подчеркивал (1869), что составить такое правописание, пригодное для разных наречий, невозможно¹⁹⁰. Попытки некоторых книжников добиться единства языка по пути искусственного соединения особенностей разных наречий, встречали и просто насмешливо-ироническую оценку. Так, П. Славейков в "Нова мода календар за 1857", где высмеивается, наряду с прочими, и язык некоторых писателей, пишет: "Награждается болгарский писатель за полезное сочинение: из Михалци — метла, из Габрово — блюдо, из Елены — ягненок, из Трявны — кисточка, чтобы он носил ее на лбу, когда пойдет по селу"¹⁹¹. Славейков высмеивает здесь язык писателя, в котором бессистемно, искусственно представлены различные особенности наречий из разных областей (городов) Болгарии.

О совершенно искусственном характере синтезируемого таким образом литературного языка говорил и М. Дринов, указывавший на это как на главную причину того, почему предложение К. Шапкарева о "сближении" македонского и собственно болгарского наречия должно быть отклонено. По его мнению (1870) путь создания литературного языка, намеченный Шапкаревым, — это искусственное построение ("изкуствено настрoение") и искусственное сочленение ("изкуствено сглобяване"). Выступая от имени членов Брайльского литературно-научного общества, Дринов решительно подчеркивал, что члены этого общества отвергают мнение Шапкарева, ибо "искусственное составление письменного языка — нечто невозможное, недостижимое и неслышанное"¹⁹². Вместо такого пути создания литературного языка это общество избрало "другой путь к выработке нашего письменного языка — путь самый естественный и самый прямой"¹⁹³, обоснованию которого посвящена известная статья М. Дринова "О новоболгарской азбуке".

В попытках синтеза особенностей разных наречий некоторые книжники видели ущемление отдельных наречий и навязывание их носителям языковых особенностей, почерпнутых из других наречий. Этой точки зрения придерживался, например, А. Гранитский. Он писал (1850), что при таком способе создания литературного языка "природное самолюбие любого места, как и любого человека затрагивается чужой речью ("чужестранноречие") и, следовательно-

но, эта речь укоряется и презирается человеком, хотя он и понимает то, что читает"¹⁹⁴. Гранитский, как видим, отмечает и как бы внутреннее сопротивление людей против употребления того, что несвойственно их собственной речи и что, по его мнению, не может не быть препятствием для устройства единого литературного языка.

Известную роль в критике идеи синтеза наречий играло и сложившееся в народе и перенятое частью книжников пренебрежительное отношение к наречиям соседних и вообще других областей, которое также толкало этих книжников к отрицанию права участия этих наречий в устройстве единого языка вообще. И. Добрович (1850) отмечал, что среди болгар существует представление, будто жители других областей, не понимающие хорошо наречие данной области и говорящие на своем наречии, вообще говорят не на чистом, а на испорченном болгарском языке" ("завалено български")¹⁹⁵. Интересно, однако, что такое отношение не все наречия вызывали, видимо, в равной мере. Наиболее явственно его обнаруживали жители других областей к наречию шопов (и вообще к шопам), отчасти и к македонскому. То, что болгары других областей с иронией относились к шопам, свидетельствовал Л. Каравелов. Он писал (1861), что "болгары, живущие в Тракии и западной Болгарии (Македонии), рассказывают анекдоты про шопов"¹⁹⁶. Естественно, что ироническое отношение к жителям переносилось и на их наречие. О пренебрежительном отношении жителей Центральной Болгарии и Фракии не только к шопскому, но и к македонскому наречию писал, например, П. Иванов (1871). По его словам, "македонское и шопское наречия таковы, что они вызывают смех у двух болгар — одного из Македонии и другого из Балкан" (т.е. Старой Планины. — Г.В.)¹⁹⁷. О существовании насмешливого отношения к македонскому наречию говорил и К. Шапкарев¹⁹⁸. Отвечая М. Дринову, отмечавшему отсутствию такого отношения к македонскому наречию у членов только что созданного Браильского общества и, видимо, вообще сомневавшемуся в его наличии¹⁹⁹, К. Шапкарев писал, между прочим, что для утверждения о презрительном отношении к этому наречию у него есть "убедительные причины" — устные и письменные "измышления" ("измислия") лиц, уважаемых вообще и в книжной деятельности, в частности²⁰⁰.

Вполне понятно, что подобное отношение к отдельным наречиям, несомненно, разделявшееся и отдельными книжниками, не могло не сказаться в конечном счете и на отрицательном отношении этих книжников к тому, чтобы данные наречия в том или ином виде нашли свое отражение в литературном языке, который должен был быть и общеприемлемым и совершенным во всех отношениях. Вместе с представлением об "испорченности" под иноязычным влиянием отдельных наречий пренебрежительное отношение к некоторым из них не могло способствовать утверждению идеи о необходимости синтеза особенностей разных наречий как о наиболее верном пути создания единого литературного языка.

Острой критике подвергались в частности опыты создания общего

литературного языка с включением в него особенностей македонского наречия. Эта критика показательна и для анализа отношения книжников к самой идее такого пути формирования литературного языка. Поэтому на критике попыток создания литературного языка на такой основе целесообразно остановиться отдельно.

Выше уже приводились отзывы о языке П. Зографского, предлагавшего положить в основу литературного языка македонское наречие и отразившего в своих изданиях ряд характерных его особенностей. Укажем здесь и другие отрицательные отзывы, интересные прежде всего в плане отклонения самой идеи о возможности какого-либо синтеза особенностей македонского и других наречий. Так, неодобрительно к предложению Зографского отнесся Б. Петков, который, видимо, полагал, что уступка македонскому наречию в чем-либо одном повлечет за собой и другие уступки, а это, по Б. Петкову, было недопустимо. Кроме того, особенности, которые Зографский рассматривает как особенности македонского наречия и поэтому предлагает закрепить их в общем литературном языке, по мнению Б. Петкова, присущи сербскому языку, тем самым, следовательно, они не могут быть свойством болгарского литературного языка. Имея в виду П. Зографского, Б. Петков писал: "Мы знаем, что, если тому, кто нам советует в "Цариградском вестнике" ввести членную форму *о*, кажется противным старая членная форма *тъ*, то ему покажется противным и личное местоимение *азъ* и вспомогательный глагол *щж*, *щешь*, *ще*. Ему более правильными покажутся *я* вм. *азъ*, *къем* (как он и пишет) вм. *щешь* и другие слова, свойственные сербскому языку"²⁰¹.

Выступления против книг на македонском наречии и учета македонского наречия в создании литературного языка усилились в конце 60-х — начале 70-х годов в связи с появлением учебных пособий К. Шапкарева, Д. Македонского и объявлением В. Мачуковского о намерении составить "болгарскую грамматику на македонском наречии". Основной упор при этом делался на два момента: 1) на испорченность македонского наречия влиянием соседних языков, которая якобы ставила под угрозу чистоту и самобытность болгарского литературного языка в случае, если будет открыт доступ в него особенностям и этого наречия; 2) на нежелательные и опасные последствия для единства болгарского языка и народа.

Острой критике были подвергнуты учебные пособия К. Шапкарева. Критики ставили ему в упрек как то, что он вводит в язык своих книг узколокальные македонские особенности, так и то, что изданием этих книг он якобы преследовал цель отдаления македонских болгар от остальных болгар. Так, неизвестный автор ("один истинный македонец") писал, что книги К. Шапкарева принесли вред в тех школах, где они были введены, не только своим содержанием ("сбърканото нареждане"), но и языком. О языке учебных пособий К. Шапкарева критик отзывался в том духе, что это "чисто охридское наречие", не употребительное в других городах Македонии (Солуни, Битоле, Велесе, Прилепе, Штип, Скопле и др.), где, в частности, не употребляются формы

типа *ходаеть, араеть, выкаеть*, слова *зиль, зильовски*. Это "охридское наречие, — пишет критик, — совсем не мед и молоко... ибо от него вчера еще пахло грецизмом, а арнаутским племенем оно до основания испорчено"²⁰².

Приведенная характеристика языка книг Шапкарева, как и нападки на него были вызваны, надо думать, не только и не столько самим языком этих книг, сколько убеждением критика в том, что Шапкарев, по его мнению, стремится вообще изгнать из македонских школ книги на восточноболгарском наречии, ратует за создание локального литературного языка на македонской диалектной основе и вообще неодобрительно относится ко всему болгарскому. Такие обвинения были неосновательны, ибо Шапкарев не выступал за создание отдельного македонского литературного языка, стоящего полностью вне рамок уже сложившегося и широко распространенного болгарского литературного языка на восточноболгарской диалектной основе. Отмечая необоснованность подобного рода обвинений в его адрес, Шапкарев ссылался на предисловия к своим учебникам, из которых каждый может заключить, действительно ли его "отношение к нашему милому болгарскому народу" является *злонамеренным*²⁰³. Он, по видимому, не был настроен оптимистически в отношении того, что его предложение о создании единого литературного языка, включающего и особенности македонского наречия, будет принято всеми и осуществится, и, судя по всему, был готов отказаться в дальнейшем от борьбы за место родного наречия в общеполгарском литературном языке.

Если в характеристике языка Шапкарева цитируемый выше автор был несправедлив, то его опасения о нежелательных возможных последствиях для формирования единого болгарского литературного языка имели под собой известные основания. Издание книг на языке, отражающем местные особенности, намерение В. Мачуковского составить отдельную грамматику македонского наречия и другие проявления в поддержку этого наречия и его места в создании болгарского литературного языка объективно способствовали зарождению и постепенному утверждению идеи о локальном варианте болгарского литературного языка.

§ 8. ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ВОСТОЧНОБОЛГАРСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ ОСНОВЫ СОВРЕМЕННОГО БОЛГАРСКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В основу современного болгарского литературного языка легли, как известно, восточноболгарские говоры, точнее — преимущественно центрально-балканские говоры балканского диалекта восточного наречия. Это положение в настоящее время как будто особых возражений не вызывает. Однако по вопросу о том, каким образом установилась эта диалектная основа и когда именно она утвердилась окончательно, высказывались раньше, высказываются и теперь разные точки зрения.

Согласно одной из них, в процессе формирования современного болгарского литературного языка в эпоху Возрождения произошла смена диалектной основы: первоначально западноболгарская основа была заменена позднее восточноболгарской. Обычно считается, что такая смена произошла во 2-й четверти XIX в.

Согласно другой точке зрения, современный болгарский литературный язык сформировался без смены западноболгарской диалектной основы восточноболгарскою. Разделяя это общее положение, ученые расходятся, однако, в том, какое состояние диалектной базы непосредственно предшествовало тому этапу развития литературного языка, в который он вступает уже как вполне сформировавшийся современный литературный язык с утвердившейся диалектной основой.

Разные точки зрения высказываются и по вопросу о том, когда именно окончательно устанавливается или, как нередко в таких случаях говорят, побеждает восточноболгарское наречие уже в качестве основы современного литературного языка. Одни ученые считают, что это произошло уже в первой половине XIX в. или даже только во 2-й четверти этого века. Другие полагают, что существующая диалектная основа утвердилась окончательно несколько позже — во второй и третьей четверти XIX в. Наконец, есть также мнение, что современный болгарский литературный язык зарождается и формируется на основе северо-восточных говоров лишь во второй половине этого века.

Как видим, по одному из важнейших вопросов истории современного болгарского литературного языка, каким бесспорно является вопрос о характере диалектной основы на начальном этапе его формирования, существуют разные мнения, само различие которых, — а оно весьма существенно, — говорит о том, что вопрос этот еще далек от окончательного решения.

Думается, что причины этого кроются не только в разном подходе, в разном понимании таких основных понятий как "современный болгарский литературный язык", "диалектная основа литературного языка" и вообще "основа литературного языка", "начало современного болгарского литературного языка" и многие другие, но и в недостаточной разработке конкретного материала, в том числе и экстралингвистического, без всестороннего анализа которого невозможно правильно решить рассматриваемый здесь вопрос.

Становление диалектной основы современного болгарского лите-

ратурного языка стоит в ряду с такими процессами его формирования, которые были обусловлены целым комплексом внелингвистических причин. Глубокое и всестороннее исследование этих причин — задача не только лингвистов — историков литературного языка, но и специалистов в области истории, литературы, других областей складывавшейся в эпоху Возрождения национальной культуры.

Одним из важных экстралингвистических факторов, учет которого, как нам кажется, позволяет более обоснованно судить о затронутых выше двух вопросах: 1) произошла ли в ходе складывания современного болгарского литературного языка смена его диалектной базы и 2) когда именно утвердилась существующая восточно-болгарская (точнее — центральнобалканская) диалектная основа этого языка. Фактор, который имеется здесь в виду, — это сами авторы печатных болгарских книг эпохи Возрождения. Мы попытаемся показать, как распределяются они во времени (по десятилетиям, начиная с 1806 г. и до Освобождения Болгарии) и в пространстве (по месту рождения авторов книг на диалектологической карте болгарского языка) и что это дает для решения поставленных выше вопросов.

О целесообразности использования таких данных при решении вопроса о диалектной основе современного болгарского литературного языка говорится подробно в нашей статье "Диалектная основа болгарского литературного языка и болгарское книгопечатание в эпоху Возрождения"²⁰⁴.

Из 263 авторов книг с точно установленным местом рождения из болгароязычной территории, издавших в эпоху Возрождения в общей сложности 1252 книги, на долю Восточной Болгарии приходится авторов 211, а на долю Западной Болгарии и Македонии — лишь 52, из них только на Македонию — 21. Уроженцами Восточной Болгарии было издано 1074 книги, в то время как уроженцами Западной Болгарии и Македонии — только 178 книг, из них на долю западноболгарских книжников приходится 86 изданий, а на долю македонских — 92. Иными словами, общее число книг, изданных в эпоху Возрождения авторами Восточной Болгарии, в шесть раз превышает число книг, изданных книжниками Западной Болгарии и Македонии, вместе взятыми.

По десятилетиям книгопечатание в эпоху Возрождения предстает в следующем виде.

В первое десятилетие XIX в. (1801—1810) было издано всего две книги. Одна из них — знаменитый "Недельник" Софония Врачанского, уроженца Котела. Другая книга — почти неизвестный "Молитвенный крин" неизвестного автора. Обе книги вышли из печати в 1806 г. О языке "Недельника" писано много. Его язык — смесь церковнославянского с новоболгарским. Среди элементов народного языка, как показала К. Ничева, преобладают особенности котелского говора. Инодиалектные особенности (в частности, врачанские и видинские) в "Недельнике", как и в других сочинениях Софония, занимают незначительное место, что позволяет современным исследователям характеризовать в целом диалектную основу языка Софония как восточно-

болгарскую. Что касается "Молитвенного крина", то о его языке можно судить по тексту "Отче наш", переизданному И.И. Срезневским в 1846 г. Сама эта книга в настоящее время еще не обнаружена. Некоторые особенности языка "Отче наш" дают основание говорить, что автором этого сборника был уроженец Восточной Болгарии.

Во втором десятилетии (1811—1820) картина на первый взгляд иная. В это десятилетие на книжно-печатную арену выступили два уроженца Македонии — Кирилл Пейчинович и Иоаким Кырчовский, издавшие 6 книг, в языке которых широко представлены особенности их родных говоров. Никто из уроженцев Восточной Болгарии в это десятилетие книг не издавал. Таким образом, можно было бы сказать, что в это десятилетие наблюдается как бы полное господство западноболгарского начала в литературе и в ее языке. Такое представление, однако, было бы неточным, ибо не отражало бы реального положения дела. А дело в том, что уроженцы Восточной Болгарии, и в это десятилетие продолжали следовать своему, родному наречию, а не обязательно западному. Сошлюсь в качестве примера на две рукописные "Александрии", переведенные в 1810 и 1816 г., о восточноболгарском характере языка которых писали в свое время Л. Милетич и К. Мирчев. Тому факту, что эти "Александрии", как и ряд других сочинений, не вышли в свет, не следует в данном случае придавать особого значения.

В третье десятилетие (1821—1830) с печатными книгами вступили в литературу трое уроженцев Восточной Болгарии — Петр Берон, Петр Сапунов и Анастас Кипиловский. Они издали тогда 4 книги. Можно было бы сказать, что в это десятилетие в книгопечатании полностью господствует восточноболгарское начало. Из этого, однако, в действительности не следует, что книжники родом из Западной Болгарии тогда вообще не писали или что они писали на восточном наречии, как указанные трое и некоторые другие книжники.

В четвертое десятилетие (1831—1840) картина снова меняется. В это десятилетие издаются книги уроженцами как Западной, так и Восточной Болгарии. Из Западной Болгарии вместе с Македонией было 7 книжников, издавших в это десятилетие 16 книг. Среди них такие знаменитые возрожденцы, как Неофит Рильский и Христаки Павлович. Восточная Болгария дала в это же десятилетие 5 авторов, в числе которых видим Райно Поповича, Неофита Бозвели, Гавриила Крыстевича. Вместе они издали 11 книг. Как соотношение возрожденцев из Западной Болгарии с Македонией, с одной стороны, и из Восточной Болгарии, с другой, так и соотношение изданных ими книг в пользу первых, т.е. западноболгарских книжников. Перевес, однако, не столь значителен, чтобы говорить о преобладании западноболгарских книжников в литературе того времени и соответственно западноболгарского наречия в языке этой литературы.

Если суммировать теперь сказанное о первых четырех десятилетиях XIX в., которые наряду со второй половиной XVIII в. обычно указываются как время, когда среди книжников были преимущественно уроженцы западных земель и когда диалектная основа формировавше-

гося тогда литературного языка была главным образом западноболгарской, то мы увидим, что объективных данных для такого утверждения нет. И действительно, из Западной Болгарии вместе с Македонией за первые 40 лет прошлого столетия вышло 7 книжников, место рождения которых известно. Они издали 22 книги. Восточная Болгария за тот же период дала народной культуре не менее 9 авторов, которым принадлежит не менее 16 книг. В целом можно сказать, что в первые 40 лет XIX в. в этом отношении имело место известное равновесие между болгарским западом и востоком.

В пятом десятилетии, т.е. в 40-е годы минувшего столетия, начинается стремительный рост веса восточноболгарского элемента как в составе самих книжников, так и в количестве изданных ими книг. Например, за 1841—1850 годы в литературу вошел 31 автор с 67 печатными книгами, представляющий восточное наречие (балканские, рупские и мизийские говоры), в то время как представителей западных и юго-западных областей было только 12 с 28 книгами. В следующее десятилетие, с 1851 по 1860 гг., Восточная Болгария дала литературе 61 автора с 149 книгами, в то время как Западная только 21 автора с 47 книгами. В 60-е годы, т.е. с 1861 по 1870 гг., восточноболгарские области дали 85 авторов с 358 книгами, между тем как западноболгарские только 26 авторов с 47 книгами. И, наконец, за последние 7 лет накануне Освобождения Болгарии восточные области страны дали 87 авторов, издавших 252 книги, в то время как западные и юго-западные области только 19 авторов с 34 книгами.

По десятилетиям соотношение авторов, представляющих разные диалекты восточного наречия, выглядит так.

В первые три десятилетия с печатными книгами выступили только уроженцы балканской диалектной территории. Первый носитель мизийского диалекта издал первые две книги в четвертое десятилетие, а первые представители из области рупского диалекта — только в пятое десятилетие. Таким образом, уже с самого начала книгопечатания среди говоров восточного наречия первенствовали говоры балканские. Носители этих говоров в книгопечатании первых четырех десятилетий XIX в., однако, еще не имели перевеса над представителями остальных говоров. Так, область балканских говоров и Македония в четвертое десятилетие дали одинаковое число книжников — по 5, издавших в сумме одинаковое число книг — по 11. Но уже в следующее десятилетие (1841—1850) вес балканской диалектной области существенно возрос: 31 автор и 67 книг. Это больше, чем все области остальных говоров, вместе взятые: 20 авторов и 47 книг. В пятидесятые годы, т.е. в шестое десятилетие, соотношение опять в пользу балканской диалектной области. 61 автор и 149 книг при 36 авторах и 87 книгах, падающих на остальные диалектные области.

Из числа балканских говоров первым в книгопечатании — уже в первом десятилетии — был представлен котелско-еленско-дряновский говор, за ним — уже в третьем десятилетии — центрально-балканский или габровско-ловеческо-троянский, а в четвертое десятилетие и тетевенский говор. Остальные балканские говоры — пирдопский, панаягурский и подбалканский — были представлены их носителями только

в пятое десятилетие. В первые четыре десятилетия, можно сказать, было лишь некоторое преобладание представителей котелско-еленско-дряновского говора (3 автора с 13 книгами) над представителями центрально-балканского говора (2 автора с 2 книгами). Однако в пятое десятилетие, т.е. в 40-е годы, наступает уже осязаемый перевес представителей центральнобалканского говора (17 авторов с 31 книгой) над представителями котелско-еленско-дряновского говора (8 авторов с 20 книгами), не говоря уже о представителях других балканских говоров. В следующее десятилетие перевес книжников центрально-балканской диалектной области стал еще более внушительным: **35 авторов** с 75 книгами при 26 авторах со 74 книгами, представляющих все остальные балканские говоры.

В целом же область распространения центрально-балканского диалекта в эпоху Возрождения дала 102 авторов, которые издали в общей сложности 395 книг, — больше, чем ареал любого другого балканского и вообще любого иного болгарского диалекта. Это составляет почти половину всех авторов книг (211) и почти треть всех учитываемых здесь книг той эпохи. Из других балканских диалектов заметный вклад в болгарское книгопечатание внесли уроженцы территории котелско-еленско-дряновского и пирдопского диалектов.

Важно также подчеркнуть, что область распространения балканских говоров вообще и центрально-балканского диалекта, в частности, была родиной не просто большого числа возрожденческих книжников, но и большого числа выдающихся деятелей той поры, сыгравших решающую роль в культурном возрождении болгарского народа.

Приведенные данные показывают, что, как уже отмечалось в упомянутой статье, балканские говоры восточноболгарского наречия оказались практически "вне конкуренции" при утверждении монодиалектной основы литературного языка на определенном этапе его развития: подавляющая часть авторов, родным языком которых были именно эти говоры, и изданная ими литература, составляющая большую часть всех изданных в эпоху Возрождения книг, — наряду с некоторыми другими причинами — обеспечили балканским говорам сравнительно легкую победу.

Что касается вопроса о том, произошла ли смена диалектной основы в ходе формирования современного литературного языка, то приведенные данные, на мой взгляд, свидетельствуют в пользу того мнения, что такой смены не было. В книгопечатании первых четырех десятилетий XIX в. было примерно одинаковое количество книжников из Восточной и из Западной Болгарии, как и изданных теми и другими книг, в которых нашли отражение черты родных говоров каждого из книжников. Говорить о какой-либо общей, единой диалектной основе (в смысле противопоставления: западное наречие или восточное наречие, не говоря уже о более узкой диалектной локализации) в эти десятилетия до ее последующей якобы смены нет оснований, так как такой основы в то время еще не было. А раз не было определенной локально-диалектной основы, то нельзя говорить и о ее замене другой диалектной основой.

Нам кажется, что восточноболгарская основа современного бол-

гарского литературного языка утвердилась не в результате смены ранее представленной в нем западноболгарской основы. Она утвердилась в результате того, что на определенном этапе развития литературного языка из двух наречий — западного и восточного, выступавших ранее вместе в качестве его народно-разговорной основы, — одно из них, именно восточное, значительно расширило свои позиции благодаря резкому увеличению числа книжников из Восточной Болгарии, в то время как позиции западного наречия сравнительно с восточным существенно сузились. Переломными в этом отношении явились 40-е годы, т.е. пятое десятилетие XIX в. С тех пор и до Освобождения Болгарии число книжников из Восточной Болгарии вообще и из области центральнобалканского диалекта (в особенности Центральная часть Стара-Планины и Средней Горы) неуклонно росло, и соответственно крепла и расширялась роль восточного наречия в целом и центрально-балканского говора, в частности. Однако окончательное утверждение восточного наречия (центрально-балканского говора преимущественно) в качестве основы функционирующего ныне литературного языка следует относить, вероятно, ко времени после Освобождения и связывать его нужно, очевидно, с самой кодификацией норм этого языка.

Приведенные выше данные носят, разумеется, чисто вспомогательный характер. Они только помогают ориентироваться в самой общей расстановке "диалектных сил" в пространстве и во времени в период, когда единых норм литературного языка еще не было и когда самим ходом его развития постепенно утверждалась его определенная диалектная основа.

Естественно, что окончательное решение сложнейшего вопроса, каким является вопрос об установлении диалектной основы, возможно только в результате глубокого, всестороннего и целенаправленного анализа максимального большого числа книжных и рукописных сочинений, принадлежащих перу уроженцев всех диалектных зон болгароязычной территории.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Венелин Ю. О зародыше новой болгарской литературы. М., 1838. С. 37.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Палаузов Н. Няколко мисли за болгарското правописание // Цариградски вестник (далее: ЦВ). Г.В. N 81. 12.IV.1852.

⁵ См., например: Венедиктова Г.К. Диалектная основа болгарского литературного языка и болгарское книгопечатание в эпоху Возрождения // ВЯ. 1971. N 4. С. 73—89.

⁶ Толстой Н.И. Страничка из истории македонского литературного языка (Переводы "Любушиного суда" из Краледворской рукописи на македонский язык в XIX в.) // КСИС. Вып. 43. 1965. С. 18.

⁷ Рилски Н. Болгарска граматика сега перво сочинена. Крагуевац, 1835. С. 10. — Подробнее о взглядах Н. Рильского о диалектных различиях болгарского языка и диалектной основе его языка см.: Младенов М. Из историята на българската диалектология. Неофит Рилски — родоначалник на българската диалектология // Български език. 1975. N 6. С. 526—532; Мурдаров В. Диалектна основа на езика на Н. Рилски // Български език. 1962. N 1—2. С. 14—21.

- ⁸ См. его статью без заглавия в: ЦВ. Г. 7. N 315. 9. II. 1857.
- ⁹ А. Нп. Т. Болгарски // ЦВ. Г. В. N 55. 6.V.1851.
- ¹⁰ См.: ЦВ.Г. 13. N 36. 1.IX.1862.
- ¹¹ См. заметку "От редакцията" в ЦВ. Г. 4. N 148. 21.XI.1853; N 149. 28.XI.1853.
- ¹² *Славейков П.* Няколко думи за събирането и за езика на причитни // Български книжици. 1859. Ч. 2. С. 249.
- ¹³ *Богоров И.* Упътване за българският език. Виена, 1869. С. 7.
- ¹⁴ См.: Мирозрение. 1850. N 1. С. 48.
- ¹⁵ См.: Право. Г. IV. N 24. 9.VIII.1869.
- ¹⁶ *Сичан-Николов Хр.* Болгарска аритметика. Букурещ, 1845. С. XI.
- ¹⁷ См. его "Примечания переводчика" к статье: *Миклошич Ф.* Фонетика болгарского наречия // ЖМНП. 1852. Ч. 76. N 10. С. 44. — На большое значение этих "Примечаний" для изучения начальной истории болгарской диалектологии недавно впервые указал М. Младенов (*Младенов М.* За една малко известна характеристика на българските диалекти от Константин Петкович през 1852 // Език и литература. 1985. N 1. С. 68—75).
- ¹⁸ Там же. С. 44—47.
- ¹⁹ См.: ЦВ. Г. 7. N 315. 9.II.1857.
- ²⁰ *Зографский П.* Мисли за българският език // Български книжици. 1858. Ч. I. С. 35.
- ²¹ См. его письмо из Праги от 9/19 августа 1865 г. в: Вѣсток, Г. I. N 15. 31.VIII.1865.
- ²² [*Друмев В.*]. Стойко Владиславов Софроний. Животописание // Периодическо списание. 1872. Г. I, кн. 5—6. С. 50, сноска I. — В одной из ранее опубликованных статей мы, вслед за Ст. Стойковым (*Стойков Ст.* Българска диалектология. 2 изд. С., 1968. С. 287—288), автором данной статьи указываем В. Стоянова (*Венедиктов Г.К.* Некоторые вопросы формирования болгарского литературного языка в эпоху Возрождения // Национальное возрождение и формирование славянских литературных языков. М., 1978. С. 250). На ошибочность этого недавно указала К. Вачкова, отметившая, что как сама статья в журнале "Периодическо списание", так и примечания к ней в сносках принадлежат перу В. Друмева (*Вачкова К.* Възгледите на Васил Друмев за книжовния език // Български език. 1986. N 1. С. 56—57).
- ²³ *Оджакоев П.* Начални познания от география. Вена, 1866. С. 28.
- ²⁴ [*Шапкарев К.*] Голема българска читанка. Цариград, 1868. С. 4, 5.
- ²⁵ [*Икономов Т.*] Програма за събиране образци по народната устна словесност и местни наречия // Обшт труд. 1868. год. I. Кн. 2. С. 4.
- ²⁶ *Гранитский А.* Разговори французско-български и правила за произношението на французските букви. Букурещ, 1859. С. 44—47.
- ²⁷ Летоструй, год. I, 1869, оборот л. I. См. также заметку "Мнение за българското правописание" в: Македония. Г. III. N 10. 1.II.1869.
- ²⁸ [*Шапкарев К.А.П.*]. Языкословие // Македония. Г. IV, N 63, 3.VII.1870.
- ²⁹ См. его заметку: Книжевни известия // Свобода. Г. III, N 14. 30.IX.1872.
- ³⁰ *Ковачев И.* Едно мнение върху общи език и по правописание у нас, извикано от оценката на "Български буквар" в Напредък // Ден. Г. I. N 16. 26.V.1875.
- ³¹ *Бичов.* Языкословни разисквания // Македония, Г. V. N 22. 20.VI.1871.
- ³² *Иванов П.* Языкословни размисления // Македония. Г. V. N 38. 20.IX.1871.
- ³³ Мирозрение. I, 1850. С. 15.
- ³⁴ Новобългарска сбирка. М., 1863. С. 15.
- ³⁵ Там же.
- ³⁶ Имеется в виду: Кратка и методическа българска граматика от Д.Г. Миркович. Цариград; Галата, 1860.
- ³⁷ За българската граматика на Г. Мирковича // Български книжици. Г. III. 1860. Ч. II. С. 224.
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ *Радулов С.* Нравоучение за децата. Одесса, 1853. С. III.
- ⁴⁰ Летоструй, год. I, 1869. Оборот л. I; Македония. Год. III. N 10, 1.II.1869.
- ⁴¹ Там же.

- ⁴² См., например: *Петков Б.* Слово, произнесено в Калоферското училище... на празника с. Кирилла и с. Мефодия // *Съветник*. N 14. 4.VII.1864.
- ⁴³ *Рилски Н.* Указ. соч. С. 4.
- ⁴⁴ За всеобща българска граматика // *Български книжници*. Г. I. 1858. Ч. III. С. 101.
- ⁴⁵ См.: Мнение на Василий Априлов относно просветата на народа // *Изв. на Архивния ин-т*. 1957. Кн. 1. С. 221.
- ⁴⁶ *Кръстевич Г.* Писма за някои си мъчноти на българското правописание. Писмо I. (15 априлий 1844). За азбуката // *Български книжници*. Г. I. 1858. Ч. 2. С. 314.
- ⁴⁷ См. его статью: Един и общ български език // *Книговище за прочит*. 1874. Кн. 4. С. 3; *Читалище*, 1875. Кн. 5. С. 224.
- ⁴⁸ *Васкидович Е.* Детинско прибавление или различни **правствени** поучения и нравоучителни истории. Цариград, 1852. С. 9.
- ⁴⁹ *Богоров И.* Упътване за българский язык. Виена, 1869. С. 12—13.
- ⁵⁰ Българский язык. Наука за звуковите. Един опит над тъз наука // *Читалище*. 1873. Кн. 11. С. 1015.
- ⁵¹ См., например, редакционное примечание к упомянутой здесь статье из журнала "Читалище" (с. 1015, сноска).
- ⁵² См. его статью: Български // *ЦВ*. Г. V. N 76, 1.III.1852; *Геров Н.* Няколко мисли за българский язык и за образованието у българите. [Цариград], 1852. С. 36.
- ⁵³ См. заметку "Книжевни известия" // *Свобода*. Г. III, N 14, 30.IX.1872.
- ⁵⁴ См., например: *Шишков Т.* Наръчен учебник за начална математика в три курса: аритметика, алгебра и геометрия за народните ни училища. Първий курс. Теоретическа и практическа аритметика. Търново, 1869. С. 7.
- ⁵⁵ *Априлов В.* Съчинения. С., 1968. С. 278.
- ⁵⁶ *Кръстевич Г.* Указ. соч. С. 316.
- ⁵⁷ *Раковски Г. С.* Забележание. Литературный отговор г-на Раковского г-ну Кръстевичу // *ЦВ*. Г. I. N 471. 20.II.1860.
- ⁵⁸ *Петков Б.* За българският език // *ЦВ*. Г. 7. N 336. 6.VII.1857.
- ⁵⁹ *Радулов С.* Указ. соч. С. III.
- ⁶⁰ См. заметку "От редакцията" в: *ЦВ*. Г. 4. N 148. 21.XI.1853; это же см. и в N 149. 28.XI.1853.
- ⁶¹ *Зографски П.* Мисли за българскийот язык // *Български книжници*. Г. I. 1858. Ч. I. С. 36.
- ⁶² *Славейков П.* Македонският въпрос. // *Македония*. Г. V. N 3. 18.I.1871.
- ⁶³ Там же.
- ⁶⁴ *Ковачов И.* Едно мнение върху общи език... С. 5.
- ⁶⁵ См. его заметку "За българската граматика на Г. Мирковича" в: *Български книжници*. Г. III. 1860. Ч. II. С. 224.
- ⁶⁶ Български орел. N 2. 20.IX.1846.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ См. статью: За всеобща българска граматика // *Български книжници*. Г. I. 1858. Ч. III. С. 101.
- ⁶⁹ [*Стоянов-Бурмов Т.*]. За българската граматика на Г. Мирковича // *Български книжници*. Г. III. 1860. Ч. II. С. 224.
- ⁷⁰ *Шишков Т.* Указ. соч. С. 7.
- ⁷¹ *Радулов С.* Указ. соч. С. III.
- ⁷² *Петков Б.* Указ. соч. // *ЦВ*. Г. 7. N 336. 6.VII.1857.
- ⁷³ *Венелин Ю.* О зародыше новой болгарской литературы. С. 48.
- ⁷⁴ Там же. С. 46.
- ⁷⁵ *Зографски П.* Мисли за българскийот язык. С. 35.
- ⁷⁶ *А. Нп. Т.* Български // *ЦВ*. Г. V. N 55. 6.X.1851. — Здесь же опубликовано и стихотворение И. Константинова.
- ⁷⁷ Български книжници. Г. III. 1860. Ч. II. С. 224.
- ⁷⁸ Македония. Г. II. N 19. 6.IV.1868.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ *Шишков Т.* Указ. соч. С. 7.

- ⁸¹ Зографски П. Указ. соч. С. 36.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Ковачов И. Едно мнение върху общи език...
- ⁸⁵ Там же. — И. Ковачов издал в 1875 г. на шопском наречии "Български букварь", о котором был напечатан неодобрителный отзыв в газете "Напредък" (Г. 9. N 31. 1.III.1875). В этом отзыве ставилось, в частности, под сомнение, так ли в действительности говорят в Кюстендиле, как пишет автор букваря. Ответом на данный отзыв и явилась цитируемая здесь статья И. Ковачова.
- ⁸⁶ Ковачов И. Едно мнение върху общи език...
- ⁸⁷ Там же.
- ⁸⁸ Некоторую роль сыграл в этом также авторитет Неофита Рильского. И. Ковачов отмечает, что "Евангелие Неофита (имеется в виду сделанный Неофитом перевод "Нового завета"; 1-е изд. 1840. — Г.В.), написанное в основном ("повечето") на шопском наречии", — наиболее понятно каждому болгарину и особенно распространено в Македонии, поэтому и он "в конце концов его употребил в своем Букваре" (Там же).
- ⁸⁹ Там же.
- ⁹⁰ Там же.
- ⁹¹ Ковачов И. Указ. соч. // Ден. Г. I. N 17. 2.VI.1875.
- ⁹² Там же.
- ⁹³ Там же.
- ⁹⁴ Иванов П. Языкословни размишления // Македония. Г. V, N 38. 20.IX.1871.
- ⁹⁵ Иванов П. Българска граматика по македонско наречие от г-на Маучковски // Право. Г. VII. N 34. 30.X.1872.
- ⁹⁶ Летоструй, год. I, оборот л. I; Мнение за българското правописание // Македония. Г. III. N 10. 1.II.1869.
- ⁹⁷ Раковски Г. Общи въпроси за старо-български книжевен език, на основания кои, ако ся решат, трябва да ся поправи днешни книжевен български език // Дунавски лебед. Прибавка. Г. I. N 7. 27.III.1860.
- ⁹⁸ Там же.
- ⁹⁹ Ш[апкарев] К. Языкословие // Македония. Г. IV, N 63. 3.VII.1870.
- ¹⁰⁰ См.: Книжевен дневник // Български Г. I, 1858. Ч. 3. С. 5.
- ¹⁰¹ Княжеский З. Мнение за българското правописание // Македония, Г. III, N 10. 1.II.1869.
- ¹⁰² См.: Книжевен дневник // Български книжици. Г. I. 1858. Ч. 3. С. 5.
- ¹⁰³ Там же.
- ¹⁰⁴ Богоров И. Просветение и книжнина на българети // Български книжици, Г. I, 1858. Ч. 3. С. 153.
- ¹⁰⁵ См. "Протокол" этого собрания, опубликованный в кн.: Радивоев М. Биография на Ивана Момчилова. С., 1912. С. 4.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ ЦВ. Г.В. N 58. 27.X.1851.
- ¹⁰⁸ См. заметку за подпись "Мълчан" в: ЦВ. Г.В. N 53. 22.IX.1851.
- ¹⁰⁹ См. заметку "За г. Андреевата География", подписанную "Мълчан" в: ЦВ. Г.В. N 59. 3.XI.1851.
- ¹¹⁰ См. заметку, подписанную "Един българин на г. Мълчана" в: ЦВ. Г.В. N 58. 27.X.1851.
- ¹¹¹ Рилски Н. Указ. соч. С. 3.
- ¹¹² См. письмо Д. Попова (Войникова) в редакцию журнала в: Български книжици. Г. III, 1860, кн. 2. С. 31.
- ¹¹³ Ш[апкарев] К. Языкословие.
- ¹¹⁴ См. письмо в редакцию за подписью "Т.Р." ЦВ. Г. 13, N 36. 1.IX.1862.
- ¹¹⁵ Ковачов И. Едно мнение върху общи език...
- ¹¹⁶ Раковски Г. Общи въпроси за старо-български книжевен език...
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ Рилски Н. Указ. соч. С. 2 и след.
- ¹¹⁹ Там же. С. 3—4.

- ¹²⁰ Там же. С. 4.
- ¹²¹ Там же.
- ¹²² Там же. С. 11—12.
- ¹²³ См. статью "Болгарски": ЦВ. Г.В. N 76. 1. III. 1852.
- ¹²⁴ Там же.
- ¹²⁵ Венелин Ю. Указ. соч. С. 48.
- ¹²⁶ Там же. С. 47.
- ¹²⁷ Там же.
- ¹²⁸ Палаузов Н. Няколко мисли заради българското правописание // ЦВ. Г.В. N 81. 12.IV.1852.
- ¹²⁹ Константинов Й. Ъ, Ж, ЪЖ литери болгарски // ЦВ. Г.В. N 83, 26.IV.1852.
- ¹³⁰ Там же.
- ¹³¹ Константинов Й. Приклад на ъ, ж, ѪЖ // ЦВ. Г.В. N 85. 10.V.1852.
- ¹³² Константинов Й. Не е право хладнокровие да показуваме върху наше славно-болгарство // ЦВ. Г. 2. N 92. 19.VII.1852.
- ¹³³ См.: ЦВ. Г. 7. N 315. 9.II.1857.
- ¹³⁴ См.: ЦВ. Г. 7. N 316. 16.II.1857.
- ¹³⁵ Там же.
- ¹³⁶ См.: ЦВ. Г. 7. N 315. 9.II.1857.
- ¹³⁷ См.: ЦВ. Г. 7. N 316. 16.II.1857.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ Там же.
- ¹⁴⁰ Там же.
- ¹⁴¹ Новобългарска сбирка. М., 1863. С. 15.
- ¹⁴² Подробное о языке сочинений Р. Жинзифова см.: Толстой Н.И. Указ. соч. С. 17—34; Жерев Ст. Езикът на Райко Жинзифов. С., 1979.
- ¹⁴³ Новобългарска сбирка. С. 16.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 15.
- ¹⁴⁵ Там же. С. 65.
- ¹⁴⁶ Вѣсток. Г. 1, N 15. 31.VIII.1865.
- ¹⁴⁷ Летоструй. Г. 1. 1869, оборот л. 1; см. также заметку: Мнение за българското правописание // Македония. Г. III. N 10. 1.II.1869.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ Македония. Г. II. N 13, 24.II.1868.
- ¹⁵⁰ См. предисловие к кн.: Наръчно св. благовествование или сбор от евангелските чтення. Цариград, 1870. С. 4.
- ¹⁵¹ Ш[апкарев] К. Языкословие.
- ¹⁵² Там же.
- ¹⁵³ См. предисловие к его книге: Голяма българска читанка или втората част на българският буквар. Цариград, 1870. С. 5.
- ¹⁵⁴ Там же.
- ¹⁵⁵ Там же.
- ¹⁵⁶ Ш[апкарев] К. Языкословие.
- ¹⁵⁷ Шапкарев К. Голяма българска читанка... С. 5.
- ¹⁵⁸ Там же.
- ¹⁵⁹ Ш[апкарев] К. Языкословие.
- ¹⁶⁰ Шапкарев К. Голяма българска читанка... С. 4, 6.
- ¹⁶¹ Там же. С. 4.
- ¹⁶² Там же. С. 3.
- ¹⁶³ Там же. С. 4.
- ¹⁶⁴ Там же.
- ¹⁶⁵ Шапкарев К. Наръчно св. благовествование... С. 6.
- ¹⁶⁶ Там же.
- ¹⁶⁷ См. заметку К. Шапкарева под рубрикой: Дописки на "Македония" // Македония. Г. IV. N 79. 8.IX.1870.
- ¹⁶⁸ Македония. Г. II. N 13. 24.II.1868.
- ¹⁶⁹ Там же.
- ¹⁷⁰ Македония. Г. II. 13.VII.1868.
- ¹⁷¹ Там же.

- ¹⁷² *Славейков П.* Македонският въпрос // Македония. Г. V, 18. I. 1871.
- ¹⁷³ Там же.
- ¹⁷⁴ Там же.
- ¹⁷⁵ Право. Г. VI. N 1. I. III. 1871.
- ¹⁷⁶ *Раковски Г.* Общи въпроси за старо-български книжевен язык.
- ¹⁷⁷ Македония. Г. II. N 13. 24. II. 1868.
- ¹⁷⁸ Македония. Г. V. N 2. 18. I. 1871.
- ¹⁷⁹ Право. Г. VI. N 1. I. III. 1871.
- ¹⁸⁰ Там же.
- ¹⁸¹ *Иванов П.* Българска граматика по македонско наречие от г-на Мачуковски // Право. Г. VII. N 34. 30. X. 1872.
- ¹⁸² Там же.
- ¹⁸³ *Гранитский А.* Теория за българското правописание // ЦВ. Г. Г. N 81. 7. I. 1850.
- ¹⁸⁴ *А. Нп. Т.* Болгарски // ЦВ. Г. В. N 55. 6. X. 1851.
- ¹⁸⁵ Там же.
- ¹⁸⁶ *Константинов Й.* Ъ, Ж, І-Ж литери български.
- ¹⁸⁷ *Каравелов Л.* Българска книжина // Българска пчела. Г. II. N 6. 10. VII. 1864.
- ¹⁸⁸ *Каравелов Л.* Указ. соч. // Българска пчела. Г. II, N 5. 30. VI. 1864.
- ¹⁸⁹ Там же.
- ¹⁹⁰ См. статью: Българското правописание и език // Право. Г. IV. N 38. 15. XI. 1869; Македония. Г. IV. N 4. 25. XI. 1869.
- ¹⁹¹ *Славейков П.* Нова мода календар за 1857. Цариград, 1857. С.
- ¹⁹² См. заметку М. Дринова под рубрикой: Дописки на "Македония" // Македония. Г. IV. N 70. 31. VII. 1870.
- ¹⁹³ Там же.
- ¹⁹⁴ *Гранитский А.* Указ. соч.
- ¹⁹⁵ Мирозрение. Г. I, 1850. С. 46.
- ¹⁹⁶ *Каравелов Д.* Памятники народного быта болгар. Кн. I. М., 1861. С. 165.
- ¹⁹⁷ *Иванов П.* Языкословни размишления // Македония, Г. I, N 38, 20. IX. 1871. — Здесь, по всей видимости, описка: вместо "Македонии" (в оригинале — "Македонско") должно быть "Фракии". В противном случае получается, что у жителей Македонии "вызывает смех" их же собственное наречие.
- ¹⁹⁸ *Шапкарев К.* Языкословие.
- ¹⁹⁹ Македония. Г. IV. N 70. 31. VII. 1870.
- ²⁰⁰ Македония. Г. IV. N 79. 8. IX. 1870.
- ²⁰¹ *Петков Б.* За българският язык // ЦВ. Г. 7. N 336. 6. VII. 1857.
- ²⁰² См. статью "Една истина" в: Право. Г. V. N 40. 30. X. 1870.
- ²⁰³ Право. Г. V. 28. XII. 1870.
- ²⁰⁴ ВЯ. 1971. N 4. С. 73—89.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 1. Некоторые общие проблемы нормализации болгарского литературного языка в эпоху Возрождения	3
§ 1. Проблема языка в общем движении болгар за национальное Возрождение	3
§ 2. О некоторых предпосылках создания единого болгарского литературного языка	13
§ 3. Об основных направлениях нормализации современного болгарского литературного языка на стадии его формирования	34
§ 4. О языке Г. Раковского как опыте создания арханзирванного литературного языка	42
§ 5. Литературное самоназвание болгар в свете споров по вопросам нормализации языка	55
Глава 2. Нормализация некоторых явлений грамматики болгарского литературного языка на стадии его формирования	73
§ 1. Проблема членных форм в нормализации болгарского литературного языка эпохи Возрождения	73
§ 2. Проблема падежей в истории современного болгарского языка на начальном этапе его нормализации	105
§ 3. Инфинитив на <i>-ти</i> в истории нормализации современного болгарского литературного языка	149
Глава 3. Проблема выбора диалектной основы болгарского литературного языка в эпоху Возрождения	152
§ 1. Представления о диалектной дробности болгарского языка и основных его наречиях	153
§ 2. Выступления на монодиалектную основу литературного языка и критерии ее выбора	157
§ 3. Предложения о восточноболгарской диалектной основе литературного языка	163
§ 4. Предложения о западноболгарской диалектной основе литературного языка	166
§ 5. Критика идеи монодиалектной основы литературного языка	171
§ 6. Выступления за синтез наречий как основы литературного языка	175
§ 7. Критика идеи синтеза наречий как основы литературного языка	190
§ 8. Об утверждении восточноболгарской диалектной основы современного болгарского литературного языка	195

Научное издание

Венедиктов Григорий Куприянович

**БОЛГАРСКИЙ
ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК
ЭПОХИ ВОЗРОЖДЕНИЯ
(Проблемы
нормализации и выбора
диалектной основы)**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики
АН СССР*

Редактор издательства *Т.М. Скрипова*

Художник *С.Б. Марутч*

Художественный редактор *А.В. Здрилько*

Технический редактор *Л.Н. Богданова*

Корректор *З.Д. Алексеева*

Набор выполнен в издательстве
на электронной фотонаборной системе

ИБ № 46 329

Подписано к печати 01.02.90.

Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага офсетная № 1
Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 13,0. Усл.кр.-отт. 13,3
Уч.-изд.л. 16,4. Тираж 700 экз. Тип. зак. 2242
Цена 3 р. 30 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука" 117864 ГСП-7
Москва В-485, Профсоюзная ул., д. 90

Ордена Трудового Красного Знамени
1-я типография издательства "Наука"
199034, Ленинград, В-34, 9-я линия, 12

67590

RU